

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

На правах рукописи

Казаринов Ильдар Александрович

**ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Заслуженный юрист РФ, доктор
юридических наук, профессор
Бриллиантов Александр Владимирович

Москва, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Социально-историческая обусловленность и системно-правовая характеристика уголовно-правовых норм, определяющих действие закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России	16
§ 1. Эволюция российского законодательства и научных представлений о действии уголовного закона за пределами территории государства	16
§ 2. Социально-правовая и теоретико-правовая характеристика правил действия УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации	49
§ 3. Выдача лиц, совершивших преступления, и предоставление убежища в системе правил действия УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации	72
Глава 2. Проблемы теории и практики применения норм УК РФ, определяющих его действие в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации	112
§ 1. Действие уголовного закона в отношении граждан Российской Федерации, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации	112
§ 2. Действие уголовного закона в отношении граждан Российской Федерации со специальным статусом, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации	151
§ 3. Действие российского уголовного закона в отношении иностранных граждан, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации	180
Заключение	211
Список использованной литературы	219
Приложение	243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Уголовно-правовая защита основных социальных ценностей и регулирование общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений, занимают важное место в ряду функций современного государства. Его суверенное право устанавливать уголовно-правовой запрет и применять наказание к правонарушителям предопределено не только логикой исторического развития правовых отношений, но и прямо продиктовано конституционными обязательствами государства по защите прав человека, обеспечению общественной безопасности и поддержанию мирового правопорядка. Эффективное выполнение правозащитной и правоохранительной функций требует разработки и правового закрепления надежного механизма, устанавливающего не только основания и последствия уголовно-правового вмешательства государства в общественную жизнь, но и ясные пределы пространственной реализации уголовно-правового суверенитета.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит две статьи (ст. 11 и ст. 12), устанавливающие пределы его действия в пространстве и по кругу лиц в зависимости от того, совершено ли преступление на территории РФ или вне ее пределов. При этом вопрос о возможности применения УК РФ к лицам, совершившим преступные деяния вне пределов пространственной юрисдикции России, вызывает сегодня наибольший исследовательский интерес, обусловленный не только законодательной трансформацией существующих правил и поиском оптимальной формулы, позволяющей максимально защитить интересы страны и ее граждан от преступных посягательств, но и сложными уголовно-политическими и правовыми процессами, разворачивающимися на фоне обостряемых глобализацией противоречий между отдельными государствами и их союзами.

В процессе реформирования ст. 12 УК РФ о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России, законодатель установил возможность применения российского закона к лицам, причинивших за пределами России вред гражданам РФ и постоянно проживающим в РФ лицам без гражданства; допустил применение УК РФ в ситуациях совершения деяний с несовпадающей уголовной противоправностью; признал основанием осуществления универсальной юрисдикции документы международного характера, содержащие обязательства, признаваемые РФ, в сфере уголовно-правовых отношений. Как следствие возникла относительно новая конфигурация правил действия УК РФ по кругу лиц, отражающая широкие возможности государства по уголовно-правовому регулированию отношений, ранее не попадавших в сферу российского права.

Это обстоятельство требует тщательного доктринального анализа как с теоретической точки зрения – на предмет соблюдения баланса между обязательствами государства по защите правовых ценностей и границами государственного суверенитета, так и с позиций практического применения существенно модернизированных уголовно-правовых предписаний. Потребность в современной интерпретации правил, установленных ст. 12 УК РФ, обуславливает актуальность заявленной темы исследования, необходимость постановки и решения комплекса задач по ее всестороннему изучению.

Степень разработанности темы диссертации. Проблематика действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России, в качестве самостоятельного предмета анализа в современной научной литературе к сегодняшнему дню не была заявлена. Тем не менее значимые для развития науки и практики результаты ее осмысления были достигнуты специалистами в процессе анализа общих вопросов действия УК РФ в пространстве и по кругу лиц. Существенный вклад в разработку темы внесли представители русской дореволюционной науки

(Л.С. Белогриц-Котляревский, С.Н. Будзинский, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев и др.), советские специалисты (М.И. Блум, А.А. Пионтковский, А.А. Тилле, М.Д. Шаргородский и др.), а также современные авторы (А.И. Бойцов, Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, А.А. Макаеева, М.Г. Мельников, Р.Р., Н.И. Пикуров, Р.Р. Хаснутдинов, К.А. Цай, А.И. Фролова и др.). Последовательность в разработке проблем действия уголовного закона и преемственность научного знания позволили создать надежный теоретический фундамент для решения современных проблем. Тем не менее некоторые аспекты темы нуждаются в дополнительном анализе. В частности, необходимо уточнить следующее: вопрос о понятии и пределах уголовно-правового суверенитета; значение предписаний о пределах действия уголовного закона для определения статуса государства как участника уголовно-правовых отношений; правовую природу и место правил действия уголовного закона по кругу лиц в системе институтов и норм уголовного права; содержание системных связей этих правил с предписаниями иных отраслей права; особенности процесса применения уголовно-правовых предписаний, устанавливающих пределы действия уголовного закона; содержание модернизированных законодателем условий действия российского уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов России. Недостаточное внимание юристов к этим вопросам обуславливает наличие в науке определенного пробела, восполнению которого призвано послужить настоящее диссертационное исследование.

Объектом диссертационного исследования определены правоотношения, возникающие в связи с фактом совершения преступления вне пределов Российской Федерации.

Предмет диссертационного исследования – теоретические разработки, принципы и нормы национального, а также международного права об основаниях и пределах действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России; проблемы теории и

практики применения уголовного закона к лицам, совершившим преступления вне пределов России.

Цель диссертации состоит в разработке и аргументации обладающей прикладным потенциалом логически цельной теоретической концепции действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России, основанной на необходимости органичного сочетания конституционных обязательств России по защите правовых ценностей и уважения суверенитета иностранных государств.

Достижение поставленной цели обусловило постановку и решение следующих **задач**:

– выявить закономерности и противоречия, влияющие на динамику правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны;

– раскрыть социально-правовое значение правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России, для определения статуса государства как субъекта уголовно-правовых и международно-правовых отношений;

– определить место правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, в системе норм уголовного права и содержание их межотраслевых связей с международным уголовным и конституционным правом;

– дать толкование предписаниям уголовного закона, определяющим условия его действия в отношении граждан РФ и иностранных граждан, совершивших преступления вне пределов России;

– выявить содержательные и юридико-технические недостатки предписаний ст. 12 УК РФ, обосновать возможные направления их совершенствования.

Правовой основой диссертации выступают:

– положения Конституции Российской Федерации, определяющие основы и пределы уголовно-правового регулирования, устанавливающие

начала экстрадиции и предоставления убежища;

– постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о конституционности положений УК РФ, устанавливающих пределы его действия в пространстве;

– являющиеся частью российской правовой системы принципы и нормы международного права (в том числе международные конвенции по вопросам выдачи, сотрудничества государств в области правовых отношений и противодействия отдельным видам преступлений, двусторонние договоры, заключенные Россией с иностранными государствами по вопросам выдачи и определения юрисдикции при размещении на территории иностранного государства воинских формирований, решения Европейского Суда по правам человека, включая такие знаковые, как постановления по делам «Серинг против Соединенного Королевства», «Чентиев и Ибрагимов против Словакии», «Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации»);

– принципы и нормы Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, а также положения иных правовых актов, в том числе Федерального закона от 05.05.2014 № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и др.

В работе исследованы судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о конституционности положений УК РФ, устанавливающих пределы его действия в пространстве.

Историко-правовые аспекты темы исследованы на основе анализа положений Русской правды, Судебников XIV – XV веков, Соборного Уложения, Воинских артикулов, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовного Уложения, Уголовных кодексов РСФСР.

Теоретическую базу диссертации составили:

– основные положения теории уголовно-правового регулирования, разработанные О.Н. Бибиком, А.В. Бриллиантовым, Н.В. Генрих, А.И. Рарогом, А.А. Толкаченко и др.;

– учение об истории уголовного права, сформированное трудами А.А. Арямова, М.Ф. Владимирского-Буданова, Э.В. Георгиевского и др.;

– теория уголовного закона, разработанная А.И. Бойцовым, З.А. Незнамовой, М.И. Ковалевым, К.В. Ображиевым, Ю.Е. Пудовочкиным, А.А. Тилле, М.Д. Шаргородским и др.;

– учение о международном уголовном праве и его соотношении с российским правом, представленное в трудах Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Г. Кибальника, А.В. Наумова, Е.Н. Рахмановой и др.

Эмпирическая основа исследования включает в себя:

– результаты экспертного опроса 115 человек, в их числе 32 прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах, 36 следователей органов внутренних дел и Следственного комитета, 47 судей, специализирующихся на рассмотрении уголовных дел (опрос проводился в Ростовской области, Ставропольском крае, городе Москве);

– итоги анализа интерпретационной практики высшей судебной инстанции, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, относящимся к теме исследования;

– материалы обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ, обзоры кассационной и надзорной практики Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума и определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам (1998 – 2019 г.);

– данные, полученные при изучении приговоров по 74 уголовным делам о преступлениях, совершенных вне пределов России, рассмотренные в судах в период с 2002 по 2019 годы (изучение уголовных дел осуществлялось в судах Ростовской области, а также с применением компьютерных средств поиска информации в иных регионах России).

Методологической основой диссертации выступает совокупность философских, общенаучных и специально юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность, историзм и компаративизм в изучении проблем действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц. В основе работы – требования системного подхода, который позволил конкретизировать место исследуемых правовых предписаний в системе уголовного права и их межотраслевые связи. Диссертация базируется на принципах развития предмета исследования, его логической определенности, исторической конкретности и диалектической связи между логическим и историческим способами познания, системности и всесторонности исследования. В процессе подготовки работы использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация) и частно-научные методы уголовно-правовых исследований (логико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа документов, экспертный опрос).

Научная новизна диссертации состоит в обосновании нового подхода к формулированию правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России, учитывающего баланс конституционных обязательств России по защите правоохраняемых интересов и уважению суверенитета иностранных государств. Критерию новизны, в частности, отвечают:

– установленные исследованием социально-исторические и политико-правовые противоречия, определяющие динамику законодательных позиций относительно распространения действия отечественного уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России;

– основные направления эволюции отечественного уголовного права в части решения вопроса о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России;

– оценка правил действия УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России, в качестве элемента предписаний,

определяющих статус государства как участника уголовно-правовых отношений;

– характеристика институциональной природы и межотраслевых связей правовых предписаний о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России;

– место и роль института пределов действия уголовного закона в механизме применения уголовно-правовых норм;

– вывод о необходимости дифференциации условий ответственности по УК РФ российских и иностранных граждан за совершенные вне пределов России преступления в зависимости от особенностей совершенного преступного деяния.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выявлена корреляция между состоянием международного сотрудничества в сфере противодействия преступности и объемом применения национального уголовного закона к лицам, совершившим преступные деяния за пределами территории страны. Общая закономерность правовой регламентации действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, состоит в более широком использовании в уголовном законе принципа территориального и универсального действия его норм при отсутствии напряженности между государствами и более активной реализации в национальном законодательстве принципа гражданства в его действии по кругу лиц в совокупности с институтом убежища и выдачи при осложнении международной обстановки.

2. Установлены три основных этапа эволюции отечественного уголовного права в части регламентации правил действия закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами государства, отражающие особенности содержательной связи состояния международных отношений и уголовной политики страны. Первый этап: с IX по начало XX века, когда Россия была склонна следовать европейским иностранным

юрисдикциям в части осуществления уголовного преследования собственных граждан за совершенные вне пределов страны преступления и стремилась к воплощению реального принципа для защиты своих интересов от посягательств иностранных граждан. Второй этап: с начала по конец XX века, когда Россия, находясь в политическом и идеологическом противостоянии с рядом государств мира, в большей степени тяготела к воплощению персонального принципа и фактически отказалась от решения в уголовном законе вопросов об ответственности иностранцев за совершенные в иностранном государстве преступления против отечественных правовых интересов. Третий этап: с 1996 года, когда Россия под влиянием интеграционных и глобализационных процессов вновь возвращается к прерванной советским периодом традиции, активно защищая свои интересы посредством дополнения территориального и персонального принципов правилами реального и универсального действия уголовного закона.

3. Обосновано положение о том, что вопреки устоявшейся научной традиции правила действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, не могут признаваться коллизионными правовыми предписаниями, поскольку не определяют порядок выбора между конкурирующими правовыми нормами российского и иностранного уголовного законодательства. По мнению автора, они представляют уголовно-правовую конкретизацию конституционных положений, раскрывающих статус государства как участника уголовно-правовых отношений, закрепляя притязания государства на охрану конституционно значимых ценностей, объективно ограниченные пределами его суверенитета.

4. Предписания, определяющие пределы действия закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, не образуют самостоятельного института уголовного права, но являются составной частью отраслевого института действия уголовного закона в пространстве, который является дискретным, регулятивным, смешанным, видовым

уголовно-правовым институтом. На межотраслевом уровне система исследуемых правил взаимодействует с экстрадицией как институтом международного уголовного права и убежищем как институтом конституционного права. Такая связь, с точки зрения теоретического учения о межотраслевых институтах, позволяет рассматривать предписания о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами страны, в качестве функционального межотраслевого института права, объединяющего в себе положения уголовного, конституционного, международного права.

5. Обоснован вывод, согласно которому правила, определяющие пределы действия закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, в процессе правоприменения, закрепленные на уровне самостоятельного правового предписания, образуют в составе уголовно-правовой нормы один из значимых элементов ее гипотезы. Следуя логике различения уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания, автор полагает необходимым различать процесс применения самой нормы уголовного права (в форме вынесения итогового судебного решения) и процесс применения правовых предписаний, предусмотренных ст. 12 УК РФ (в форме решения о возбуждении уголовного дела). Применение правил, определяющих пределы действия закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, составляет часть такого этапа правоприменительного процесса, как выбор уголовно-правовой нормы, при этом оно предполагает применение как самой ст. 12 УК РФ, так и непосредственное применение норм международных договоров РФ, что требует ссылок на соответствующие правовые предписания в тексте правоприменительного акта.

6. Аргументация предложений о перспективах развития правового регулирования персонального принципа действия уголовного закона в отношении граждан РФ, совершивших преступления за рубежом, заключающихся в следующем:

– дифференциация условий реализации персонального принципа в зависимости от особенностей совершенного преступления: преступления, образующие основу универсальной юрисдикции, должны повлечь ответственность по УК РФ вне зависимости от факта их криминализации в стране места совершения, тогда как «общеуголовные» преступления должны предполагать их «двойную наказуемость» – по законам России и места совершения;

– за совершенные вне пределов страны преступления российские граждане или постоянно проживающие в России лица без гражданства должны нести ответственность по УК РФ в случаях, когда иностранное государство не желает или неспособно возбудить уголовное преследование или вести расследование должным образом, либо если судебное разбирательство было проведено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление.

7. Обоснована необходимость унификации правил реализации покровительственного принципа действия УК РФ и их содержательной конкретизации в тексте закона. Уголовная юрисдикция в отношении военнослужащих российской воинской части, дислоцирующейся за пределами РФ в мирное время, должна в приоритетном порядке определяться предписаниями ч. 2 ст. 12 УК РФ при сохранении отсылки к возможным исключениям в нормах международных договоров РФ. При этом общие правила покровительственного принципа предполагают, что действие отечественного уголовного закона должно распространяться на российских военнослужащих, совершивших преступление: а) в месте дислокации воинской части вне зависимости от того, против каких объектов данное преступление направлено; б) вне зависимости от места совершения, если преступление направлено против интересов РФ или граждан РФ, либо если преступление совершено при исполнении служебных обязанностей.

8. Определены перспективы развития защитного принципа действия уголовного закона, основанные на сочетании потребности в защите

национальных интересов страны с принципом уважения суверенитета иностранного государства, выраженные в следующем:

– наличие любого решения суда иностранного государства по факту совершенного иностранцем или постоянно не проживающим в России лицом без гражданства преступления против интересов, охраняемых УК РФ, должно исключать ответственность таких лиц по УК РФ, кроме тех случаев, когда у государства места совершения преступления отсутствуют нормативные или организационные возможности для привлечения виновного к ответственности, либо если оно не желает по каким-либо причинам начинать уголовное преследование, либо проводит расследование преступления и наказание преступников формально в нарушение требований справедливости и беспристрастности;

– преступления, которые направлены против государственных интересов РФ, должны повлечь ответственность по УК РФ вне зависимости от того, криминализованы ли они в стране места совершения, тогда как для преступлений, которые посягают на иные охраняемые УК РФ интересы, требуется соблюдение правила «двойной наказуемости».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в своей совокупности оно создает логически цельное учение о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России. Предложенная теория уточняет представление о правовой природе правил действия уголовного закона в пространстве и их межотраслевых связях; раскрывает основные направления эволюции этих правил, а также закономерности и противоречия, их определяющие; содержит актуальное толкование модернизированных правовых предписаний о действии закона в отношении лиц, совершивших преступление за пределами России; формулирует условия повышения эффективности экстрадиционной деятельности; включает предложения, направленные на решение актуальных задач применения уголовного закона и перспективных проблем его реформирования. Сформулированные в диссертации положения и выводы

относительно эволюции и современного состояния правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами России, углубляют содержание таких разделов науки, как история уголовного права, система уголовного права, уголовный закон. Тем самым диссертация способствует развитию уголовно-правовой теории в целом.

Практическое значение диссертации заключается в обосновании перспективных направлений совершенствования законодательного регулирования правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России; в разработке практических рекомендаций по применению ст. 12 УК РФ; в возможности использования материалов диссертации в учебном процессе подготовки бакалавров и магистров по направлению «Юриспруденция», а также в системе обучения и повышения квалификации судей.

Апробация результатов диссертации. Основные положения диссертации нашли отражение в 7 научных публикациях, в том числе в 5 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России. Сформулированные концептуальные положения докладывались на VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (М., РГУП, 2019), VII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика» (СПб., СЗФ РГУП, 2019). Материалы исследования используются в учебном процессе кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», а также внедрены в практическую деятельность Южного окружного военного суда, Ростовского областного суда, Ставропольского краевого суда и Верховного суда Республики Ингушетия.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И СИСТЕМНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РОССИИ

§ 1. Эволюция российского законодательства и научных представлений о действии уголовного закона за пределами территории государства

Вопрос о действии отечественного уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступные деяния вне пределов территории государства, как самостоятельная научная проблема в историко-правовом аспекте еще не рассматривался. Тем не менее существует насущная потребность в исследовании данного вопроса, поскольку история развития законодательства, как известно, не только содержит ответы на многие вопросы современности, заключая в себе образцы решений однотипных правовых ситуаций в различных социально-политических условиях, но и позволяет формулировать вполне обоснованные прогностические суждения относительно дальнейшей динамики правового регулирования этих ситуаций¹.

Правовая регламентация вопросов действия уголовного законодательства в отношении лиц, совершивших преступления за пределами России, как никакой иной вопрос уголовного права, тесно связана, как минимум, с двумя важнейшими аспектами политико-правовой истории страны: во-первых, с уровнем развития и состоянием международных отношений, статусом и ролью России в мировой политике; и во-вторых, с развитием представлений о государственном суверенитете и пространстве его

---

¹ В параграфе использованы материалы, ранее опубликованные автором, см.: Казаринов И.А. Эволюция законодательства о действии уголовного закона за пределами территории государства в IX – XIX веках // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1 (128). – С. 110 – 116; Казаринов И.А. Развитие советского законодательства и научных представлений о действии уголовного закона за пределами территории государства // Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 37 – 40.

действия. Н.Д. Сергеевский в связи с этим отмечал, что «расширение карательной власти за пределы государственной территории, то есть суждение и наказание преступных деяний, учиненных за границей лицами, там проживающими ... есть вопрос чисто исторический, не поддающийся общему принципиальному решению и разрешаемый положительным правом каждой эпохи сообразно свойству международных отношений»¹. Соглашаясь с этим высказыванием в части исторической обусловленности рассматриваемых нами уголовно-правовых норм, позволим себе в известной степени оспорить утверждение автора об отсутствии здесь «общего принципиального решения». Рассматривая сквозь призму отмеченных выше социальных процессов предписания памятников отечественного уголовного права на всем протяжении ее истории, уже в первом приближении вполне уверенно можно сформулировать тезис, раскрывающий сущность эволюции уголовно-правовых норм, определяющих пространство действия уголовного закона. Содержание нашей гипотезы состоит в наличии определенной корреляции между состоянием международных отношений и объемом применения национального уголовного закона к лицам, совершившим преступные деяния за пределами территории страны: чем теснее международные связи, чем выше уровень доверия между странами, тем большей популярностью в уголовном законе пользуется принцип территориального и универсального действия его норм, и наоборот, чем сложнее международная обстановка и чем больше противоречий между государствами, тем активнее в национальном законодательстве используется принцип гражданства в его действии по кругу лиц в совокупности с институтом убежища и выдачи. Обоснованию и доказательству этого тезиса будет по преимуществу посвящено нижеизложенное. В качестве исходной точки анализа возьмем аргументированное мнение специалистов о том, что уже в Древней Руси вполне зримо очерчивались контуры пространственного

---

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип М. Стасюлевича, 1896. – С. 345.

действия уголовного законодательства, при этом наиболее ярко проявлялся территориальный принцип действия уголовного законодательства¹.

Письменную историю отечественного уголовного права традиционно начинают с анализа положений важнейших международно-правовых актов Древнерусского государства – его договоров с Византией, свидетельствующих о весьма активной внешней политике и достаточно развитом уровне правовой культуры. При этом важно, что уже в этих договорах, равно как в договорах Руси с Литвой и Готским берегом, то есть собственно в первых фиксированных документах, вопросам действия правовых норм в отношении подданных, отстаивающих или нарушающих правовые интересы за пределами своего государства, уделяется достаточно пристальное внимание. Как верно отмечают специалисты, это было обусловлено установлением Древней Русью отношений с другими государствами, необходимостью устранения коллизий между обычным правом восточных славян и зарубежным правом².

Так, например, уже Договор Руси с Византией 907 года закреплял общее требование к поведению русских за пределами страны: «Пусть (русский) князь запретит своим послам и (вообще) прибывающим сюда русским творить бесчинство в наших селах и в нашей стране»³. Договор 911 года в статьях 4 – 7 определял наказание за различные преступления, если они совершаются «русским против христианина» или «христианином против русского». В этих положениях нельзя не видеть попытки согласовать, примирить, найти компромисс между двумя правовыми порядками – Византии и Древней Руси в случае столкновения их юрисдикций. Имея право покарать преступника на основе территориального принципа в пределах своей территории, каждое государство, тем менее, в добровольном, договорном порядке стремится учесть и подданство преступника, исходя из

---

¹ Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 145.

² Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 13.

³ Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X – XII в.в. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1952. – С. 65 – 66.

начал, определяемых принципом гражданства. Отсюда – согласованный для обеих сторон вид и размер уголовных наказаний за наиболее распространенные преступления. Статья 14 Договора предусматривает выдачу уголовных преступников, бежавших из Руси «О различных (людях), ходящих в Грецию и остающихся в долгу... Если злодей не возвратится на Русь, то пусть русские жалуются греческому царскому величеству, и он да будет схвачен и возвращен насильно на Русь», в ст. 15 указано параллельно: «То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же (с ними)»¹. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, процесс подобной передачи в обе стороны осуществлялся только после того, как было отправлено правосудие в Византии над виновным греком, и только потом его передавали русским для осуществления кровной мести. Русы же передавали своих соплеменников грекам после признания их виновными для осуществления там смертной казни².

Однако уже в Договоре 944 года в ст. 12 русским князьям предписывается: «Если же будет совершено какое-либо злодеяние греками, подданными нашего царского величества, то (Вы) не имеете права их (самовольно) наказывать, но согласно повелению нашего царского величества пусть получают (они наказание) в меру своих проступков»³. Эта статья запрещает наказывать греков русским за какое-либо преступление без решения византийского суда. Причиной столь серьезных изменений в характере и объеме уголовно-правовых постановлений договора 944 г. по сравнению с договором 911 г. являлась политическая обстановка при заключении соглашений. Договор 911 г. заключался от имени князя Олега, когда русские были победителями. Договор 944 г. был заключен от имени князя Игоря после поражения русских, в связи с чем греки не преминули расширить собственную уголовно-правовую юрисдикцию в договоре 944 г. за

---

¹ Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X – XII в.в. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1952. – С. 13 – 14.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-ан-Дону: Феникс, 1995. – С. 308.

³ Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X – XII в.в. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1952. – С. 39.

счет сужения возможности осуществления русскими кровной мести как по кругу возможных мстителей, так и по отношению к меньшему количеству преступных деяний¹.

Влияние политической ситуации и международных отношений на регулирование вопросов, связанных с осуществлением уголовного преследования в отношении иностранцев, прослеживается и в иных договорах раннесредневекового государства. Так, Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 года предписывал в ст. 4: «Аже извиниться Русин у Ризе, или на Гочьком березе, у дыбу его не сажати. Аже извиниться Латинин у Смоленске, не маетати его у погрею, аже не будет порукуы, то у железа усадить»². Статья устанавливает гарантии неприкосновенности русским купцам, находящимся в Риге и на Готланде, в случае совершения ими каких-либо преступлений. Статья 33 Договора санкционирует расправу русских и немецких купцов с ворами, захваченными ими на месте преступления («Аще Русин или Немчин иметь татя у своего товара, в том его воля, что хочет учинити»). В Соглашении Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230 – 1270 определяется: «Аже убьютъ мужа вольного, ть выдати розбоиникуы, колико то их будеть было; не будеть розбоиников, то дати за голову 10 грив[ен] серебра» (ст. 2)³.

Ввиду специфики правовой ситуации вопросы пространственного действия уголовного закона как правило не рассматривались в документах, регулирующих уголовно-правовые отношения внутри страны. В Русской Правде, например, не рассматривается ситуация, когда коренные жители Руси совершают преступление на территории другого государства. В памятнике ничего не говорится и о выдаче иностранцев, совершивших преступления вне Руси, но находящихся на ее территории. В то же время некоторые современные исследователи усматривают в обязанности верви,

---

¹ Георгиевский Э.В. Уголовно–правовая характеристика международных договоров и соглашений Древней и Средневековой Руси XX – XV вв. // Сибирский Юридический Вестник. – 2004. – № 2. – С. 14 – 19.

² Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально–раздробленной Руси / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 60.

³ Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально–раздробленной Руси / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 73.

предусмотренной ст. 3 Пространной редакции, разыскать лицо, совершившее убийство и выдать его или уплатить штраф князю, начала современной экстрадиционной деятельности¹.

В целом анализ правовых актов того периода позволяет сделать вывод о том, что в случаях возникновения конкуренции законов различных государств при совершении преступления русскими за границей действовали следующие правила:

1) там, где отношения между русскими и иностранцами не были определены договорами, русский за преступления, совершенные им за пределами государства, подлежал суду по законам места совершения преступления;

2) там, где взаимные отношения были определены договорами, этими же договорами устанавливалось, по возможности, однообразность ответственности либо выдача преступников².

Несколько позднее отдельные моменты, связанные с ответственностью за преступные деяния, совершенные за пределами страны, разрешались в памятниках церковного права. Так, Запись «Об установлении татьбы» – памятник церковной юрисдикции XIII – XIV веков – разрешает ситуации, когда место нахождения преступника не совпадает с местом совершения преступления. Документ подтверждает территориальный принцип действия закона. Когда на территории другой области (возможно, другого княжества или земли) оказывается преступник и предметы, добытые преступным путем, суд над преступником может сотворить только властитель места совершения преступления: «тот властитель ведает всю продажу...; иные же никто той страны татю лица продажи не творить». Если же по каким-то причинам суд над таким преступником учинен властителем той местности, где находится преступник, но «придет же первой страны властитель» (то есть заявит свои права на наказание преступника), то все проданное и награбленное должно

---

¹ Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды). – Армавир: РИО АГПА, 2011. – С. 57.

² См. об этом также: Мельников М.Г. Действие уголовного закона в пространстве. учеб. пособ. /под общ. ред. В.А. Елеонского. – Рязань: Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2003. – С. 13.

возвратиться в этом случае к нему. Помимо этого, «и над покравшим татем первый властитель волю имать: или продажи достоин будет, или муки»¹. Тем самым, как представляется, устанавливалось не только преимущество персонального принципа действия уголовного закона, но и возможность повторного наказания преступника со стороны властей государства его подданства, даже в случае его осуждения за пределами страны за совершенное там преступление.

Налицо, как представляется, ситуация, отражающая сквозь призму частного уголовно-правового вопроса важнейшие аспекты социальной и политической истории страны. В период укрепления и роста территории страны, связанного с этим укреплением позиций государства на международной арене, территориальный принцип действий уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами страны, мыслился как неотъемлемый компонент территориального суверенитета государства и на началах взаимности не оспаривался странами в международном общении. В то же время формирование прослойки лично зависимого населения и экстраполяция отношений личной зависимости на положение всех граждан по отношению к главе государства (иными словами, формирование представлений о гражданстве как принадлежности лица к определенному государству с присущим этому комплексу прав и обязанностей) требовало сохранения действия национального уголовного закона по отношению к подданным, вне зависимости от того, где ими осуществлялись преступные деяния. Этот параллелизм и противоречие во многом будут определять всю последующую динамику уголовного законодательства в части установления пределов его действия.

Такая ситуация проявила себя, например, в предписаниях Судебника 1497 года. В ст. 58. Судебник описывает особый порядок рассмотрения споров между иностранцами. Составитель Судебника, видя необходимость

---

¹ Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI – XV в.в. – М.: Наука, 1976. – С. 198. В науке предложена и несколько иная интерпретация этого документа, см.: Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 151.

установления особых норм, регулирующих взаимоотношения между иностранцами, взял за основу ст. 105 Псковской Судной грамоты¹. Однако, если в псковском законе говорилось лишь об обвинении в уголовных преступлениях, теперь чужеземцу предоставляется право предъявлять иск по любому делу. Это объясняется тем, что в Новгороде и Пскове городские власти не вмешивались в управление иноземными факториями, оставляя за собой право рассмотрения лишь уголовных дел. Русское же государство не могло в интересах своей безопасности и укрепления суверенитета допускать какую-либо автономию иноземцев. Поэтому Судебник определяет порядок рассмотрения всех возникающих между иностранцами споров, причем, учитывая своеобразие правовых и религиозных воззрений иностранцев, вводит в качестве основного доказательства крестное целование².

Дальнейшее развитие нормы уголовного закона, определяющее пространство его действия в отношении лиц, совершивших преступления за границей, получило в Соборном Уложении 1649 года. При этом, в силу общей логики развития права, содержание исследуемого вопроса рассматривалось не как часть общих положений кодекса (их, как известно, на тот момент просто не существовало), а как часть режима ответственности за те или иные конкретные преступления.

Так, например, в ст. 11 главы 2 Уложения определялось: «А будет которой изменник быв в котором государстве, выедет в Московское государство, и Государь пожалует его, велить ему вину его отдати: и ему поместья дослуживатися вновь, а в вотчинах его Государь волен, а прежних его поместий ему не отдавати». Эта статья определяет, что в случае, если бежавший в другое государство изменник возвращался, и государь повелевал

---

¹ В этой норме устанавливалось: «Если какой-либо чужеземец предъявит к (другому) чужеземцу иск (па обвинению) в избиинии и ограблении, то дело передается на усмотрение того, к кому предъявлен иск: он может сам присягнуть в том, что не избивал и не грабил истца, или на суде возратить ему (то), что тот с него взыскивает». При иске «в бое и грабеже» чужеземца к чужеземцу дело передавалось на усмотрение ответчика: он мог подтвердить свою невиновность присягой или возратить на суде предмет иска. См.: Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII – XV в.в. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. – С. 322.

² Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV – XV в.в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. – С. 406.

«ему вину его отдати»), то есть прощал его, то конфискованные за измену поместья не подлежали возвращению, а вопрос о вотчинах решался по усмотрению царя¹. В ст. 3 главы 6 предписывалось: «А будет кто поедет в которое государство без проезжие грамоты, и быв в ином государстве приедет в Московское государство, а иной кто учнет на него извещати, что он ездил без проезжие грамоты самовольством для измены, или для инаго какова дурна: и по тому извету про того, кто ездил в иное государство без Государевы проезжие грамоты, сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет про него в сыску скажут, что он впрям ездил в иное государство без проезжия грамоты для измены, или для инаго какова лихого дела: и того по сыску за измену казнити смертию². В ст. 4 этой же главы говорится о факте самовольного выезда за границу без проезжей грамоты не с целью измены государству, а с целью ведения торговых дел. Лица, совершившие этот проступок, в назидание другим наказывались публично кнутом. Статья 6 главы 7 говорит о привлечении лиц военной службы к судебной ответственности за совершение по дороге (то есть вне зависимости собственно от территории) какого-либо насилия. Мера наказания устанавливается в зависимости от тяжести преступного деяния с возмещением убытков потерпевшему³.

Важные положения содержит и тот раздел Уложения, который посвящен вопросам судоустройства и процесса. Так, ст. 1 главы 10 устанавливает: «Суд Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси, судити Бояром и Окольничим и Думным людем и Дьяком, и всяким приказным людем, и Судьям, и всякая росправа делати всем людем Московскаго Государства, от большаго и до меньшаго чину вправду. Также и приезжих иноземцов, и всяких прибылых людей, которые в Московском государстве будут, тем же судом судити и росправа делати по Государеву

---

¹ Памятник русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: гос. изд. юрид. лит., 1957. – С. 29, 34.

² Памятник русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: гос. изд. юрид. лит., 1957. – С. 47, 49.

³ Памятник русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: гос. изд. юрид. лит., 1957. – С. 52, 59.

указу вправду, а своим вымыслом в судных делах по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти, и ни в чем другу не дружити, а недругу не мстити, и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякия Государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти обидащаго от руки неправеднаго»¹.

Анализ показывает, что в отсутствие специальных норм законодатель тем не менее стремился определить правила об ответственности российских подданных, совершающих преступления за границей, причем, в первую очередь, в случае совершения ими преступных деяний, направленных против государственной безопасности (измены). И правило это состояло в установлении возможности применения к ним именно российских законов, что вполне логично ввиду того, что ответственность таких подданных за измену по законам иностранного государства не предусматривалась, так как измена российскому государству воспринималась, вероятно, как оказание содействия государству иностранному.

Что касается ответственности за иные преступления, совершенные российскими подданными за рубежом, то в отношении них действовали нормы закона места совершения преступления (с неисключенной возможностью применения по их возвращении в страну отечественного уголовного закона).

В целом, описывая исследуемые нами положения российских законов в период до первой половины XIX столетия, О. Горегляд писал: «Относительно тех российских подданных или иностранцев, которые учинили преступление ко вреду российского государства или частных граждан оно, и уклонились от должного наказания бегством, равно о учинивших таковые же преступления вне России, разнообразно определяется в договорах, заключенных с иностранными государствами: в иных постановлено, чтобы каждый за свои преступления подлежал наказанию на основании законов той

---

¹ Памятник русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: гос. изд. юрид. лит., 1957. – С. 77.

земли, в коей находится, а в некоторых, чтобы одни токмо российские подданные для надлежащего наказания, возвращаемы были из иностранного государства российскому правительству по требованию оног»¹.

Важным этапом на пути формирования специальных правил о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за границей, стала масштабная работа отечественных юристов по кодификации российского уголовного права в первой половине XIX столетия.

Первым крупным достижением здесь можно считать проект Уголовного Уложения 1813 года. В § 108 этот документ определял: «По сему Уложению судятся и за вины свои наказываются:

– все подданные российские, учинившие вне России такое преступление, коим общественная безопасность государства нарушена, как то: измену или предательство, подлог государственною печатью, делание фальшивой монеты или ассигнаций, или банковских билетов и тому подобное;

– всякой из российских подданных, учинивший вне России преступление, нарушающее права частного гражданина из российских же подданных, буде он никаким иностранным судилищем за ту свою вину судим не был;

– всякой иностранец, учинивший вне России преступление, нарушающее общественную безопасность Российского государства, буде он может быть захвачен в России или истребован от иностранного государства»².

Эти идеи были в последующем положены в основу Свода законов 1832 года, том 15 которого содержал в себе в систематизированном порядке уголовно-правовые установления, сформированные предшествующим законодательным процессом и применяемые в стране на момент его

---

¹ Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1 О преступлениях и наказаниях вообще. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. – С. 166.

² Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. – Самара: Самарский ун-т, 2013. – С. 78.

создания¹. Принципиально важно, что в этом правовом акте законодатель впервые реализовал пандектный принцип систематизации правовых норм и обособил в главе 7 предписания «О пространстве действия уголовных законов».

Отделение третье этой главы называлось «О пространстве действия уголовных законов на Российских подданных, в иностранных землях находящихся». Здесь были закреплены следующие правила:

– ст. 176: российские подданные, в других государствах пребывающие, в случае совершения преступлений, судятся и наказываются по законам той страны, где ими учинено преступление (источник нормы – Конвенция с Пруссией 1804 г., Трактат с Англией 1797 г., Договор с Португалией 1798 г.);

– ст. 177: когда российский подданный, находясь в Турции или Персии, учинит уголовное преступление против российского подданного, там же пребывающего, то дело рассматривает и решит по российским законам министр, поверенный или консул; ежели российский подданный или находящийся под покровительством России учинит уголовное преступление против жителя той страны или иностранца, то дело рассматривается российским уполномоченным, совокупно с местным начальством; преступник, учинивший преступление в Персии, по постановлении приговора, выдается Российскому правительству и для наказания по законам отправляется в Россию;

– ст. 178: российские подданные, учинившие преступление в пограничных китайских владениях, выдаются для суждения российскому правительству; тоже наблюдается взаимно, относительно китайцев, учинивших преступление по сю сторону границы;

– ст. 179: российский подданный, учинивший преступление или оказавшийся сообщником какого-либо злодеяния в иностранном государстве, если он, бежав, явится в Россию или когда будет выдан от иностранного правительства, имеет быть, по доказательствам о его преступлении, судим и

---

¹ Свод законов уголовных. – СПб.: Тип. II Собств. Его Императорск. Велич. Канцелярии, 1832.

наказан по всей строгости законов, точно так же, как бы преступление учинено было им внутри России (источник нормы – договор с Австрией 1810 г., Акт разграничения со Шведским королевством 1810 г., Конвенция с Пруссией 1816 г.);

– ст. 181: вспомогательные российские войска в иностранных землях, а равно иностранные вспомогательные войска в России, судятся по законам своего государства, и если бы между офицерами и солдатами той и другой стороны произошли ссоры и обиды, то по совокупном рассмотрении дела Комиссией, от обеих сторон наряженную, виновные наказываются каждый по законам своего отечества.

Ссылка на международные договоры непосредственно в тексте Свода законов отражает весьма важное обстоятельство, которое выявил, но, как представляется, недооценил Н.С. Таганцев. Он указывал, среди прочего: «Распространение действий нашего уголовного закона на преступные деяния, учиненные за пределами государства, совершается: 1) путем трактатов, заключенных двумя или более государствами, 2) путем специальных постановлений по сему предмету, вносимых в уголовные законы, постановлений, определяющих объем и условия субсидиарного карательного права»¹. Однако эта констатация должна получить более высокую оценку, поскольку Свод законов 1832 года впервые демонстрирует необходимость установления правил действия уголовного закона в отношении совершенных за границей преступлений не в межгосударственных соглашениях, а непосредственно в национальном уголовном законе, в качестве общего правила, составляющего основу уголовной юрисдикции страны.

В правовых предписаниях Свода законов обращает на себя внимание ряд принципиально важных моментов, во многом определивших состояние правовой регламентации исследуемых нами проблем вплоть до начала XX века. Среди них:

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 133.

- формирование и самостоятельное представление общих норм о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление за границей;

- подтверждение господства территориального принципа действия уголовного закона в случае совершения преступления в так называемых «культурных странах», то есть государствах, чей правовой порядок и традиции были понятны и близки российским;

- максимальный учет культурных особенностей тех иностранных государств и территорий, чьи правовые порядки существенно отличались от российских и подтверждение в отношении них персонального принципа действия уголовного закона;

- создание специальных норм, покровительствующих российским военнослужащим и предполагающих их ответственность за совершенные за границей преступления исключительно по российским законам.

Интересно, что Свод законов не конкретизировал правила об ответственности российских подданных за совершенные в иностранном государстве преступления в случае их возврата в страну или выдачи. Как писал Н.С. Таганцев, «для русских подданных, бежавших в Россию после совершения преступления или нам выданных, Свод допускал широкую ответственность, за все преступления так же, как если бы они были совершены в пределах России»¹.

Это упущение было исправлено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.². Сохраняя общий подход, заложенный Сводом законов, Уложение детализировало ряд предписаний³.

Во-первых, здесь было выделено второе отделение главы 5, с

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 133.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Его Императорск. Велич. Канцелярии, 1845.

³ См. также: Коняхин В.П. Князькина А.К. Регламентация действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар: Кубан. Гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2016. – С. 76 – 83.

наименованием «О действии постановлений сего Уложения на иностранцев, в пределах государства находящихся», где в ст. 178 было установлено: «Если иностранный подданный изобличен или подозреваем в содеянии вне пределов государства такого преступления, которым он посягает на права Державной власти в России, или на право одного или нескольких российских подданных, и будет потом открыт и задержан в пределах Империи, или же правительством того края, где им учинено сие преступление, или тем, у коего он в подданстве, передан для осуждения в России, то и он вполне подлежит действию сего Уложения (при этом статья содержала примечание в отношении китайских подданных: китайцы, учинившие преступления на российской стороне границы, выдаются их правительству, так же, как и российские подданные, учинившие преступления в пограничных китайских владениях, выдаются для суждения правительству российскому).

Во-вторых, в самостоятельном отделении 3 содержались правила «О действии постановлений сего Уложения на российских подданных, находящихся вне государства». Здесь конкретизировалось в ст. 179, что «российские подданные, находящиеся вне пределов государства, и там или прежде отбытия за границу учинившие преступление против прав Державной Власти своего отечества, или же целости, безопасности или благосостояния России, или же в нарушение прав одного или нескольких из соотечественников своих, подлежат действию сего Уложения, и по выдаче или возвращению в Россию, на основании приговора, предписанным порядком над ними произнесенного, подвергаются наказаниям, сими постановлениями положенным». В ст. 180 устанавливались правила для ситуаций, когда за границей россиянами совершено преступление против верховной власти иностранного государства или иностранного подданного: «будет тамошним правительством для суждения препровожден в Россию или ж по добровольном возвращении его в отечество, на него поступят жалобы или обвинения, то и он подлежит суду на основании постановлений сего Уложения. Только в том случае, когда по законам того края, где им учинено

преступление, он долженствовал подвергнуться наказанию менее против определяемого в сем Уложении строгому, наказание его по соразмерности с тем смягчается, однако ж не иначе, как с утверждения Правительствующего Сената, коему предоставляются все приговоры низших и средних судебных мест по делам сего рода, до приведения их в исполнение».

Здесь, как видим, законодатель дополнительно предусмотрел:

– ответственность иностранцев, совершивших преступления за границей, по российским законам как в случае их выдачи России государством места совершения преступления, так и государством его гражданской принадлежности (то есть предусматривалась возможность запроса и выдачи преступника из так называемой «третьей страны»);

– необходимость установления соразмерности ответственности российских подданных за совершенные за границей преступления против иностранного государства с законами места совершения преступления, а равно требование о наличии просьбы иностранного государства о привлечении такого российского подданного к ответственности.

В Уголовном Уложении 1903 года¹ исследуемые нами предписания были еще более конкретизированы. Причем заметим, что в отличие от Свода законов и Уложения 1845 года, где эти предписания размещались в заключительных разделах Общей части кодексов, в Уложении 1903 года они впервые были размещены в начале Общей части, в главе, регулирующей вопросы действия закона во времени и в пространстве. В главе 1 отделение 2 называлось «О пространстве действия Уголовного уложения». Здесь устанавливалось, что действие Уложения распространяется на преступные деяния, учиненные:

– в иностранных государствах российскими подданными, пользующимися в этих государствах правом внеземельности (ст. 6);

– учиненные российскими подданными в Турции, Персии, Китае, Корее или иных странах, в коих они не подсудны местной власти (ст. 7);

---

¹ Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Сенат. тип., 1903.

– в Бухаре пребывающими там российскими подданными или иностранцами христианских вероисповеданий (ст. 8).

В качестве общего правила, не распространяющегося, однако, на случаи, обозначенные в статьях 7 и 8, устанавливалось в ст. 9, что российские подданные подлежат ответственности за совершенные за границей преступления, в случае: «1) если учиненное деяние составляет тяжкое преступление или преступление, и 2) если учиненное деяние составляет такой проступок, наказуемость коего, в случае учинения его в иностранном государстве или вообще вне пределов России, предусмотрена заключенным ею международным договором».

Дополнительные условия ответственности оговаривались в ст. 10, согласно которой российские подданные не подлежали ответственности за совершенное за границей преступление по российским законам в случаях, если: «1) деяние не воспрещено законом места его учинения, 2) обвиняемый был освобожден от наказания или оправдан по приговору иностранного суда, вошедшему в законную силу, 3) осужденный полностью отбыл наказание по приговору иностранного государства, и 4) учиненное преступное деяние, направленное против иностранного государства, относится к числу таких, по коим выдача не допускается».

Бурное развитие уголовного законодательства в середине – второй половине XIX столетия, связанное с масштабными правовыми реформами, происходило на фоне весьма важных для понимания нашей темы процессов: утверждением национальных государств и связанной с этим активизацией их международного общения (как мирного, договорного, так и на уровне военных столкновений и послевоенного раздела сфер влияния), с одной стороны; и динамичным, порой прорывным развитием отечественной юридической науки, ее самостоятельной эволюцией и положительной рецепцией лучших образцов иностранной уголовно-правовой доктрины.

Последнее обстоятельство, с учетом направленности настоящего исследования, требует отдельного внимания. Полагаем необходимым дать

хотя бы общий краткий обзор основных подходов к оценке вопросов действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление за пределами российского государства, которые были сформированы в российской науке позапрошлого века, поскольку все современные решения в той или иной степени были сформулированы именно тогда, и в последующем лишь модернизировались или комбинировались.

Для начала стоит отметить наличие в науке несовпадающих подходов к определению места исследуемых положений уголовного права в структуре научного знания. В частности, В.Д. Спасович относил их к международному уголовному праву¹. Об этом же писал С.Н. Будзинский: «Предмет этот принадлежит к науке международного уголовного права, которое объясняет: какие пределы законодательной деятельности известного государства полагают законодательства других государств, и определяют вообще международные отношения уголовно-законодательной власти разных государств». И лишь «для полноты воззрения и для определения объема карательной власти государства» он рассматривал эти вопросы в своем учебнике по уголовному праву². Как писал Ф. Лист, традиция такого восприятия уголовно-правовых норм о действии закона в отношении лиц, совершивших преступления за границей, восходит ко времени Бентама. Однако сам Ф. Лист последовательно критиковал такой подход, рассматривая соответствующие нормы частью национального уголовного права³. Именно такое восприятие в целом было типично для русской науки. Еще Г.И. Солнцев в своих лекциях 1820 года рассматривал вопрос о пределах действия уголовного закона в разделе «О лицах, кои могут делать преступления и коим оные вменяются»⁴.

В содержательном плане научная аргументация пределов действия уголовного закона основывалась, по преимуществу, на двух отчасти

---

¹ Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. Первый. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – С. 74.

² Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – С. 43.

³ Лист Ф.ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 102 – 103.

⁴ Солнцев Г. Российское уголовное право / под ред. и во вступит. ст. Г.С. Фельдштейна. – Ярославль: Б.И., 1907. – С. 72.

противоположных концепциях, тяготеющих соответственно к началам территориального либо персонального принципов действия уголовного закона.

Согласно одной из них, государство обладает суверенными правами и уголовной юрисдикцией на всей подвластной ему территории, вне зависимости от того, кем именно в пространстве этой территории совершается преступление. Предельно четко суть этой концепции сформулировал Ф. Лист. Он писал: «Исходя из международного правового принципа территориального суверенитета, мы приходим к тому положению, что каждое государство должно применять свое отечественное уголовное право ко всем совершенным на его территории наказуемым деяниям. ... Преследование и наказание совершенных за границей деяний должно быть предоставлено государству места совершения»¹.

Последовательным защитником территориального принципа действия уголовного закона в нашей науке выступал Н.С. Таганцев. В частности, в отношении деяний, «учиненных на территории государств, входящих в общий международный союз», он писал: «Все, учиненное на такой территории, наказывается по законам того государства, где оно учинено, и так как в силу признанной в международных отношениях суверенности государств мы не можем вмешиваться в отправление юстиции в других государствах, какой бы интерес для нас ни представляло то или другое преступное деяние, кем бы оно ни было учинено, против кого бы оно ни направлялось, то, казалось бы, этим твердо установленным принципом устраняется возможность коллизии законов различных государств по поводу одного и того же преступного деяния»².

В противоположность территориальным теориям в науке была представлена концепция, объясняющая применение национального закона к лицам, совершившим преступления за пределами страны своего подданства.

---

¹ Лист Ф.ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 103.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 132.

Так, С.Н. Будзинский писал: «Из нашего понятия о преступлении истекает, что восстание единичной воли против воли общественной есть преступление, несмотря на место его совершения. Обязанности по отношению к государству лежат на подданных независимо от места их пребывания. Власть государства распространяется на все, хотя и содеянные за границей поступки подданных, запрещенные под страхом наказания. Взыскание за такие деяния не составляет нисколько вмешательства в права государства, в котором содеяно преступление: нельзя отказывать государству в праве предпринимать меры, которые оно считает соответственными для сохранения общественного порядка. Эти меры не могут быть поставлены в зависимость от того, что существует другое государство, которое считает данное деяние тоже нарушением своего внутреннего порядка¹. Отсюда следует, что «прежнее взыскание другим государством не должно иметь никакого влияния на ответственность подданного за те же деяния перед его собственным государством. Одним и тем же деянием мы можем нарушить законы двух держав, одной как временные, другой как постоянно подданные. Если деяние, учиненное за границую, есть преступление, то государство должно взыскать за него безусловно. Для государства безразлично, как смотрит на это деяние другое государство, в котором оно совершено. Нарушены ли права государства, и если нарушены, то каким образом оно должно противодействовать нарушению – решение всех этих вопросов принадлежит исключительно государству и не может подлежать иностранной власти. От этих правил законодательства могут отступать только «в видах полезности»².

Об этом же писал А.Ф. Бернер, делая одну важную оговорку: «Наши законы обязывают туземца не только во время его пребывания на нашей территории, не только – территориально, но и во время его пребывания за границую, следовательно – лично; отсюда – принцип личной подчиненности. Впрочем, личная обязанность наших уголовных законов для туземца, во

---

¹ Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – С. 46.

² Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – С. 48 – 49.

время его пребывания за границу, не распространяется на нарушения предписаний, имеющих только местный характер: значит, вообще не распространяется на полицейские проступки»¹.

Надо признать, что эти две концепции – территориальная и персональная – никогда не были в «чистом виде» представлены в научных сочинениях по той простой причине, что сами по себе, каждая из них в отдельности, не способная разрешить целый ряд важных практических ситуаций, связанных с совершением преступления за пределами страны, которые различаются гражданством виновника, соотношением законодательства различных стран и объектом преступного посягательства.

А потому правильно писал В.Д. Спасович, что «оба принципа территориальности и личного подчинения должны быть уравновешены и согласованы с отведением каждому из них приличного места в системе уголовной. Согласование их должно быть основано на точном анализе всевозможных столкновений между законодательствами уголовными различных государств»². Об этом писал и А.А. Пионтковский, предлагая свой вариант такого «согласования»: «Ни один из этих принципов, взятый в отдельности, сам по себе не в состоянии создать прочной и надлежащей базы для установления границ области применения уголовных законов той и другой страны. Таковую базу может создать лишь такая комбинация этих принципов, при которой первенствующее значение придается принципу территориальному, а за прочими сохраняется второстепенная, дополнительная, субсидиарная роль, и при этом не упускаются из виду не только общие интересы дела борьбы с преступностью, но и те многообразные положения, которые вырастают на почве современных международных отношений»³.

«Согласование» и «комбинация» двух исходных принципов действия

---

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 787.

² Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. Первый. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – С. 75.

³ Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. Вып. Первый. – Казань: Тип. Казан. Ун-та, 1913. – С. 99.

уголовного закона в теоретическом аспекте приводили к умножению доктринальных конструкций, описывающих пределы действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление за пределами государства. Это позволило С.Н. Будзинскому говорить уже о четырех основных подходах к решению данного вопроса: «Общность прав единиц имеет две основы: народность, ... и территориальность. Из этого исторического различия выводятся две главные, противоположные системы международного уголовного права: система территориальная и система личная. .... Третья система, признавая за государством право наказывать все преступления, содеянные подданными на его территории, или вне ее пределов, полагает что, кроме того государство имеет право защищать себя и своих подданных, и следовательно, может наказывать даже деяния иностранцев, хотя бы и вне его границ против него направленных. ... Четвертая система требует наказания всех, внутри или вне государства содеянных преступлений, даже в тех случаях, когда дело идет о наказании находящегося в пределах государства преступника, который во время нахождения в другом государстве нарушил права третьего. Эту систему оправдывают теорией предупреждения»¹.

Выработанные наукой XIX столетия правила и принципы действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами государства, во многом повлияли на последующее развитие отечественного законодательства. А потому, учитывая непреходящую ценность и актуальность высказанных специалистами прошлого суждений, оставим их детальный разбор для последующих разделов диссертации, посвященных анализу современного состояния институтов действия УК РФ в пространстве и по кругу лиц.

В рамках настоящего параграфа вернемся к вопросу об исторической динамике предписаний уголовного закона в рассматриваемой нами части. Начало XX века, как известно, в истории страны было ознаменовано

---

¹ Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – С. 44.

бурными политическими потрясениями, в конечном итоге завершившимися падением монархии и установлением нового режима власти, основанного на принципиально иных экономических и идеологических принципах. В России было сформировано государство, которое идейно противопоставило себя мировому сообществу, как первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, отстаивающее, защищающее и пропагандирующее ценности коммунистического образа жизни. Это обстоятельство не могло не отразиться на решении такого относительно частного вопроса, как действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступные деяния за пределами этого государства, поскольку и само понятие преступления, и защищаемые законом ценности, и представление о гражданстве лица – все это не только претерпело кардинальные изменения по сравнению с дореволюционным периодом, но и было в своей обновленной форме откровенно противопоставлено аналогичным институтам иных, буржуазных государств, с которыми российское государство вступило в конфронтацию и борьбу под флагом установления гегемонии рабочего класса в мировом революционном движении.

Последствия такой конфронтации проявили себя уже в первых декретах советской власти, имеющих уголовно-правовое значение. Так, в частности, Декрет ВЦИК от 15.03.1918 г. «О праве убежища» провозглашал принцип невыдачи иностранных граждан, преследуемых в стране своего гражданства или в иной стране за совершение политических преступлений, под которыми в условиях революционного времени могли пониматься фактически любые выступления таких лиц против государственного порядка. Декрет гласил: «Всякий иностранец, преследуемый у себя на родине за преступления политического или религиозного порядка, в случае прибытия в Россию пользуется здесь правом убежища. Выдача таких лиц по требованию тех государств, подданными коих они являются, производиться не может. В случае предъявления правительством того или иного государства требования о выдаче таких лиц оно переходит на рассмотрение Народного комиссариата

иностранных дел, который передает его в суд для квалификации преступления: носит ли оно политический или религиозный характер, или характер общеуголовного деяния. В зависимости от характера преступления делается тот или иной вывод по вопросу о выдаче»¹.

Зеркальным дополнением этих норм стал Декрет СНК от 29.08.1921 «О порядке высылки иностранцев за пределы РСФСР», в соответствии с которым «иностранцы граждане, образ жизни, деятельность и поведение коих будут признаны несовместимыми с принципами и укладом жизни Рабоче-Крестьянского государства, могут быть высланы из пределов РСФСР по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии или по приговору судебных органов Республики, независимо от полученного ими ранее разрешения на проживание в Республике»².

Конечно, право убежища, запрет выдачи политических преступников и депортация не были изобретением советского строя, они были известны законодательству и ранее, но сам факт приоритетного внимания к этой проблеме и революционная трактовка понятия политического преступления и образа жизни здесь, несомненно, заслуживают того, чтобы быть отмеченными в качестве важной вехи в истории развития института пределов действия уголовного закона.

Идеологическое и политическое противостояние советского государства остальному сообществу государств существенным образом ограничивали его возможности в распространении собственной уголовной юрисдикции за пределы территории страны. Поэтому неудивительно, что в первых советских уголовных законах провозглашался исключительно территориальный принцип действия уголовно-правовых норм и ничего не говорилось о возможности их применения к лицам, совершившим преступления за пределами советской территории.

Так, Руководящие начала по уголовному праву 1919 года в ст. 27

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952 / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 23.

² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952 / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 101.

устанавливали: «Уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступления, а равно в отношении граждан Р.С.Ф.С.Р. и иностранцев, совершивших преступления на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР».

Однако по мере укрепления позиций государства внутри страны и на международной арене, экспансия его уголовной юрисдикции, объективно необходимая в целях борьбы с преступностью, вне зависимости от политических и идеологических нюансов противостояния социализма и капитализма, становится все более заметной и находит непосредственное отражение в текстах правовых актов. В первую очередь это касалось граждан советского государства, совершающих преступление за границей. Уже УК РСФСР 1922 года устанавливал: действие кодекса распространяется на граждан РСФСР в том случае, когда преступные деяния совершены ими за пределами Республики. В отношении же иностранцев такие возможности были ограничены, а потому УК РСФСР сохранил в этой части правило Руководящих начал, согласно которому действие кодекса распространяется также на пребывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов Республики преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР. Изъятия из действия этих правил могли иметь место лишь в порядке особых договоров, заключенных РСФСР с отдельными государствами¹. Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных Республик, утвержденные постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924, подтвердили ответственность советских граждан по советскому законодательству в случае совершения ими преступлений за границей, согласно ст. 1 Основных начал, «Граждане Союза ССР подлежат ответственности за совершенные ими за границей преступления, в случае их

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952 / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 116.

задержания на территории Союза ССР, по законам места задержания или предания суду или следствию»¹.

С незначительными редакционными поправками эти правила были воплощены в УК РСФСР 1926 года. Закон определял:

– действие настоящего Кодекса распространяется на всех граждан РСФСР, совершивших общественно опасные действия в пределах РСФСР, а равно и за пределами Союза ССР в случае задержания их на территории РСФСР;

– граждане иных союзных республик подлежат ответственности по законам РСФСР за совершенные ими преступления на территории РСФСР, а равно вне пределов Союза ССР, если они задержаны и преданы суду или следствию на территории РСФСР;

– иностранцы за преступления, совершенные на территории Союза ССР, подлежат ответственности по законам места совершения преступления;

– вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся правом экстерриториальности, подлежит разрешению каждый раз дипломатическим путем².

Ограниченный характер законоположений молодого советского государства о пределах действия уголовного закона в отношении деяний, совершенных за границей, хорошо понимался представителями науки. Так, например, Э.Я. Немировский, анализируя соответствующие предписания уголовного закона Украинской ССР (в рассматриваемой части дублирующие положения кодекса РСФСР) писал, в частности, о наличии диспропорций в положении советских граждан и иностранцев в случае совершения ими за границей преступлений: первые подлежали ответственности по советским законам в любом случае (независимо от того, какое преступление было совершено, является ли совершенное деяние наказуемым по закону места совершения, состоялся ли в отношении советского гражданина по факту

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952 / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 200.

² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952 / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – С. 257.

преступления за границей приговор), тогда как иностранный гражданин мог быть привлечен к ответственности по советским законам только в том случае, если за границей им совершено преступление против основ советского строя и военной мощи советского государства. Такое положение воспринималось им негативно и предполагало необходимость устранения, с целью наилучшего ограждения прав советских граждан¹. Автор дополнительно отмечал наличие целого ряда важных упущений в предписаниях уголовного закона. Он указывал на то, что в кодексе не урегулирован вопрос о «двойной наказуемости» совершенных за пределами страны преступлений, о значении приговора иностранного государства, о значении факта отбытия наказания по приговору иностранного государства и др. Пробельность исследуемых законоположений признавал Н.Д. Дурманов, когда писал, что в УК РСФСР 1926 года, в отличие от кодекса 1922 года не содержится постановлений по вопросу об ответственности прибывающих в пределы СССР иностранцев за преступления, совершенные ими за пределами СССР. Очевидно, однако, указывал автор, что такая ответственность может иметь место, если она предусмотрена договорами, заключенными СССР с другими государствами².

Надо признать, что советская наука и право первых лет и десятилетий советской власти мало привнесли нового в развитие учения о действии уголовного закона; усилия специалистов были сосредоточены, по преимуществу, на обосновании (порой искусственной) специфики советского права и противопоставлении его положений праву буржуазному. К примеру, Н.Д. Дурманов, критикуя «буржуазные принципы» действия уголовного закона в пространстве, писал что при своем последовательном воплощении: персональный принцип обосновывает изъятие подданных империалистических государств из действий уголовных законов и местной юрисдикции в зависимых государствах; территориальный принцип приводит

---

¹ Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР. – Одесса: Вторая гос. типограф. им. Ленина, 1924. – С. 27.

² Уголовное право. Общая часть. Учебник / ред.: А.А. Герцензон, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд. НКЮ СССР, 1939. – С. 142.

к безнаказанности граждан государства за преступления, совершенные ими за границей; реальный принцип безгранично расширяет пределы действия уголовных законов и практически несовместим с принципом государственного суверенитета, обосновывая вмешательство империалистических государств во внутренние дела других государств под предлогом совершения гражданами последних деяний, посягающих на интересы агрессивного государства; космополитический принцип скрывает глубокие противоречия между буржуазными государствами¹.

Но дело в том, что иных принципов и иных правил действия уголовного закона советская наука не предложила, да, по-видимому, и не могла объективно предложить. А потому вынуждена была конструировать собственные правила на основе известных суждений, приспособляя их к потребностям нового государства и непростой международной обстановке, основанной на противостоянии двух политических систем.

А.А. Герцензон признавал: «Для решения вопроса об ответственности советских граждан за преступления, совершенные ими за границей, необходимо прежде всего исходить из принципиальных, качественных отличий советского социалистического правопорядка и буржуазного правопорядка ... Деяние, которое преступно по законам места его совершения за границей, может быть ненаказуемым по советским законам и, наоборот, деяние, которое не считается преступным за границей, по советским законам может быть преступным и наказуемым. Очевидно, советский гражданин, совершивший за границей деяние, там признаваемое преступным, но в СССР таковым не являющееся, не может подлежать уголовному преследованию при возвращении в СССР. По общему правилу советский гражданин подлежит уголовной ответственности за совершенное за границей преступление лишь в том случае, если деяние посягает на основы советского строя, на нормальные дипломатические отношения с иностранными государствами, а также на

---

¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник / ред.: А.А. Герцензон, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд. НКЮ СССР, 1939. – С. 142.

интересы советских граждан. Советский гражданин подлежит уголовной ответственности за совершенные за границей преступления, если это предусмотрено международными договорами и соглашениями, а также если совершенное им деяние хотя и не направлено на интересы Советского государства или отдельных советских граждан, но характеризует данную личность как общественно опасную (например, совершение за границей убийства, крупного мошенничества и т.д.). В отношении иностранцев, совершивших за границей преступления и находящихся в СССР, следует указать, что они подлежат уголовной ответственности в следующих случаях: 1) когда это предусмотрено международными конвенциями, договорами или соглашениями с отдельными государствами или их группами; 2) когда преступное деяние было совершено или подготовлено за границей, а преступный результат наступил в СССР»¹.

В теоретическом плане важно лишь подчеркнуть, что в советской доктрине утвердился и уже не оспаривался взгляд на совокупность исследуемых нами законоположений как на составную часть национального уголовного, а не международного права. А.А. Герцензон, в частности, признавал, что совокупность соответствующих вопросов составляет раздел науки уголовного права относительно действия уголовного закона в пространстве, при этом он признавал, что «название это не вполне точно, так как здесь решается вопрос не только о территориальной распространенности действия уголовного закона, но и о действии уголовного закона в отношении лиц, т.е. граждан различных государств»².

Последующее развитие института пределов действия уголовного закона в советской истории связано с крупными правовыми реформами середины XX века. Они ознаменовались появлением двух значимых уголовно-правовых актов – Основ уголовного законодательства СССР 1958 года и УК РСФСР 1960 года.

---

¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Юрид. изд. Мин-ва юстиции СССР, 1948. – С. 264 – 265.

² Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Юрид. изд. Мин-ва юстиции СССР, 1948. – С. 257.

В соответствии со ст. 5 Основ граждане СССР, совершившие преступления за границей, подлежали уголовной ответственности по уголовным законам, действующим в союзной республике, на территории которой они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду. На тех же основаниях несли ответственность находящиеся в СССР лица без гражданства, совершившие преступления за пределами СССР. При этом, если названные лица за совершенные преступления понесли наказание за границей, суд мог соответственно смягчить назначенное им наказание или полностью освободить виновного от отбывания наказания. Иностранцы граждане за преступления, совершенные вне пределов СССР, подлежали ответственности по советским уголовным законам в случаях, предусмотренных международными соглашениями¹. Тожественные предписания содержала и ст. 5 УК РСФСР 1960 г.²

Анализируя эти нормы, представители науки (Ю.И. Ляпунов) писали, что граждане СССР и лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов СССР, несут ответственность по советскому кодексу вне зависимости от того, являются ли совершенные ими деяния преступными по законам места их совершения. Что касается иностранцев, совершивших преступления вне пределов Союза, то они могли быть привлечены к ответственности по советским законам только на основании универсального принципа за ограниченный круг преступлений, установленный международными соглашениями нашего государства, тогда как во всех остальных случаях они должны быть выданы заинтересованному иностранному государству, вне зависимости от того является ли совершенное деяние преступным по нормам советского уголовного закона³.

В таком виде рассматриваемые нами правовые предписания

---

¹ Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 25.12.1958 г. // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т.1. / отв. ред. Ф.И. Калинычев. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1963. – С. 29.

² Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т.1. / отв. ред. Ф.И. Калинычев. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1963. – С. 87.

³ Уголовное право. Часть Общая. Учебник / под ред. Н.И. Загородникова, С.В. Бородина. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 69 – 70.

просуществовали вплоть до конца прошлого столетия, когда Федеральным законом от 13.04.1996 № 30-ФЗ¹ статья 5 УК РСФСР была изложена в новой редакции, согласно которой устанавливались следующие правила: «Граждане Российской Федерации или постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено, и если эти лица не были осуждены в указанном государстве. При осуждении этих лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление. Иностранцы граждане или лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступления вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации, и в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если эти лица не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации».

С этого момента начался новый, современный этап в развитии института пределов действия уголовного закона, который детально будет проанализирован в последующих разделах настоящей работы.

Подводя итог анализу основных направлений и содержания эволюции правовых предписаний, определяющих пределы действий отечественного уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступные деяния за пределами России, полагаем возможным вернуться к изначальной гипотезе исследования и сформулировать несколько значимых выводов:

– правила действия уголовных законов в пространстве и по кругу лиц разрабатывались законодателем в качестве неотъемлемой составной части

---

¹ Российская газета. – № 74. – 18.04.1996.

установления пределов уголовной юрисдикции по мере укрепления государственной власти и определения ее территориальных границ, и были имманентны уголовному законодательству с момента его формирования;

– в основе законодательных решений в рассматриваемой части сосуществовали, дополняли друг друга и отчасти конкурировали между собой две базовые теоретические концепции, восходящие, с одной стороны, к представлениям об абсолютном государственном суверенитете в пространстве его государственных границ, вне зависимости от того, кем нарушаются законодательные предписания; а с другой – к представлениям о личной связи гражданина с государством в виде его обязанности подчиняться государственным законам вне зависимости от места своего пребывания;

– персональный и территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве объективно не могли обеспечить реализацию начал справедливости и обеспечения безопасности в части воздействия на лиц, совершивших преступления за пределами страны, в виду различий в законодательстве различных стран и объективном несовпадении их культурных традиций и национальных интересов;

– согласование и комбинирование территориального и персонального принципов всегда требовало привлечения иных, дополнительных, правил действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц, что привело к утверждению в теоретическом и нормативном пространстве универсального и реального принципов, обеспечивающих возможность реализации ответственности за совершенные за пределами государства преступления в случаях, когда они не обладают уголовной противоправностью по законам места совершения или когда государство гражданства не реализует своего права на наказание преступника;

– законодательное конструирование комбинации правил действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц определялось не только и не столько степенью развитости самого уголовного права и уголовно-правовой доктрины, сколько соображениями политического и международно-правового

свойства, подчиняясь общей закономерности, согласно которой развитие добрососедских отношений на основе общих культурных и правовых ценностей способствовало утверждению начал универсального действия уголовного закона в поддержку территориальному принципу действия уголовного закона, в то время как осложнение отношений и конфронтация между государствами способствовали укреплению действия персонального и реального принципов;

– законодательная эволюция отечественного уголовного права в части регламентации правил его действия в отношении лиц, совершивших преступление за пределами государства, демонстрирует последовательную смену чередующихся этапов «расширения» и «сжатия» уголовной юрисдикции, продолжительность которых весьма неравномерна:

а) с IX по начало XX века Россия, будучи неотъемлемой частью общеевропейского политико-правового пространства (при всех известных межгосударственных противоречиях) была склонна больше доверять иностранным юрисдикциям в части осуществления уголовного преследования собственных граждан за совершенные за пределами страны преступления и стремилась к воплощению реального принципа для защиты своих интересов от посягательств иностранных граждан;

б) с начала по конец XX века Россия, воплощавшая в государственном строительстве идеалы социализма и коммунизма, находясь в политическом и идеологическом противостоянии с рядом государств мира, в большей степени тяготела к воплощению персонального принципа, не доверяя иностранному уголовному судопроизводству и фактически отказалась от решения в уголовном законе вопросов об ответственности иностранцев за совершенные в иностранном государстве преступления против отечественных правовых интересов;

в) с 1996 Россия под влиянием интеграционных и глобализационных процессов вновь возвращается к прерванной советским периодом традиции, дополняя территориальный и персональный принципы правилами реального

и универсального действия уголовного закона, вводя ряд ограничений в реализации ответственности собственных граждан за совершенные за пределами страны преступления, продиктованных принципом справедливости; однако этот «романтический» период в истории права оказался недолгим, и начиная с 2006, а особенно с 2016 года, страна начала более активную уголовно-правовую экспансию на международной арене, последовательно защищая свои собственные национальные интересы.

§ 2. Социально-правовая и теоретико-правовая характеристика правил действия УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

Одним из актуальных и сложных вопросов в рамках юридического анализа правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами РФ, является определение их правовой природы и характеристика с точки зрения основных начал теории уголовно-правового регулирования. С момента, когда соответствующие правила стали рассматриваться как часть внутреннего права страны, этот вопрос так и не получил всестороннего внимания специалистов, хотя значимые шаги в этом направлении были предприняты, о чем свидетельствуют работы А.А. Тилле, а в последние годы — сочинения А.Р. Каюмовой, К.А. Цай, А.А. Макасейевой и некоторых других авторов.

Приступая к его исследованию, представляется важным обратить внимание, что изучаемые нами правила и в исторической ретроспективе, и в настоящий момент предусматриваются в нормах национального уголовного закона и в нормах международного права. Соответственно, ряд научных сочинений, посвященных международному уголовному праву¹ (хотя и не

---

¹ См., например: Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. – М.: Спарк, 1999; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Международное уголовное право: учебник / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014.

все¹⁾), содержат развернутый анализ вопросов территориального и экстратерриториального действия уголовного законодательства, равно как и любой учебник по отечественному уголовному праву. Это с неизбежностью возвращает нас к давней дискуссии относительно того, имеют ли они собственно уголовно-правовую или международно-правовую природу. Специально этот вопрос в современной литературе не рассматривается. Тем не менее полагаем, что такой анализ необходим как минимум для проверки или уточнения теоретических выводов, представленных в работах предшественников.

Прежде всего надо напомнить, что международное уголовное право и национальное уголовное право – это различные и самостоятельные отрасли права, относящиеся к разным правовым порядкам. Если первое призвано урегулировать отношения, возникающие именно между государствами по поводу фактов совершения тех или иных преступлений, в предупреждении которых заинтересовано все международное сообщество или некоторые страны, подписавшие то или иное соглашение, то второе – регулирует отношения между отдельным государством и конкретным лицом, совершившим преступление. Отношения по поводу совершения преступления, субъектом которых выступает физическое лицо, становятся объектом международно-правового регулирования в крайне редких случаях, когда отсутствует возможность их регулирования на уровне отдельного государства. В этом случае международное право выполняет субсидиарную, комплиментарную функцию по отношению к праву национальному.

Таким образом, даже близкие по содержанию правовые предписания, определяющие вопросы юрисдикции, в зависимости от того, содержатся они в нормах международного права или во внутреннем праве государства, выполняют различную роль, регулируя различные правовые отношения. В международном праве соответствующие нормы выполняют собственно

---

¹ См., например: Международное уголовное право: учебник / под общ. ред. А.В. Бриллиантова; отв. ред. А.А. Арямов, Г.А. Русанов. – М.: Юрайт, 2017.

регулирующую функцию, возлагая обязанности или предоставляя права государствам-участникам международно-правовых отношений. Более того, за несоблюдение обязанностей, вытекающих из юрисдикционных предписаний, государства могут нести ответственность по международному праву. Во внутреннем праве назначение исследуемых правовых предписаний несколько иное. В свое время А.А. Тилле обратил внимание на то, что норма, содержащая юрисдикционные предписания, «не регулирует непосредственно какие-либо отношения, а определяет, законодательство какой страны должно быть применено к данному отношению». То есть, рассуждал он далее, «это коллизионная норма... и само ее появление есть свидетельство того, что возникает проблема выбора закона, коллизия законов, а законодатель в коллизионной норме дает решение, указывает на подлежащий применению закон. Само существование такой нормы говорит о возможности иного решения»¹.

Взгляд на предписания, устанавливающие правила действия отечественного уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами России, как на коллизионные нормы получил в науке определенное распространение. Существенное обоснование он нашел в работе З.А. Незнамовой. Признавая значимость в современном мире развития международно-правового взаимодействия национальных правовых систем, автор выделяет особый подвид такого взаимодействия, а именно – регулирование уголовно-правовых отношений с иностранным элементом. При этом, по мысли З.А. Незнамовой, иностранный элемент может выражаться в иностранном месте совершения преступления либо в иностранном субъекте преступления. Двум этим признакам соответствует и два типа действия уголовного закона. Однако в правоприменительной деятельности зачастую возникает коллизия между ними, происходит столкновение правовых норм, принадлежащих к системам национального

---

¹ Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона в пространстве. – М.: Юрид. лит., 1965. – С 133.

уголовного права нескольких государств. Автор определяет пространственную коллизию как отношения между двумя или несколькими нормами, действующими на разной территории и призванными урегулировать одно преступление. Соответственно, нормы, определяющие пределы действия отечественного уголовного закона, – как коллизионные нормы, предназначенные для разграничения действия уголовных законов различной государственной принадлежности¹.

Аналогичного мнения придерживается Л.В. Иногамова-Хегай, указывая, что пространственная коллизионная норма определяет приоритетную из конкурирующих уголовно-правовых норм, имеющих равные территориальные сферы действия. Автор отмечает, что в ч. 3 ст. 12 УК РФ закреплены две пространственные коллизионные нормы, устанавливающие реальный и универсальный принципы действия уголовного закона в пространстве, разрешающие конкуренцию уголовно-правовых норм РФ и других государств, а также между нормами УК РФ и международно-правовыми нормами².

Признавая безусловный авторитет авторов приведенных научных позиций, позволим себе высказать некоторые сомнения относительно возможности признания исследуемых нами правовых предписаний коллизионными. На это обратил внимание еще А.В. Наумов при анализе вопроса о пределах действия УК РСФСР в условиях пребывания РСФСР в составе СССР и связанного с этим столкновения уголовных юрисдикций нескольких союзных республик. Он, на наш взгляд, абсолютно верно указал, что территориальный принцип действия уголовного закона закреплен во всех союзных республиках, а сами по себе кодексы не содержат правил преодоления конкуренции законов в случаях, когда одно преступление совершается на территории нескольких субъектов СССР. По мысли А.В. Наумова коллизионной в данном случае могла быть только норма

---

¹ Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург: Cricket, 1994. – С. 137 – 139.

² Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2015. – С. 24.

общесоюзного уголовного закона как имеющая и большую юридическую силу, и общая для всех союзных республик¹. Думается, что логика ученого вполне применима и к оценке нашей ситуации.

Правила действия уголовных законов в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов территории страны, имеются в уголовном законодательстве каждой страны. Соответствующие законы являются равновеликими и не находятся в единой иерархической системе. Уже только поэтому правовую норму одной страны нельзя рассматривать как норму, разрешающую коллизию между нормами двух или более стран. Свойством коллизионности в данном случае может обладать только норма более высокого порядка. Поскольку речь идет о столкновении юрисдикций различных государств, на роль такой нормы может претендовать лишь норма международного права.

А потому больше доверия вызывает позиция К.А. Цай, который рассматривает конкуренцию законов различных государств не просто как проявление территориальной коллизии правовых норм, а как проявление межгосударственной юридической коллизии в уголовном праве. Под ней автор понимает ситуацию одновременного распространения предписаний уголовных законов двух или более государств на одно и то же общественное отношение в силу его сущности, персонального состава и (или) территориального признака. При этом он указывает, что разрешение (устранение и преодоление) межгосударственных коллизий уголовных законов теоретически возможно тремя основными путями: унификацией уголовных законов государств; заключением международных соглашений; принятием на внутригосударственном уровне юрисдикционных коллизионных норм². Лишь с последней частью суждений К.А. Цай мы не можем согласиться в полной мере. Внутригосударственная юрисдикционная норма не может по определению разрешить межгосударственную коллизию,

---

¹ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 123 – 125.

² Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 58.

поскольку она не обладает свойством блокировать действие иностранного законодательства. Это под силу только нормам международного права, и то, в зависимости от того, как внутреннее право той или иной страны решает вопрос о соотношении международного и национального права.

В этой связи социально-правовую сущность исследуемых нами предписаний отечественного уголовного закона справедливо устанавливать не в разрешении коллизий между правовыми нормами различных государств, а в суверенном, основанном на Конституции страны и общепризнанных принципах и нормах международного права, установлении уголовно-правовой юрисдикции страны.

В отечественной науке такой взгляд имеет место, хотя он, на наш взгляд, и не всегда достаточно аргументирован. При этом можно выделить два не противоречащих друг другу, но разнящихся по степени теоретического обобщения подхода.

Согласно одному из них, пожалуй, наиболее привычному, традиционному, ст. 12 УК РФ мыслится как институт или часть института действия уголовного закона. А.И. Фролова, в частности, пишет: «Институт действия уголовного закона в пространстве представляет собой систему правил, устанавливающих пределы и условия действия национального уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление, в зависимости от государственной принадлежности или международно-правового статуса территории, на которой было совершено преступление, принадлежности к гражданству лица, его совершившего, и вида совершенного преступления»¹. Несколько иначе смотрит на проблему И.Б. Колчевский. Подвергая критике принятую в науке позицию, ограничивающую сферу юрисдикции уголовного закона исключительно рамками времени и пространства, он обосновывает наличие в уголовном праве института его действия по кругу лиц, понимая под ним систему

---

¹ Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 11.

взаимосвязанных правовых норм, определяющих специфические свойства индивида, допускающие возможность подвергнуть его уголовной ответственности и иным мерам уголовно-правового характера, устанавливающих пределы юрисдикции российского уголовного законодательства по кругу лиц¹.

Второй подход, получивший популярность в последние годы, основан на использовании понятия «юрисдикция» и производных от него «уголовная юрисдикция» и «уголовно-правовая юрисдикция». Юрисдикция, – пишет А.Р. Каюмова, – есть свойство субъектов международного права, выражающееся в осуществлении правового регулирования отношений и возможности его обеспечения посредством принятия мер исполнительного и принудительного характера². Р.Р. Хаснутдинов развивает эту идею и указывает, что под уголовно-правовой юрисдикцией России следует понимать возможность, которой обладает Российская Федерация с учетом ее международно-правовых обязательств определять пределы территориального и экстерриториального действия уголовного закона и обеспечивать реализацию уголовно-правовых норм путем угрозы применения или применения правового принуждения³. К.А. Цай различает понятия уголовной и уголовно-правовой юрисдикции. Уголовно-правовая юрисдикция, в его понимании, есть распространение действия уголовного права данной страны на определенную территорию и определенных лиц; под уголовной юрисдикцией автор предлагает понимать распространение внутренних уголовно-правовых запретов конкретного государства на определенную территорию и в отношении определенного круга лиц (уголовно-правовая юрисдикция), процессуальную регламентацию полномочий по реализации такого распространения компетентными органами государства посредством применения принудительной силы (уголовно-

---

¹ Колчевский И.Б. Действие уголовного закона по кругу лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 13 – 14.

² Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – С. 9 – 10.

³ Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 8.

процессуальная юрисдикция), а также компетенцию международных органов по осуществлению уголовного преследования и границы действия уголовно-правовых предписаний международных договоров, на основании которых такое преследование осуществляется¹. А.А. Макасева акцентирует внимание на связи юрисдикции с суверенитетом, которым государство обладает в полном объеме в пределах своей территории и в ограниченном объеме за ее пределами. В связи с чем она выделяет территориальную и экстратерриториальную юрисдикцию, понимая под последней проявление ограниченного суверенитета государства вне его пределов, связанное с распространением его правовых норм на совершенные вне пределов этого государства преступления².

Эти два подхода, основанные на концептах «правовой институт» и «юрисдикция» позволяют в лучшей степени разобраться в социальном предназначении исследуемых нами правовых предписаний, их правовой природе и месте в системе уголовного права. Отражая сущностную и формальную характеристику правил действия закона в отношении лиц, совершивших преступление за пределами РФ, они, тем не менее, могут быть уточнены и развиты.

Начнем с обсуждения социальной характеристики правил. Использование концепта «юрисдикция» дает в данном случае возможность установить их генетические связи с краеугольным для формирования и существования уголовного права (но сегодня, к сожалению, малообсуждаемым) правом государства на уголовное наказание. Это право, сформированное в процессе ограничения частной мести за причинение вреда и становления правовой модели взаимоотношения личности и государства, состоит в субъективной возможности государства объявлять те или иные деяния преступными под угрозой уголовного наказания и непосредственно применять назначенные наказания к лицам, которые нарушают

---

¹ Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 40, 47.

² Макасева А.А. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 84 – 85.

установленный запрет, в интересах обеспечения личной, общественной и государственной безопасности. Право наказания сегодня можно рассматривать как правомочие государства, предоставленное ему для реализации закрепленной в ст. 2 Конституции РФ обязанности защищать права и свободы человека и гражданина, и одновременно ограниченное этой обязанностью.

Как и всякое субъективное право, право государства на уголовное наказание имеет определенное содержание и пределы. Причем пределы реализации этого права имеют решающее значение для легитимации самого права на наказание. Они устанавливаются в процессе социально-правовой эволюции общества с учетом его культурных особенностей, степени развитости гуманитарной доктрины, особенностей государственно-территориального устройства, уровня интеграции в процессы международного взаимодействия и правовой глобализации и т.д. Обсуждение всего этого комплекса вопросов не входит непосредственно в нашу задачу¹. Нам важно подчеркнуть, что право государства на уголовное наказание имеет внутренние ограничения, которые в большей степени значимы для формирования содержания уголовно-правового запрета, и внешние ограничения, определяющие пространственные пределы его реализации. Эти внешние ограничения вызваны, во-первых, наличием государственной территории, определяющей пространство государственного суверенитета; во-вторых, существованием на политической карте мира множества государств, каждое из которых обладает равновеликим правом на уголовное наказание, которое может входить в конкурирующие отношения с аналогичным правом иных государств; в-третьих, формированием общепризнанных правил межгосударственного общения. В своей совокупности эти ограничения задают некоторую «рамку», в пределах которой право на уголовное наказание

---

¹ Из современных работ см.: Гурин Д.В. Принцип законности и реализация государством права на уголовное наказание // Российское правосудие. – 2015. – № 10 (114). – С. 85 – 93; Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 32 — 52; Гурин Д.В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4 (4). – С. 4 – 17.

одного государства может сосуществовать и быть полноценно реализовано без причинения ущерба аналогичному праву иного государства и принципам межгосударственного сотрудничества.

С этой точки зрения, положения ст. 12 УК РФ, определяющие основания и пределы действия российского уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами РФ, справедливо рассматривать в качестве выраженных в законе объективных пределов реализации права государства на уголовное наказание. По своей природе такие правила не могут рассматриваться как «рядовые» регулирующие или коллизионные уголовно-правовые нормы. Они наполнены глубоким конституционным содержанием, отражающим особенности реализации государством его обязанности по защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности страны.

В рассматриваемой уголовно-правовой норме, которая, разумеется, действует в системном толковании с положениями ст. 11 и ст. 13 УК РФ, нашли отражение следующие конституционные положения:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ),
- суверенитет РФ распространяется на всю ее территорию (ст. 4 Конституции РФ),
- каждый гражданин РФ обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ (ст. 6 Конституции РФ), иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ (ст. 62 Конституции РФ),
- общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила,

чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ст 15 Конституции РФ),

– каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ), никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ),

– никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ст. 50 Конституции РФ), никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением (ст. 54 Конституции РФ),

– РФ предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права; в РФ не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в РФ преступлением. Выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах осуществляются на основе федерального закона или международного договора РФ (ст. 63 Конституции РФ).

С учетом содержания и социальной сущности норм уголовного закона, определяющих пределы его действия в пространстве, во времени и по кругу лиц, они гораздо ближе к принципам уголовного права, хотя таковыми и не являются. Н.Д. Дурманов правильно писал, что соответствующие предписания «тесно связаны с нормой об основаниях уголовной ответственности», «определяют по существенному признаку преступность и наказуемость деяния», а потому должны составлять ту часть раздела закона, которая именуется «общие положения», как это было представлено в Основах уголовного законодательства Союза ССР 1958 года (автор при этом критически относился к практике обособления соответствующих

предписаний в самостоятельный раздел уголовного закона)¹.

Обособив группу предписаний, определяющих границы действия закона во времени, в пространстве и по кругу лиц, в самостоятельную главу кодекса, законодатель стимулировал дискуссию относительно институциональной природы этих норм. Заметим, что не все авторы придают этим предписаниям статус института уголовного права. Например, А.В. Денисова пишет: «Весьма спорно выделение правового института под названием «уголовный закон», несмотря на существование соответствующего раздела в УК РФ, так как уголовный закон в первую очередь – это основной источник уголовно-правовых норм, юридическая форма их внешнего выражения, одна из важнейших основ функционирования системы российского уголовного права»². Однако представляется, что автор в данном случае делает не вполне обоснованный вывод, опираясь исключительно на словесную формулу обозначения института. Безусловно, уголовный закон – источник уголовного права, но это вовсе не значит, что в структуре права не может быть выделен институт с аналогичным названием. Гораздо убедительнее в этом отношении позиция М.С. Жука, который, констатируя наличие института уголовного закона (или по-другому – институт пределов действия уголовного закона) в системе Общей части уголовного права, утверждает, что «институционный характер соответствующей совокупности правовых предписаний не вызывает сомнений»³.

Вопрос об институтах уголовного права – один из сложных и недостаточно исследованных⁴. Не имея целью анализировать его в рамках настоящей работы, согласимся с позицией тех специалистов, которые различая в системе права нормы (как логически целостные правила) и предписания (как часть нормы, непосредственно закрепленную в статье закона), утверждают то, что понятие института может быть сформулировано

---

¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. – С. 76, 248.

² Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 142.

³ Жук М.С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 209 – 210.

⁴ См. об этом: Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014.

либо на основе понятия «норма уголовного права», либо на основе понятия «уголовно-правовое предписание»¹. Каждый из этих подходов, как представляется, может быть использован для описания институциональной природы пространственно-временных правил действия уголовного закона (правда, при этом результат будет неодинаковым).

При этом сделаем одну важную оговорку, о которой напоминает М.С. Жук: «Непозволительно именовать институтом Общей части любую совокупность норм и тем более отдельные нормы или предписания. Правовой институт обладает строго определенными содержательными и формальными признаками, совокупность которых только и позволяет признавать ту или иную группу норм институтом»². Недопустимо признавать институтом уголовного права и ненормативные образования, в том числе совокупность каких-либо положений, выделенных теоретически для удобства их исследования³. В связи с чем оставим без специального анализа не в полной мере обоснованные, на наш взгляд, суждения о наличии института действия закона по кругу лиц (И.Б. Колчевский) или института экстрадиции (А.И. Джигирь⁴). На статус института может претендовать лишь целостная совокупность правовых норм, определяющих пространственно-временные пределы действия уголовного закона.

В науке не сложилось единого подхода к характеристике этого института (и в целом данному вопросу уделяется недостаточное внимание). Если М.С. Жук признает элементом системы Общей части уголовного права «институт пределов действия уголовного закона», то Ю.Е. Пудовочкин рассматривает нормы, определяющие пределы действия закона во времени, в пространстве и по кругу лиц в качестве субинститутов общезакрепительного

---

¹ См., например: Коныхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 164, 177; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 85.

² Жук М.С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, – С. 192.

³ См. об этом: Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. – М.: Проспект, 2007. – С. 187.

⁴ Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.

института уголовного закона¹. Нам представляется, что каждый из этих подходов не учитывает некоторых значимых обстоятельств, в частности, наблюдаемых в кодексе процессов дифференциации и интеграции правового материала, и кроме того, преувеличивает значение структурного оформления правовых предписаний в составе уголовного кодекса.

С учетом сформированного на сегодняшний день в науке учения о системе институтов уголовного права, полагаем, что в исследуемой нами области можно уверенно говорить о наличии двух институтов уголовного права (как они отражены в названии главы 2 УК РФ). Это институт действия уголовного закона во времени (ст. 9, 10 УК РФ) и институт действия уголовного закона в пространстве (ст. 11, 12, 13 УК РФ), в котором на статус субинститута может претендовать предписание о выдаче лиц, совершивших преступления. Соответственно, изучаемая нами ст. 12 УК РФ является составной элемент института действия уголовного закона в пространстве.

Если воспользоваться учением В.П. Коняхина², то такой институт является:

- по степени структурированности содержания — дискретным, поскольку складывается из корреспондирующих групп относительно обособленных правовых предписаний;
- по содержанию доминирующей функции — регулятивным, поскольку устанавливает позитивные правила поведения, предоставляющие субъективные права и возлагающие обязанности на субъекта уголовно-правового отношения;
- по отраслевой принадлежности — смешанным, поскольку состоит из предписаний уголовного и международного права;
- по степени нормативного обобщения — видовым, поскольку соответствует объединению правовых предписаний закрепленных на уровне

---

¹ Жук М.С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 344; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 86.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 170 – 172.

нескольких статей внутри главы уголовного закона.

Уточнение видовой характеристики института действия уголовного закона в пространстве, хотя и способствует, как представляется, углублению теоретических знаний о нем, не является самоцелью. Оно значимо и с сугубо практической точки зрения. Особого внимания с позиций правоприменения заслуживают тезисы о функциональном назначении и отраслевой принадлежности института.

Поскольку институт действия уголовного закона в пространстве является регулятивным, его задача состоит в определении правового статуса субъекта правоотношения. Таким субъектом в нашем случае выступает государство, поскольку ст.ст. 11 – 13 УК РФ уточняют пространственные границы реализации принадлежащему ему права на уголовное наказание. В этом смысле можно утверждать, что рассматриваемому институту корреспондирует закрепленный в главе 4 УК РФ институт лиц, подлежащих уголовной ответственности. Оба они определяют (пусть и не в полной мере) статус участников уголовно-правового отношения, условия, при которых становится возможным само возникновение правоотношения.

Как известно из общей теории права, условия реализации правовой нормы формулируются в ее гипотезе. Следовательно, дальнейшая теоретическая характеристика правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами РФ, предполагает обращение к вопросу о структуре правовой нормы и порядке ее применения.

Выше нами отмечалось, что правовой институт может быть конструирован на основе концепта «норма» и концепта «нормативное предписание». Изложенное выше понимание института действия уголовного закона в пространстве отражает применение второго из них. Согласимся с Ю.Е. Пудовочкиным в том, что если понимать под нормой права полноценное правило поведения, то система институтов уголовного права может мыслиться лишь как система предметных правоохранительных институтов, выделяемых на основании объектов уголовно-правовой охраны

(институт преступлений против жизни, против собственности и т.д.)¹. Как пишет Е.В. Благов, норм Общей части, равно как и норм Особенной части «нет в природе»: «Предписания Общей части уголовного законодательства дополняют содержание соответствующих положений его Особенной части, образуя целостный регулятор общественных отношений – норму уголовного права»². При таком подходе предписания, определяющие пространственные пределы осуществления уголовной юрисдикции, становятся элементом гипотезы каждой предметной правоохрнительной нормы. Важно обратить внимание, что при таком подходе соответствующие предписания, образующие гипотезу, будут повторяться в структуре предметного института ровно столько раз, сколько правовых норм входит в тот или иной институт. А это неоправданно усложняет строение системы уголовного права и в известной степени дискредитирует само учение об институтах как о совокупности именно норм уголовного права. Оно же позволяет отдать предпочтение тем институциональным построениям отрасли уголовного права, которые основаны на использовании концепта «нормативное предписание». Нормативные предписания, общие для всех или нескольких правовых норм, законодателем как бы «выносятся за скобки» предметных правоохрнительных институтов (на этом, собственно, и основана пандектная система конструирования уголовного кодекса) и формируют в итоге уже свои институты предписаний Общей части уголовного права.

В то же время анализ системы уголовного права, с точки зрения, именно норм уголовного права позволяет более четко определить место и роль отдельных правовых предписаний в системе самой правовой нормы и в процессе ее применения. В этом отношении признаем справедливость суждений А.И. Бойцова, который отметил ошибочность общепринятого определения статей закона, содержащих пространственно-временные предписания, как самостоятельных норм права, специфика которых видится

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 85.

² Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. статей. – Ярославль: Изд. Ярославск. гос. ун-та, 1993. – С. 94.

лишь в том, что они (в отличие от субстанциональных норм) являются коллизионными, исполняя роль регулятора при выборе закона в пространственной и временной плоскости. В действительности же, как пишет автор, указанные предписания не имеют и не могут иметь самостоятельного значения в качестве нормативного регулятора, поскольку, отвечая на вопрос, какой закон надо применить к регулируемым отношениям, они не содержат ответа на вопрос, как они регулируются¹.

Предписание, определяющее возможность применения российского уголовного закона к лицам, совершившим преступления за пределами РФ, раскрывает одно из условий применения нормы уголовного права и образует один из элементов ее гипотезы. Согласимся с В.Д. Филимоновым, который пишет: «Обстоятельства, которые предусмотрены в законе в качестве гипотезы нормы уголовного права, предусматривающей ответственность за совершение преступления, могут быть подразделены на три группы. Одну из них составляют обстоятельства, относящиеся к свойствам личности человека (вменяемость, достижение определенного возраста), другую — обстоятельства, выражающие особенности поведения лица (поведение в условиях отсутствия необходимой обороны, крайней необходимости и т.д.), третью группу — обстоятельства, характеризующие условия, в которых совершено преступление (время и место совершения преступления, усиливает ли закон ответственность или, наоборот, смягчает ее и т.д.)². Очевидно, что ст. 12 УК РФ описывает условия, относящиеся к последней (третьей) группе таких условий.

Как составная часть правовой нормы (ее гипотезы) предписание уголовного закона о пространственных пределах его действия непосредственно применяется следствием и судом в процессе правоприменительной деятельности. С теоретической точки зрения, применение ст. 12 УК РФ и применение уголовно-правовой нормы,

---

¹ Бойцов А.И. Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия: дисс. ... д-ра юрид. наук. в форме науч. докл. – СПб., 1996. – С. 12.

² Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 89 – 90.

предусматривающей ответственность за совершенное вне пределов России преступление, – взаимосвязанные, но все же относительно самостоятельные процессы.

Заметим, что в науке уголовного права вопрос о применении ст. 12 УК РФ (равно как и иных статей, устанавливающих пределы действия уголовного закона) изучен недостаточно хорошо. В целом, здесь можно наблюдать несколько теоретических позиций.

В свое время Я.М. Брайнин писал, что комплекс действий по проверке пределов действия во времени и в пространстве (наряду с проверкой подлинности самого закона, правильности его содержания), образует самостоятельную стадию применения уголовного закона, которая возникает после того, как установлены фактические обстоятельства и определен закон, который должен быть применен в данных условиях времени и места. Эта стадия применения уголовного закона, по мнению автора, должна предшествовать стадии принятия решения о применении закона¹. Однако эта точка зрения не получила широкой поддержки в науке. Классический подход к трактовке процесса применения уголовно-правовой нормы отталкивается от положений общей теории права и предполагает наличие трех основных стадий: 1) установление и исследование фактических обстоятельств; 2) выбор уголовно-правовой нормы, подлежащей применению; 3) принятие решения по существу в виде правоприменительного акта². При этом столь же традиционно решение вопроса о возможности применения закона к той или иной конкретной ситуации с учетом правил его действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, относится ко второй стадии правоприменения — к выбору нормы. Оспаривает этот подход, пожалуй, лишь Е.В. Благов, который замечает, что поскольку пока не установлена норма, невозможно применение права, то и установление уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, нужно рассматривать не как стадию правоприменения, а как

---

¹ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 128.

² См.: Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 45.

предпосылку применения уголовного права¹. Однако и эта точка зрения не имеет множества сторонников.

Таким образом, решение вопроса о пространственных пределах действия закона, в частности о том, подлежит ли отечественный уголовный закон разрешению ситуаций, возникших в связи с совершением преступления за пределами России, образует один из моментов одной из стадий процесса правоприменения.

В этом смысле важно, следуя логике различения уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания, различать процесс применения собственно нормы уголовного права (то есть, по факту, разрешение уголовного дела по существу с вынесением итогового решения) и процесс применения отдельных правовых предписаний, из которых эта норма состоит (по другому – применение статьи уголовного закона).

В процессуальном отношении такое применение приобретает форму вынесения решения о возбуждении уголовного дела. Надо признать, что до 2013 года УПК РФ содержал существенный пробел, связанный с регулированием вопроса о порядке возбуждения и рассмотрения уголовного дела по фактам совершенных за пределами России преступлений. В этом контексте важно отметить постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 по делу Красноперова С.А.², которым ст. 32 УПК РФ была признана неконституционной в той ее части, в которой она содержала неопределенность законодательной регламентации подсудности уголовных дел частного обвинения о признаваемых УК РФ преступлениями общественно опасных деяниях, которые совершены гражданами РФ в отношении граждан РФ вне пределов РФ. Отсутствие в этой процессуальной статье правил возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов РФ, как отметил Конституционный Суд РФ, не только нарушает

---

¹ Благов Е.В. Общая теория применения уголовного права. – Ярославль: Издат. Ярослав. гос. ун-та, 2003. – С. 92

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.2012 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – С. 6071.

общеправовой принцип юридического равенства, но и свидетельствует о невыполнении федеральным законодателем его конституционной обязанности обеспечить защиту прав граждан, приводит к фактическому ограничению самого существа конституционных прав на доступ к правосудию и на законный суд. Исполняя это постановление, парламентом Федеральным законом от 21.10.2013 № 271-ФЗ внес изменения в ст. 32 УПК РФ, причем восполнил не только пробел, связанный с порядком рассмотрения уголовных дел частного обвинения, но и предусмотрел более полное регулирование, определив порядок рассмотрения уголовных дел и частного, и публичного обвинения. Согласно установленным сегодня общим правилам, если преступление совершено вне пределов РФ и предварительное расследование уголовного дела осуществлялось на территории РФ в соответствии со ст. 459 УПК РФ по основаниям, предусмотренным ст. 12 УК РФ, уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на место жительства или место пребывания потерпевшего в РФ либо на место жительства или место пребывания обвиняемого в РФ, если потерпевший проживает или пребывает вне пределов РФ.

Решая вопрос о возбуждении уголовного дела по фактам совершенных за пределами РФ преступлений и применяя непосредственно положения ст. 12 УК РФ, правоприменитель не только делает формальную ссылку на эту статью, но и реализует заложенное в ней правовое предписание. При этом важно обратить внимание, что ст. 12 УК РФ содержит прямые ссылки на нормы международного права при описании оснований распространения силы отечественного уголовного закона на лиц, совершивших преступление за пределами страны. Это обстоятельство возвращает нас еще к одному, выделенному ранее обстоятельству, связанному с характеристикой института действия закона в пространстве, а именно к его отраслевой характеристике.

Мы отмечали, что данный институт является смешанным, поскольку включает в свое содержание нормы международного права, причем именно смешанным уголовно-правовым, а не комплексным межотраслевым

институтом. Природа и функциональное назначение института здесь не меняются, несмотря на наличие иноотраслевого правового материала.

В ч. 2 и ч. 3 ст. 12 УК РФ содержится прямая отсылка к нормам международных договоров РФ, хотя и различающимся техническими приемами. Согласно ч. 2 ст. 12 УК РФ установлен прямой приоритет международных договоров в части регулирования условий ответственности военнослужащих, дислоцированных за рубежом; положениям отечественного уголовного закона здесь отводится дополнительная, вспомогательная роль, они действуют в случаях, когда договором вопрос ответственности военнослужащих не урегулирован. В ч. 3 ст. 12 УК РФ вопрос приоритета не решается, здесь положения международных договоров определены в качестве дополнительного юридического основания для осуществления Россией своей юрисдикции в отношении иностранцев и лиц без гражданства, совершающих вне пределов РФ преступные деяния.

Норма уголовного закона, содержащая отсылку к положениям иной отрасли права традиционно именуется бланкетной. В нашем случае следует говорить о так называемой «восходящей бланкетности», при которой УК РФ в описании правила поведения отсылает к положениям правовых актов, занимающих более высокое положение в иерархии¹.

Применение норм с бланкетной диспозицией представляет собой сложный мыслительный и организационный процесс, поскольку включает в себя применение и собственно уголовно-правового предписания, и предписания иной отраслевой принадлежности. Иноотраслевой материал в данном случае не просто используется для толкования уголовного закона или установления внешних границ его действия. Он именно применяется при рассмотрении уголовного дела. Как верно отмечает Н.И. Пикуров, специфика собственно применения бланкетной составляющей уголовно-правовой нормы состоит в установлении на ее основе конкретных прав и обязанностей у

---

¹ Бойцов А.И. Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия: дисс. ... д-ра юрид. наук. в форме науч. докл. – СПб., 1996. – С. 8 – 9.

определенного лица или иных обстоятельств, имеющих юридическое значение, в использовании государственно-властной характеристики правовой нормы, предполагающей обязательное закрепление результатов применения в правоприменительном документе¹.

При этом важно подчеркнуть, что определение условий действия уголовного закона в пространстве само по себе не связано с определением признаков состава преступления, в связи с чем международные договоры, в силу прямого указания ст. 12 УК РФ и исходя из существа рассматриваемой ситуации применяются непосредственно. Как указал Пленум Верховного Суда РФ, ссылаясь на ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в РФ непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты. При рассмотрении судом уголовных дел непосредственно применяется такой международный договор РФ, который вступил в силу и стал обязательным для РФ и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права². При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 369, 379, ч. 5 ст. 415 УПК РФ неправильное применение судом норм международного права и международных договоров РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму

---

¹ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – С. 131

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 3) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права.

Подводя итог исследованию социальной сущности и теоретико-правовой характеристики правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершающих преступления вне пределов РФ, можно сформулировать несколько значимых выводов:

- правила действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, могут быть оценены в качестве уголовно-правовой конкретизации конституционных предписаний, раскрывающих статус государства как участника уголовно-правовых отношений, они закрепляют притязания государства на охрану конституционно значимых ценностей, объективно ограниченные пределами его суверенитета;

- ст. 12 УК РФ (и связанные с ней положения ст. 11 УК РФ) не должны рассматриваться в качестве коллизионных правовых предписаний, поскольку они не определяют порядок выбора между конкурирующими правовыми нормами российского и иностранного уголовного законодательства;

- предписания, определяющие пределы действия закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, справедливо рассматривать в качестве составной части института действия уголовного закона в пространстве, который по своим параметрам является дискретным, регулятивным, смешанным, видовым уголовно-правовым институтом;

- эти правила образуют в составе уголовно-правовой нормы один из значимых элементов ее гипотезы, определяя условия, при которых возможно реализовать заложенное в норме права правило об ответственности за то или иное совершенное преступление;

- применение данного правила составляет часть такого этапа правоприменительного процесса, как выбор уголовно-правовой нормы,

подлежащей применению, при этом оно предполагает применение как самой ст. 12 УК РФ, так и непосредственное применение норм международных договоров РФ, что предполагает необходимость ссылки на соответствующие правовые предписания в тексте правоприменительного акта.

§ 3. Выдача лиц, совершивших преступления, и предоставление убежища в системе правил действия УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

Распространение силы действия национального уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами территории страны, является собой реальное воплощение конституционной обязанности государства обеспечивать защиту прав человека, реализацию его суверенных возможностей по поддержанию правопорядка и безопасности. В процессе исторического развития самого государства и становления цивилизованных форм межгосударственного взаимодействия, основанного на началах суверенного равенства и взаимности, объем соответствующего правомочия государства стал включать: преследование собственных граждан за совершенные в иностранном государстве нарушения отечественного уголовного закона и преследование иностранных граждан за некоторые преступления, совершенные вне пределов этого государства. Эти правила могут быть по-разному детализированы в законодательстве той или иной страны, в ту или иную эпоху, но в целом они составляют определенную «зону согласия», обеспечивая фундамент межгосударственного сотрудничества в противодействии преступности.

При всем том, что ни одно из государств не оспаривает и не отрицает необходимости такого сотрудничества, в практическом воплощении принципов экстра TERRITORIALного действия уголовного закона всегда возникали и будут возникать разной степени остроты противоречия, связанные со столкновением суверенных юрисдикций государства места

совершения преступления, государства гражданской принадлежности виновного, государства, чьи интересы оказались нарушенными преступлением, государства места пребывания преступника. Их устранение может мыслиться как некий, по большей части наивный, правовой идеал, основанный на представлениях о равной ценности правовой и судебной системы различных государств и их непреклонности и политической беспристрастности в исполнении своих обязательств по международному праву. Такой идеал объективно не может быть воплощен в действительности. В связи с чем на международном уровне требуется некоторая система «сдержек и противовесов», в силу которой государства были бы стимулированы к взаимной поддержке и взаимной помощи в деле преследования преступников. Такая система необходима, однако, не только в силу политических причин, она вызывается и практической необходимостью в надежном, работающем механизме, который позволял бы каждому отдельному государству обеспечить выполнение его обязательств по обеспечению безопасности и защите прав человека, не причиняя при этом ущерба суверенным правам иного государства.

История права и дипломатии позволили выработать такой механизм, в основе которого сегодня лежат два весьма сложных по своей природе института: институт выдачи преступников (экстрадиции) и институт предоставления убежища. Экстрадиция и убежище органично «встраиваются» в систему правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, будучи призванными обеспечивать реальное осуществление уголовно-правовой юрисдикции и гарантировать на началах взаимности одновременное выполнение двух задач — противодействие преступности и защита прав человека. Вместе с тем вопрос о правовой характеристике этих институтов и их анализ с точки зрения материального уголовного права остаются в данный момент не до конца проясненными, причем если экстрадиция еще привлекает внимание отраслевых специалистов (поскольку предусмотрена ст. 13 УК РФ), то

проблематика убежища, не отраженная в уголовном законе, в целом остается в уголовном праве практически неисследованной.

Приступая к анализу экстрадиции и убежища, необходимо прежде всего уточнить вопрос об отраслевой принадлежности данных институтов. Правовое регулирование экстрадиции и убежища осуществляется на уровне международного и внутреннего права страны. В национальном праве им посвящены прежде всего нормы Конституции РФ и конституционно-правовые акты, а также (в части регулирования экстрадиции) положения уголовно-процессуального и уголовного законодательства. В связи с этим отраслевая принадлежность выдачи и убежища вызывает в науке оживленную дискуссию.

В отношении выдачи, в частности, были высказаны самые различные позиции. Авторы доказывают, что институт выдачи есть:

- межотраслевой институт, существующий одновременно в международном, конституционном, уголовном и уголовно-процессуальном праве¹;
- комплексный институт конституционного права, включающий в себя совокупность конституционно-правовых норм, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, норм международного права и международных договоров, включенных в правовую систему РФ²;
- старейший институт международного уголовного права³;
- неотъемлемая составная часть уголовно-процессуального права РФ⁴;
- самостоятельный основной институт Общей части УК РФ⁵.

---

¹ Нагдалиев Х.З. о. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 9.

² Чермит А.К. Институт экстрадиции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 9.

³ Хурсевич А.А. Экстрадиция как инструмент международного уголовного права // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2015. – № 2. – С. 84.

⁴ Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 6.

⁵ Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступления: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 7.

В отношении института предоставления убежища мнения юристов также не совпадают, в частности, специалисты доказывают, что институт предоставления убежища выступает:

- институтом как внутригосударственного, так и международного права¹;
- международным, демократическим, межотраслевым институтом права, представляющим собой особое право лица, преследуемого в стране своей гражданской принадлежности или постоянного пребывания искать, просить и получить на территории другого государства в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права личную безопасность, а также исключительное право государства предоставить убежище или отказать ему в этом²;
- самостоятельным институтом конституционного права, представляющим собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с предоставлением лицу убежища, и устанавливающих основания, принципы и порядок предоставления убежища, закрепляющих правовое положение лиц, ищущих убежище и пользующихся им, а также определяющих систему и полномочия органов государственной власти, ведающих вопросами предоставления убежища³;
- институтом современного международного уголовного права⁴.

Разброс мнений чрезвычайно широк и отражает безусловно сложный характер правового регулирования выдачи и убежища. Однако представляется, что решение вопроса о правовой природе этих институтов имеет принципиальный, методологический характер.

В его обсуждении полагаем возможным прежде всего возразить тем

---

¹ Галенская Л.Н. Право убежища в современном международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – С. 8.

² Антипов А.Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 16.

³ Сазон К.Д. Право убежища в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 10.

⁴ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Мин. юст. СССР, 1948. – С. 288.

специалистам, которые пытаются «привязать» выдачу и убежище к системе отечественного уголовного права. УК РФ не содержит положений о предоставлении убежища вовсе, а его предписания относительно выдачи, воспроизводя положения ст. 61 и ст. 63 Конституции РФ, содержат прямую отсылку к нормам международного права. В УК РФ, таким образом, фактически отсутствуют предписания, непосредственно регулирующие вопросы выдачи и убежища. Смеем предположить, что даже в отсутствие ст. 13 УК РФ соответствующие вопросы могли бы успешно регулироваться конституционными нормами в силу их прямого и непосредственного действия. Сама ст. 13 УК РФ обеспечивает лишь символическую системную связку уголовного права с конституционными и международным правом, не будучи наделенной регулятивным содержанием.

Что касается отнесения выдачи к системе институтов уголовно-процессуального права, здесь ситуация сложнее. С одной стороны, действительно, УПК РФ содержит самостоятельную главу (глава 54 УПК), посвященную регламентации процесса выдачи лица для осуществления уголовного преследования и исполнения приговора, которая к тому же находится в системном единстве с предписаниями глав 53, 55, 55.1 УПК РФ, в комплексе регулирующих вопросы взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями. Это дает некоторые основания для признания процессуальной природы выдачи. С другой стороны, важно подчеркнуть, что соответствующие предписания УПК РФ детализируют порядок выполнения государством его функций именно в рамках межгосударственного сотрудничества, то есть в рамках развития отношений, субъектами которых выступают государства. Такие отношения, по общему признанию специалистов, всегда составляют предмет международного права, а с учетом комплексного (материально-правового и процессуального) характера международного уголовного права, есть все основания к тому,

чтобы институт выдачи рассматривать в качестве одного из элементов его системы.

Другое дело — институт убежища. В современном праве он уже не рассматривается, вопреки мнению М.Д. Шаргородского, как «право государства предоставлять лицу, преследуемому в другом государстве за совершение преступления, право проживать на своей территории без привлечения его к уголовной ответственности»¹. В истории дипломатии быстро стало общепризнанным правило о том, что территории государств не могут использоваться для предоставления убежища преступникам, да и сами государства менее всего заинтересованы в том, чтобы лица с криминальным прошлым и потенциальным криминальным будущим пребывали на его территории. «Предоставление убежища беглецу создает условия для безнаказанности преступников, которые будут иметь возможность перемещаться в другие страны. Государство места совершения преступления не сможет реализовать свое право на уголовное преследование обвиняемого, что существенно осложнит криминогенную обстановку не только в этой стране, но и в государстве-убежище, в котором будет создаваться угроза латентной преступности и аккумуляции в ее пределах преступного элемента»². Сегодня в большей степени подчеркивается гуманитарный характер убежища, его связь с преследованием беженцев не по уголовно-правовым, а по политическим и иным мотивам, которые не заслуживают одобрения и могут оцениваться в качестве нарушения гуманитарных стандартов. Таким образом, связь убежища с уголовным и процессуальным правом, хотя и имеет место, не является в тоже время определяющей для характеристики природы института. Международные и конституционные нормы в данном случае определяют порядок отношений между отдельным лицом и государством, определяя статус и возможности каждого из этих участников в осуществлении защиты прав человека. Следовательно, по

---

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Мин. юст. СССР, 1948. – С. 286.

²Марченко А.В. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты выдачи (экстрадиции) // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 106.

природе своей, несмотря на значимый международно-правовой компонент, данный институт ближе к отрасли конституционного права.

Можно резюмировать, что экстрадиция есть институт международного уголовного права, а убежище — институт конституционного права, в каждом из них органично сочетаются нормы национального и международного права, и каждый из них, не будучи элементом системы собственно уголовного права, имеет с этой отраслью тесные межотраслевые связи, обеспечивая всестороннее и целостное воздействие на лиц, совершивших преступления. Соответствующие правовые предписания могут, тем не менее, рассматриваться в контексте разрешения уголовно-правовых задач, связанных с определением пределов юрисдикции государства. Теоретической основой в данном случае выступает учение о межотраслевых правовых институтах. Такие институты, не будучи элементом системы какой-то одной отрасли права, возникают на стыке смежных отраслей, там где соприкасаются предметы их правового регулирования, и представляют собой итог «вторичной перегруппировки» нормативного правового материала. Они могут иметь место в системе права, но не в системе отрасли права¹. С этих позиций институт действия уголовного закона в пространстве вполне может рассматриваться как функциональный межотраслевой институт, объединяющий в себе положения уголовного, конституционного, международного права. Специалист в области уголовного права в любом случае компетентен исследовать в таких институтах лишь их уголовно-правовую составляющую и связь предписаний иных отраслей права с предписаниями права уголовного.

Собственно материальными уголовно-правовыми вопросами экстрадиции являются вопросы о том, кого, за какие преступления и на каких условиях Россия может выдать иностранному государству, а также кого, за какие преступления и на каких условиях она может запросить из юрисдикции

---

¹ См. об этом: Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 71 – 79; Денисова А.В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 94 – 98.

иногo государства; уголовно-правовые аспекты убежища включают в себя обсуждение вопроса о том, может ли и если да, то при каких условиях Россия предоставить убежище лицу, совершившему преступление, и может ли, а если да, то в каких случаях, российский гражданин искать убежища за рубежом. Этим проблемам и будет по преимуществу посвящено нижеизложенное, однако с одним важным ограничением. Однако поскольку выдача и убежище — это процессы двусторонние, а диссертация посвящена проблемам ответственности лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, требуется одно важное ограничение: проблематика выдачи будет исследована лишь в связи с запросами самой РФ на выдачу ей лиц для привлечения к уголовной ответственности¹, а проблематика убежища будет ограничена лишь ситуациями, когда РФ предоставляет убежище лицам, совершившим преступление за ее пределами.

Экстрадиция

История экстрадиции восходит к глубокой древности и в целом достаточно хорошо описана в литературе². К сегодняшнему дню накоплен уже богатый опыт правового регулирования и практической реализации выдачи. Тем не менее на практике из-за постоянных недомолвок между государствами и большого количества условностей механизм экстрадиции функционирует крайне нестабильно.

В объединенной Европе, страны которой придерживаются общего курса развития и имеют одинаковые культурные ценности, он реализуется примерно на 40-50%. В свою очередь, по отношению к

---

¹ Решение вопросов о выдаче иностранцев, находящихся на территории РФ, иностранным госдартствам для осуществления преследования, находятся в ведении Генеральной прокуратуры РФ. Косвенные сведения о работе судов по надзору за соблюдением прав иностранных граждан при их экстрадиции можно почерпнуть из статистической информации, отражающей объемы рассмотрения жалоб на решения о выдаче (экстрадиции). В 2019 году судами РФ было рассмотрено 168 таких жалоб, из них 7 удовлетворено, в 2018 году – 182 (35 удовлетворено), в 2017 – 229 (35 удовлетворено), в 2016 – 151 (11 удовлетворено), в 2015 – 183 жалобы (18 удовлетворено). См.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>

² См.: Плотников А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примерер РФ и США) // Вестник РУДН. Юридические наук. – 2009. – № 4. – С. 69 – 83; Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. – 2016. – № 5. – С. 7 – 11; Малюков С.Г., Леденев Д.В., Малюкова Е.В. Краткий обзор истории экстрадиции // Знание. – 2017. – № 9–2. – С. 82 – 86 и др.

России он соблюдается всего в 10-15% случаев¹. Согласно информации, представленной на информационном портале РАПСИ, по данным Генпрокуратуры РФ, ежегодно Россия направляет в разные страны примерно около 700 запросов об экстрадиции, из которых до завершения 30-60 в год, процент эффективности этого института составляет, таким образом, менее 10%. Особые сложности в возвращении своих граждан, разыскиваемых за совершение преступлений в России, наша страна имеет при запросах в Великобританию. Первой реальной выдачей из Великобритании за последние 100 лет стала экстрадиция обвиняемого в убийстве по неосторожности Максима Винцкевича в 2013 году. Решение по его делу на тот момент было пятым положительным решением Великобритании по российским запросам о выдаче после подписания в 2006 году меморандума о взаимопонимании по вопросам сотрудничества между Генпрокуратурой РФ и Королевской прокурорской службой Англии и Уэльса². По данным, которые приводит Начальник Национального центрального бюро Интерпола МВД России А. Прокопчук, в международном розыске с целью ареста и экстрадиции по инициативе российских правоохранительных органов находятся около 6 тысяч граждан России. Ежегодно в страну удается вернуть 70-80 человек, разыскиваемых за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; при этом в 2019 году был поставлен определенный рекорд – 94 обвиняемых были выданы в Россию³.

Одна из правовых причин такой ситуации (политические причины оставим в данном случае сознательно в стороне), состоит в том, что выдача и ранее, и сейчас воспринимается исключительно как право государства. Еще В.Д. Спасович отмечал: «Выдача делалась сначала только на основании трактатов. Эти трактаты стали в XIX столетии столь многочисленны и часты,

---

¹ Электронный ресурс: <https://visasam.ru/emigration/vybor/strany-bez-ekstradicii-v-rossiyu.html> (дата обращения: 28.07.2019).

² Место России в обмене преступниками [Электронный ресурс]: http://rapsinews.ru/international_publication/20160525/276192431.html (дата обращения: 30.09.2020).

³ Выдачи в Россию ожидают два десятка пойманных преступников [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/2020/09/22/vydachi-v-rossiiu-ozhidaiut-dva-desiatka-pojmannyh-prestupnikov.html> (дата обращения: 30.09.2020).

что размен преступников по началу взаимности вошел в обычай между державами, даже и при отсутствии трактатов. До сих пор не доказано, однако, что выдача преступников на основании трактатов, чинимая из угодливости дипломатической в видах общей пользы, составляла юридическую международную обязанность»¹.

Современные определения экстрадиции, как правило, игнорируют обсуждение вопросов о том, является ли экстрадиция правом или обязанностью государства.

Так, например, в официальных документах ООН экстрадиция определяется как официальный процесс, посредством которого одна юрисдикция обращается к другой юрисдикции с просьбой о принудительной выдаче лица, которое находится в запрашиваемой юрисдикции и которое обвиняется или осуждено за одно или более уголовных правонарушений в запрашивающей юрисдикции. Выдача запрашивается для того, чтобы данное лицо предстало перед судом в запрашивающей юрисдикции или понесло наказание за такое преступление или преступления².

С той или иной степенью конкретизации это определение воспроизводится в научной литературе, при этом иногда акцентируется внимание на том, что экстрадиция есть процесс передачи лица, совершившего преступление³, а иногда на том, что это процесс выдачи⁴. Такие акценты сами по себе не представляют особой научной ценности, если не вкладывать в слова «выдача» и «передача» различный смысл, как это сделано в Статуте Международного уголовного суда. Последний, как известно, четко различает «выдачу иностранному государству» и «передачу в Международный уголовный суд», допуская в последнем случае и передачу в

---

¹ Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. Первый. – СПб.: Тип. И. Огизко, 1863. – С. 81.

² См.: Руководство ООН по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции. Нью-Йорк, 2012. Электронный ресурс: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/Publications/Mutual_Legal_Assistance_Ebook_R.pdf

³ Беляев С.С. Экстрадиция в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.– М.,1999. – С. 13 — 14; Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 37 – 40.

⁴ Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 8.

распоряжение трибунала собственных граждан государства, в том числе официальных лиц, обладающих иммунитетом по внутреннему праву, что, как правило, не предусматривается в рамках института выдачи (экстрадиции)¹. В нашем случае, тем более принимая во внимание, что Россия более не является участницей Римского статута, такие разночтения несущественны.

Гораздо важнее обратить внимание на то, что экстрадиция как двусторонний процесс не может быть определена только как выдача, то есть процесс предоставления запрашиваемого лица. Такой выдаче по логике и по сути предшествует сам запрос. Его также надо рассматривать в качестве элемента экстрадиции. С этой точки зрения, экстрадиция, в самом общем виде, может быть определена как процесс запрашивания и выдачи лица, обвиняемого в совершении преступления или осужденного.

Такая дифференциация призвана подчеркнуть еще одно важное обстоятельство. Субъектом запроса и субъектом выдачи являются различные государства, для каждого из которых экстрадиция имеет различающееся правовое значение. Притом что право уголовного преследования лиц, находящихся вне пределов страны, и право абсолютного суверенитета в пределах государственной территории – это компоненты статуса государства в уголовно-правовых отношениях, для страны, осуществляющей выдачу, экстрадиция является, вне сомнений, субъективным правом, тогда как для страны, осуществляющей преследование и направляющей в связи с этим запрос о выдаче, экстрадиция является обязанностью. Это значимо и с теоретической, и с практической точки зрения. Обязанность РФ направлять запросы о выдаче ей для уголовного преследования лиц, обвиняемых в совершении вне пределов территории РФ преступлений против интересов ее национальной безопасности, а равно преступлений, преследуемых всем международным сообществом на основе начал универсальной юрисдикции,

---

¹ См. об этом: Минкова Ю.В. Институт выдачи преступников в международном праве: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. – М., 2002. – С. 16; Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М.: Волтер-Клуверс, 2005. – С. 24; Абдуллоев П.С. Передача лиц в Международный уголовный суд: проблемы и перспективы постсоветский стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 4. – С. 57 – 66 и др.

является необходимым компонентом конституционных обязательств страны по защите интересов ее граждан и государственного суверенитета. Поэтому всякий раз, при наличии к тому оснований, Россия обязана делать соответствующие запросы о выдаче. Соответственно восприниматься они должны не как проявление «юрисдикционной агрессии», а как конституционная практика защиты собственного уголовно-правового суверенитета.

Вопрос осложняется тем, что этой обязанности России противостоит право иного государства выдать запрашиваемое лицо. Это не вполне стандартная с точки зрения теории права ситуация, когда обязанности одного субъекта отношения (истца) корреспондирует лишь право другого (ответчика). Государство, осуществляющее передачу запрашиваемого лица, всегда по своему усмотрению реагирует на запросы о выдаче, подчиняясь в решении этого вопроса своему внутреннему праву и тем международным нормам, которые признало для себя обязательными. Только некоторые специалисты признавали выдачу преступника обязанностью государства по международному праву. В частности, Г. Гроций писал: «Так как государства не должны допускать, чтобы другое государство вооруженной силой вступало в их пределы ради осуществления наказания, поскольку это нецелесообразно, то отсюда следует, что государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно или само, по требованию другого государства, наказать по заслугам преступника, или же предоставить это усмотрению соответствующего государства»¹. Однако современная доктрина и практика, как правило, не оперируют категориями «требование» и «обязательства» при обсуждении вопросов экстрадиции. Как пишет Л.Н. Галенская, такая ситуация полностью соответствует принципу уважения государственного суверенитета, «каждое государство в силу своего территориального верховенства обладает правом решать вопрос о наказании

---

¹ Гроций Г. Оправе войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – С. 507 – 508.

лиц, находящихся на его территории»¹.

Между тем стоит обратить внимание, что усмотрение государства в вопросах выдачи не является безграничным. Заключая двусторонние соглашения о выдаче, государство берет на себя определенные обязательства по соблюдению договоров. Так, например, ст. 22 Договора о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой устанавливает, что «договаривающиеся Стороны *обязуются* в соответствии с положениями настоящего Договора по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора»². Именно в категории обязательств вопросы выдачи разрешены в иных договорах³. Венская Конвенция о праве международных договоров⁴ в ст. 26 и 17 четко устанавливает: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться», «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора». Следовательно, при соблюдении установленных международным договором условий выдачи государство не вправе уклониться от исполнения своей обязанности, а сама выдача трансформируется из права в обязанность.

Только в том случае если соответствующий договор не заключен, экстрадиция остается в полном усмотрении государства. Но и здесь существует важный, сдерживающий от проявления злоупотребления правом,

---

¹ Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. – М.: Международ. отношения, 1972. – С. 121.

² Договор о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой (подписан в г. Москве 22.06.1973) // Ведомости ВС СССР. – 1974. – № 19. – Ст. 293.

³ См., например: Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 15.07.1958; ред. от 19.10.1971) // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 35. – Ст. 423; Договор между СССР и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимном оказании правовой помощи (подписан в г. Алжире 23.02.1982; ред. от 10.10.2017) // Ведомости ВС СССР. – 1984. – № 15. – Ст. 213; Договор между СССР и Народной Демократической Республикой Йемен о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Москве 06.12.1985) // Ведомости ВС СССР. – 1986. – № 48. – Ст. 1010.

⁴ Венская Конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23.05.1969) // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLII – 1988.

фактор – принцип взаимности. Если государство претендует на исполнение собственных потенциальных запросов о выдаче, оно добровольно берет на себя обязательства по удовлетворению аналогичных запросов от иных государств. Весьма четко это правило зафиксировано в ст. 12 Закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹. В соответствии с этой нормой, «1. Решение о выдаче иностранному государству лиц, совершивших преступления, связанные с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, принимается на основании обязательств Российской Федерации, вытекающих из международного договора Российской Федерации. В том же порядке принимается решение о транзитной перевозке указанных лиц по территории Российской Федерации. 2. В случае если у Российской Федерации нет соответствующего договора с иностранным государством, которое запрашивает выдачу, указанные лица могут быть выданы за преступления, связанные с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, при условии соблюдения принципа взаимности». Подтверждено оно также в п. 2 и п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»².

Таким образом, в качестве промежуточного итога отметим, что требование РФ о выдаче ей для уголовного преследования лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, является конституционным обязательством государства. Выполнение аналогичных требований со стороны иностранных государств выступает для РФ ее обязанностью по международному праву, при

---

¹ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115–ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

наличии соответствующего двустороннего договора, регламентирующего вопросы выдачи, или же правом, реализуемым добровольно на основе начал взаимности.

В рассуждениях о праве и обязанности государств осуществлять выдачу надо обратить внимание на один значимый момент. Обязательства по выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступлений, по запросу иностранного государства, хотя и продиктованы международными договорами, не являются абсолютными. Их исполнение ограничивается в современной практике имеющими высшую силу конституционными и универсальными международными обязательствами по защите прав человека. Это находит отражение в широкой практике Европейского Суда по правам человека, усматривающей нарушения государственных обязательств по защите прав человека в ситуации его выдачи иностранному государству, в котором есть основания опасаться применения к выдаваемому лицу смертной казни, а также пыток или бесчеловечного обращения или наказания. В одном из своих постановлений, вынесенных против РФ, Европейский Суд резюмировал: «Осуществление государством-участником высылки лица может повлечь возникновение вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции и, таким образом, обусловить ответственность указанного государства согласно Конвенции, если имеются существенные основания полагать, что лицо в случае депортации будет подвергаться реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. В таком случае статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не депортировать заинтересованное лицо в данную страну. Точно так же, статья 2 Конвенции и статья 1 Протокола № 13 к Конвенции запрещают выдачу или высылку лица в другое государство, где существуют основания полагать наличие угрозы подвергнуться там смертной казни»¹. Соответствующая позиция Европейского Суда стала итогом достаточно длительной эволюции,

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 29.10.2015. Дело «A.L. (X.W.) против Российской Федерации» (жалоба № 44095/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2016. – № 9.

начавшейся с известного дела «Серинг против Соединенного Королевства», в котором вопрос об ответственности государства, экстрадирующего запрашиваемое лицо в иную юрисдикцию был впервые поставлен и обсужден весьма всесторонне¹. Сегодня она полностью признается РФ. В частности, Верховный Суд РФ в упомянутом постановлении Пленума от от 14.06.2012 № 11 (п. 11, 12) подтвердил: «Согласно статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в толковании Европейского Суда по правам человека, статье 11 Европейской конвенции о выдаче лицо не подлежит выдаче в случае, если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающего государства и такое государство не предоставит гарантий, которые Российская Федерация сочтет достаточными, что наказание в виде смертной казни не будет приведено в исполнение. ... Судам необходимо иметь в виду, что в соответствии со статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, в толковании Комитета ООН по правам человека, статьей 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года лицо также не подлежит выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто не только пыткам, но и бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

Из приведенных правовых документов следует, что исполнение государством его правовых обязательств перед иным государством по международному договору может входить в противоречие с его же правовыми обязательствами перед человеком. В такой конкуренции приоритет должен отдаваться гуманитарным обязательствам. В контексте проблем, рассматриваемых в настоящей диссертации, это означает, что РФ, претендующая на выдачу ей для уголовного преследования лица,

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 07.07.1989 «Серинг (Soering) против Соединенного Королевства» (жалоба № 14038/88) [рус. (извлечение), англ.] // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 637 – 658.

обвиняемого в совершении преступления, должна обладать такой правовой, судебной и в целом правоприменительной системой, которая не создавала бы поводов для сомнений в ее высоких гуманитарных стандартах, а ее оценка в иных юрисдикциях не создавала бы оснований для отказа в выдаче. В этом отношении надо признать справедливым решение законодателя, который Федеральным законом от 17.12.2009 № 324-ФЗ дополнил ст. 59 УК РФ самостоятельной частью 2.1, в соответствии с которой смертная казнь не назначается лицу, выданному РФ иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором РФ или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям. Тем самым были не то чтобы сняты серьезные препятствия, но предоставлены на нормативном уровне специальные гарантии того, что экстрадиция в Россию не имеет препятствий в виде возможного нарушения Россией права человека на жизнь. Что же касается оценки судебной и правоприменительной системы и практики с позиции соблюдения страной требований Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, то этот большой и сложный вопрос, разумеется, не может быть предметом нашего исследования и требует отдельного анализа. Сошлемся лишь на Заключительные замечания Комитета ООН против пыток по шестому периодическому докладу РФ¹, представленные 28.08.2018 г., в которых Комитет высказал глубокую обеспокоенность «многочисленными достоверными сообщениями о практике применения пыток и жестокого обращения на территории государства-участника, в том числе для получения признательных показаний». Комитет по-прежнему обеспокоен постоянно

---

¹ Комитет ООН против пыток. Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации. CAT/C/RUS/CO/6 Электронный ресурс: <https://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 29.07.2019).

поступающими многочисленными сообщениями, указывающими на отсутствие быстрого, беспристрастного и эффективного расследования утверждений о применении пыток или жестоком обращении. Он также обеспокоен информацией о том, что многие такие утверждения отклонены следствием на стадии проверки в ходе предварительного расследования и, таким образом, не приводят к официальному возбуждению уголовного дела. Комитет также выражает сожаление в связи с отсутствием подробной информации о числе поступивших жалоб на применение пыток и жестокое обращение со стороны государственных должностных лиц, о числе расследованных жалоб и о каких-либо начатых в этой связи уголовных разбирательствах в отношении виновных. Кроме того, Комитет обеспокоен сообщениями о недостаточных людских и финансовых ресурсах, выделяемых подразделению Следственного комитета, которое расследует преступные действия со стороны сотрудников правоохранительных органов, и ограниченном доступе этого подразделения к доказательствам о применении пыток и жестоком обращении в местах содержания под стражей. Выполнение рекомендаций Комитета против пыток, укрепление правоохранительной системы страны, утверждение высоких гуманитарных стандартов ее деятельности в соответствии со ст. 2 Конституции РФ будет способствовать не только эффективному решению такого частного вопроса, как экстрадиция в Россию лиц, обвиняемых в совершении преступлений, но и в целом укреплению позиции государства внутри страны и за ее пределами. Вместе с тем наличие некоторых претензий со стороны международного сообщества и отдельных правозащитных организаций не подрывает в целом вывода о том, что предоставляемые российской правовой системой гарантии соблюдения прав человека на жизнь, достойное обращение и справедливый суд достаточны для положительного вопроса о выдаче ей предполагаемых преступников. Как указал Европейский Суд по правам человека, «решение о выдаче конкретного лица с целью его уголовного преследования не может основываться исключительно на политической ситуации, сложившейся в той

или иной части Российской Федерации, и на том факте, что действия государства в этом отношении подвергались международной критике»¹.

В другом решении, вынесенном по жалобе против России, Европейский Суд по правам человека не нашел нарушения властями России ст. 3 Европейской конвенции, учитывая высокие гарантии соблюдения прав человека, предоставленные властями России экстрадируемым лицам, и реальное положение. В деле «Шамаев и другие против Грузии и России» власти Грузии экстрадировали в Россию пятерых граждан РФ, которые сбежали через чеченскую границу, избегая обвинений в совершении преступлений, в основном связанных с терроризмом. Грузия поступила так на основании гарантийного письма, полученного от исполняющего обязанности Генерального прокурора РФ, подтверждавшего, что эти граждане не будут приговорены к смертной казни, не будут подвергнуты пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Европейский Суд отметил, что данные гарантии были предоставлены высшим государственным должностным лицом, отвечавшим за предъявление уголовного обвинения и за обращение с заключенными в РФ и что отсутствовали доказательства, которые могли бы в ином случае дать властям Грузии разумные основания сомневаться в их достоверности².

Обеспечив надежные инфраструктурные гарантии соблюдения гуманитарных стандартов для выдачи, Россия в полной мере может реализовывать свою обязанность запрашивать для осуществления уголовного преследования лиц, обвиняемых в совершении преступлений, поименованных в ст. 12 УК РФ. Запросы России при этом могут касаться двух категорий лиц: с одной стороны, граждан РФ и постоянно проживающих в стране лиц без гражданства, с другой стороны – иностранных граждан и не проживающих

---

¹ ECHR. 14.09.2010. Case «Chentiev and Ibragimov v. Slovakia» (Application no. 21022/08; 51946/08). Электронный ресурс: <https://hudoc.echr.coe.int/eng> (дата обращения 29.07.2019).

² Постановление ЕСПЧ от 12.04.2005 Дело «Шамаев (Shamayev) и другие против Грузии и Российской Федерации» (жалоба № 36378/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 1 – № 5.

постоянно в России лиц без гражданства.

В первую очередь Россия заинтересована в том, чтобы ее граждане в случае совершения преступления за пределами страны подлежали ответственности по российским законам. Такая возможность реализуется в следующих случаях:

– если совершивший за границей преступление гражданин России возвращается в Россию до возбуждения в отношении его уголовного преследования по месту совершения преступления, уголовное дело возбуждается и расследуется по запросу компетентного органа иностранного государства или по жалобе потерпевшего в порядке частного обвинения в порядке, установленном УПК РФ, в том числе с направлением в иностранное государство запросов о правовой помощи в порядке ст. 453 УПК РФ;

– если против российского гражданина по факту совершенного в иностранном государстве преступления возбуждено и расследуется уголовное дело, либо вынесен обвинительный приговор, Россия фактически обязана (хотя согласно УПК РФ, лишь «может») направить запрос о выдаче ей этого гражданина для осуществления преследования или отбытия наказания в соответствии с российским законодательством (ст. 460, 461, 469, 472 УПК РФ)¹;

– если гражданин РФ, совершивший преступление в одном иностранном государстве, после этого перемещается в иное государство, в страну его пребывания направляется, как правило, два запроса о выдаче: со стороны РФ и со стороны государства места совершения преступления, в этом случае именно страна пребывания решает экстрадиционные вопросы, руководствуясь собственным законодательством и международными нормами. Например, согласно Договору между РФ и Зимбабве о выдаче (ч. 4

---

¹ Исполнение в РФ приговоров, вынесенных иностранными судами в отношении граждан РФ, представляет особую и отдельную тему для исследования. Статистические данные свидетельствуют об относительно стабильном (с небольшим восходящим трендом) числе ходатайств рассматриваемых судами РФ о порядке исполнения приговора иностранного государства. В 2019 году было рассмотрено 167 таких ходатайств, 109 удовлетворено, в 2018 году – 149 (79 удовлетворено), в 2017 году – 79 (52 удовлетворено), в 2016 году – 99 (62 удовлетворено), в 2015 году – 123 (78 удовлетворено). См. <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>

ст. 2) предполагается следующее: «Если преступление совершено за пределами территории запрашивающей Стороны, выдача осуществляется, если законодательство запрашиваемой Стороны предусматривает наказание за совершение при схожих обстоятельствах преступления за пределами ее территории. Если законодательство запрашиваемой Стороны не содержит таких положений, запрашиваемая Сторона по своему усмотрению может удовлетворить такой запрос о выдаче»¹. Это правило прямо предписано и в ст. 65 Конвенции о правовой помощи, заключенной в рамках СНГ²: «Если требования о выдаче поступят от нескольких государств, запрашиваемая Договаривающаяся Сторона самостоятельно решает, какое из этих требований должно быть удовлетворено». В некоторых случаях договаривающиеся стороны детализируют условия, учитывая которые страна принимает решение о выдаче при наличии коллизии запросов. Например, в ст. 13 Договора с Марокко установлено: «Если представлены запросы о выдаче одновременно от запрашивающей Стороны и третьих сторон за то же деяние или за различные деяния, запрашиваемая Сторона принимает решение с учетом всех обстоятельств, в частности, с учетом относительной тяжести и места совершения деяний, соответствующих дат получения запросов, гражданства лица, выдача которого запрашивается, и возможности последующей выдачи»³. Аналогичные правила предусмотрены ст. 17 Европейской Конвенции о выдаче.

Россия вправе направить запрос и в отношении иностранных граждан или не проживающих постоянно на ее территории лиц без гражданства, в случае совершения ими преступлений за пределами России, при соблюдении оснований, установленных ст. 12 УК РФ. Поскольку в этом случае

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Зимбабве о выдаче (подписан в г. Москве 15.01.2019). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).

² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993; с изм. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

³ Конвенция между Российской Федерацией и Королевством Марокко о выдаче (Заключена в г. Москве 15.03.2016). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).

юрисдикционные притязания России входят в конкуренцию с юрисдикцией страны гражданства этого лица и страны места совершения преступления, удовлетворение запроса о выдаче становится маловероятным¹. Вместе с тем, в силу сложившейся практики и предписаний договоров, государство, к которому Россия обращается с запросом о выдаче, в этом случае обязано провести собственное расследование. Так, например, ст. 5 Договора между РФ и ОАЭ о выдаче предусматривает: «Если запрашиваемая Сторона отказывается в выдаче своего гражданина, она передает полученные материалы своим компетентным органам для осуществления уголовного преследования в соответствии со своим законодательством. Запрашивающая Сторона безвозмездно передает все необходимые документы и доказательства запрашиваемой Стороне. Материалы, полученные в связи с уголовным преследованием в запрашивающей Стороне, могут быть использованы в судопроизводстве в запрашиваемой Стороне»². Весьма подробно порядок взаимодействия в такой ситуации урегулирован ст. 18 Договора между РФ и Республикой Нигерия³. Аналогичное правило является универсальным, оно предусматривается и в многосторонних соглашениях. В частности, согласно ст. 6 Европейской конвенции о выдаче, «если запрашиваемая Сторона не выдает своего гражданина, она по просьбе запрашивающей Стороны передает дело своим компетентным органам для осуществления судопроизводства, если оно будет необходимым»⁴. Такие обязательства государств призваны обеспечить баланс незыблемости суверенитета и конституционных правил невыдачи собственных граждан с интересами противодействия преступлениям и международного сотрудничества в поддержании правопорядка.

---

¹ См. подробнее: Кучухидзе С.Т. Правовые основания для отказа в экстрадиции в международном публичном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.

² Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче (подписан в г. Абу-Даби 25.11.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 33. – Ст. 5161.

³ Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Нигерией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в Москве 26.11.2018). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).

⁴ Европейская конвенция о выдаче (ETS N 24) (заключена в г. Париже 13.12.1957; с изм. от 20.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

Основанием для выдачи выступает факт совершения российским гражданином или иностранцем преступления. Сегодня существует три основных подхода к его определению, непосредственно закрепленных в ст. 460 УПК РФ и отражающих сложившуюся практику экстрадиции.

Первый основан на применении положений многосторонних международных соглашений (в частности, Европейской конвенции о выдаче или Конвенции о правовой помощи, заключенной в рамках СНГ), второй состоит в исключительном применении положений двусторонних международных договоров (см., например, Договор между РФ и Панамой¹, РФ и Филиппинами², РФ и Камбоджей³), третий заключается в осуществлении экстрадиции в отсутствие договоров между странами на условиях взаимности (ч. 2 ст. 460 УПК РФ).

Вне зависимости от правовых оснований экстрадиции, преступление, дающее повод для запроса о выдаче, определяется, как правило, идентично: в соответствии с законодательством обоих государств деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, является уголовно наказуемым и за его совершение либо предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание – в случае выдачи для уголовного преследования, либо лицо осуждено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев – в случае выдачи для исполнения приговора.

Детализация этого юридического факта всегда вызывала некоторые сложности⁴. На сегодняшний день в международных договорах, специально посвященных вопросам выдачи, сложилась практика дополнительно оговаривать особенности экстрадиции, как минимум, по четырем видам преступлений: преступлениям, преследуемым в порядке частного обвинения,

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Панама о выдаче (подписан в г. Панама 29.04.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 11.

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Филиппины о выдаче (подписан в г. Манила 13.11.2017). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).

³ Договор между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа о выдаче (подписан в г. Москве 01.02.2017). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).

⁴ См., например: Лист Ф.Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 113 – 114.

воинским, налоговым или финансовым и политическим.

Преступления, которые преследуются в порядке частного обвинения, в ряде случаев не могут служить основанием для запроса о выдаче. Об этом, к примеру, прямо говорит п. «г» ч. 1 ст. 57 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, а также некоторые двусторонние договоры¹.

Выдача в связи с воинскими преступлениями, которые не являются преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом, по общему правилу также исключается из сферы применения договоров о выдаче. Об этом говорит Европейская конвенция о выдаче. Еще более категоричен Типовой договор ООН о выдаче. В качестве императивного основания для отказа в выдаче в п. «с» ст. 3 Договора установлено: «Выдача не разрешается, если правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, является правонарушением, предусмотримым военным правом, но не является таковым согласно обычному уголовному праву»². Соответствующие вопросы разрешаются в рамках договорного разграничения юрисдикции между странами, которые размещают на территории иного государства свои воинские части (как самостоятельный этот вопрос будет рассмотрен в последующих параграфах диссертации).

В отношении финансовых или налоговых преступлений страны по общему правилу делают специальные заявления в договорах о выдаче или взаимной помощи по уголовным делам. К примеру, в ст. 3 Конвенции РФ с Марокко о выдаче установлено: «Выдача в связи с деяниями в сфере налогов и сборов, таможенных пошлин и валютных операций, которые согласно законодательству запрашиваемой Стороны являются преступлениями также производится в соответствии с положениями настоящей Конвенции. При этом в выдаче не может быть отказано на том основании, что законодательство

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 22.12.1992) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1598.

² Типовой договор о выдаче. Принят Резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition.shtml (дата обращения: 29.07.2019).

запрашиваемой Стороны не предусматривает аналогичных налогов и сборов или не содержит аналогичных положений, касающихся налогов, сборов, таможенных пошлин и валютных операций, как и законодательство запрашивающей Стороны». Такое правило рекомендовано международным сообществом в качестве желательного в Типовом договоре ООН о выдаче.

Политические преступления – особый вид преступных деяний, наличие которых официально отрицается в правовой системе РФ и которые не могут быть определены с достаточной степенью точности¹. Государства, заключая международные договоры о выдаче, всегда исходят из того, что выдача за политические преступления или преступления, совершаемые и преследуемые по политическим мотивам, не дают оснований для выдачи, что непосредственно связано с вопросом о предоставлении политического убежища преследуемым (этот вопрос будет рассмотрен далее отдельно).

В отношении иных преступлений государства также могут предусмотреть некоторые специальные постановления относительно выдачи, которые оговариваются в тех или иных международных договорах.

Запрашивая выдачу лиц, совершивших вне пределов страны преступления, для осуществления уголовного преследования, Россия должна учитывать эти обстоятельства, а также ряд иных положений международных договоров, в соответствии с которыми в выдаче ей может быть отказано. По общему правилу, в удовлетворении запроса о выдаче будет отказано, если:

- преступление совершено на территории запрашиваемого государства или в ином пространстве, на которое оно распространяет свою юрисдикцию;
- преступление совершено гражданином запрашиваемого государства и законодательство этого государства не допускает выдачи собственных граждан;
- деяние, в соответствии с которым направлен запрос, не обладает

---

¹ См., например: Краковский К.П. Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 1. – С. 27 – 33.

признаком уголовной противоправности¹;

– в отношении запрашиваемого лица по описанным в запросе фактам уже состоялось судебное решение или принят акт об амнистии, причем Европейская конвенция о выдаче придает исключаящее выдачу значение решениям компетентных органов любого государства, которое является участником этой Конвенции;

– запрашиваемое лицо получило в стране своего пребывания статус беженца, политического эмигранта либо по иным основаниям получило убежище в этом государстве.

Во всех остальных случаях серьезных препятствий для выдачи не существует, а сама выдача должна рассматриваться как желательное действие. Не случайно п. 17 ст. 16 Конвенции против транснациональной организованной преступности указывает, что «государства-участники стремятся заключать двусторонние и многосторонние соглашения или договоренности с целью осуществления или повышения эффективности выдачи»².

Запрос о выдаче России совершившего за ее пределами преступление лица направляется после возбуждения уголовного дела и предварительной квалификации содеянного. Типовой договор ООН о выдаче специально оговаривает в качестве факультативного основания для отказа в экстрадиции ситуацию, если судебное преследование в отношении правонарушения, в связи с которым поступает просьба о выдаче, *как ожидается, будет возбуждено* в запрашиваемом государстве против лица, выдача которого испрашивается. В связи с необходимостью дать юридическую оценку преступлению в обоих государствах-участниках процесса экстрадиции, и

---

¹ Договор России с Камеруном на этот счет содержит важные уточнения, связанные со временем действия уголовного закона. Согласно ч. 7 ст. 2 Договора, выдача может быть осуществлена при условии, что: а) деяние, в связи с которым запрашивается выдача, являлось преступлением в запрашивающей Стороне в момент его совершения; б) указанное деяние, если бы оно имело место на территории запрашиваемой Стороны в момент получения запроса о выдаче, также являлось преступлением в этой Стороне. См.: Договор между Российской Федерацией и Республикой Камерун о выдаче (заключен в г. Санкт-Петербурге 28.05.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2019. – № 3.

² Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Нью-Йорке 15.11.2000; с изм. от 31.05.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2004 – № 40. – Ст. 3882.

принимая во внимание объективные различия в уголовном законодательстве, в договорах о выдаче специально предусматривается, что различия в юридической терминологии не препятствуют исполнению запроса о выдаче, если деяние, в связи с которым поступил запрос, является уголовно наказуемым по законодательству обеих стран. А поскольку квалификация в запросе о выдаче является лишь предварительной, государства оговаривают и последствия ее возможного изменения. Так, например, ч. 7 ст. 2 Договора РФ с Кореей о выдаче¹ предусматривает, что если квалификация вменяемого в вину деяния изменится в ходе уголовного преследования, то выданное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности или осуждено в той части, в которой новая квалификация соответствует условиям, при которых выдача осуществляется. В Договоре с Филиппинами (ч. 5 ст. 2) оговорено, что новая квалификация состава преступления должна соответствовать преступлению, которое: а) основано на тех же существенных фактах, которые указаны в запросе о выдаче и документах в его обоснование; б) влечет такое же максимальное наказание или меньшее максимальное наказание, чем преступление, за которое лицо было выдано.

Квалификация преступления в стране, куда направляется запрос о выдаче лица, выступает важным условием выдачи на том основании, что экстрадиция происходит лишь в связи с деянием, указанным в запросе, и лишь в пределах той его части, которая признается уголовно противоправной по законодательству запрашиваемого государства. Такие правила, устанавливающие пределы уголовного преследования, предусмотрены во всех договорах. К примеру, Договор РФ с Албанией в ст. 64 закрепляет: «Без согласия Договаривающейся Стороны, к которой обращено требование, выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности, подвергнуть наказанию или выдать третьему государству за совершенное до выдачи преступление, за которое оно не было выдано»². Договор с Индией уточняет,

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой о выдаче (заключен в г. Пхеньяне 17.11.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2017. – № 5.

² Договор между СССР и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по

что выданного нельзя привлечь к ответственности «за совершение правонарушения иного, чем за которое оно было выдано, а также любого менее значительного правонарушения, раскрытого на основании доказательств, представленных в обоснование его выдачи»¹.

В данной ситуации можно усмотреть определенное ограничение уголовно-правового суверенитета России как страны, запрашивающей экстрадицию, поскольку требование квалификации экстрадиционного преступления в стране пребывания предполагаемого виновного и выдача только в пределах совпадающей криминальности фактически могут ограничить объем предъявленного лицу обвинения и предопределять решение российского суда в части квалификации содеянного.

Для иллюстрации приведем дело, связанное с экстрадицией из России гражданина Беларуси. И хотя оно демонстрирует в данном случае позицию России как запрашиваемого, а не запрашивающего государства, суть проблемы не меняется, учитывая общие начала экстрадиции и принцип взаимности.

Органами следствия Республики Беларусь О. обвинялся в краже с проникновением в помещение, совершенном повторно (ч. 2 ст. 205 УК РБ), в мошенничестве, совершенном повторно (ч. 2 ст. 209 УК РБ) и уклонении от превентивного надзора (ст. 422 УК РБ). Постановлением заместителя Генерального прокурора РФ от 31.10.2012 принято решение о выдаче О. правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения его к уголовной ответственности. Московским городским судом жалоба О. об отмене указанного оставлена без удовлетворения. В кассационной жалобе О. просил отменить решение о его выдаче как незаконное. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 февраля 2013 г. определение суда изменила, указав следующее.

Суд, признавая постановление заместителя Генерального прокурора РФ

гражданским, семейно-брачным и уголовным делам (подписан в г. Москве 30.06.1958) // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 10. – Ст. 72.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче (подписан в г. Дели 21.12.1998) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 28. – Ст. 2883.

обоснованным, не учел, что ст. 205 УК РБ не содержит квалифицирующего признака, аналогичного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, – кража с незаконным проникновением в помещение, на наличие которого ошибочно сослался в своем постановлении заместитель Генерального прокурора РФ, в связи с чем действия О. по данному преступлению могут быть квалифицированы только по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Не принято судом во внимание и то, что в Уголовном кодексе РФ отсутствует такой квалифицирующий признак хищения, как повторность, предусмотренный ч. 2 ст. 205 и ч. 2 ст. 209 УК РБ. Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 159 УК РФ, влекут наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет и в силу ч. 2 ст. 15 УК РФ относятся к преступлениям небольшой тяжести, срок давности уголовного преследования по которым составляет два года. Преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205 и ч. 2 ст. 209 УК РБ, влекут наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет и в силу ст. 12 УК РБ относятся к менее тяжким преступлениям, срок давности уголовного преследования по которым составляет пять лет. При таких обстоятельствах О. может быть выдан для уголовного преследования за данные преступления по ч. 1 ст. 205 УК РБ (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и ч. 1 ст. 209 УК РБ (ч. 1 ст. 159 УК РФ), а не по ч. 2 ст. 205 УК РБ и ч. 2 ст. 209 УК РБ. Также судом не учтено, что в постановлении заместителя Генерального прокурора РФ сделан ошибочный вывод относительно наказания за уклонение от превентивного надзора (ст. 422 УК РБ). Указано, что данные действия соответствуют преступлению, предусмотренному ст. 314.1 УК РФ – уклонение от административного надзора, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Между тем согласно ст. 314.1 УК РФ уклонение от административного надзора наказывается лишением свободы на срок до одного года. В соответствии же с положениями п. 1 ч. 3 ст. 462 УК РФ выдача лица иностранному государству для уголовного преследования может быть произведена лишь в том случае, если уголовный закон предусматривает за совершение уголовно наказуемого деяния наказание в

виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание. Исходя из указанных положений закона, О. не может быть выдан компетентным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности по ст. 422 УК РБ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила определение Московского городского суда, исключила указание о выдаче О. для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 422 УК РБ (ст. 314.1 УК РФ) и определила считать его выданным правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности за тайное хищение чужого имущества (кражу) без отягчающих обстоятельств – преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РБ (ч. 1 ст. 158 УК РФ), и мошенничество без отягчающих обстоятельств – преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 209 УК РБ (ч. 1 ст. 159 УК РФ)¹.

Таким образом, квалификация экстрадиционного преступления в запрашиваемом государстве не только выступает одним из условий проверки его «двойной криминальности», но и определяет границы уголовного преследования экстрадируемого лица в запрашивающем государстве. Такая «перекрестная» уголовно-правовая оценка преступления призвана, с одной стороны, обеспечить незыблемость принципа неотвратимости ответственности за преступление, а с другой – продемонстрировать взаимное уважение государственного суверенитета между странами. Она же является дополнительным стимулом к разработке направлений и правил гармонизации и унификации уголовного законодательства в общемировом и (или) региональном масштабе.

В отношении выданного России лица уголовное преследование и осуждение осуществляется в соответствии с правилами российского законодательства, вне зависимости от того, выдается ли ей российский гражданин или иностранный. В последнем случае после осуждения

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 10.

виновного, он может быть в соответствии с международными договорами России передан для отбывания назначенного наказания в страну своей гражданской принадлежности, страну места совершения преступления, если соответствующие государства подадут необходимый для этого запрос. Причем передача для отбывания наказания находится в усмотрении РФ и не является обязанностью страны по международному праву.

Убежище

Важным компонентом общей системы правил действия уголовного закона в пространстве выступает институт убежища. Это один из древнейших правовых институтов. Возникнув еще в XX – XVIII вв. до нашей эры, он получил широкое распространение в эпоху средневековья, после чего его масштабы были существенным образом сокращены¹. Сегодня на смену трем видам убежища – религиозному, дипломатическому и территориальному – пришел только один, признаваемый всеми государствами вид убежища – территориальный, при котором правом предоставления убежища наделяется лишь государство. В самом общем виде территориальное убежище может быть определено как суверенное право государства обеспечить защиту, невыдачу и свою территорию для пребывания отдельных лиц, не являющихся ее гражданами, в случае когда такие лица по тем или иным причинам преследуются в государстве своей гражданской принадлежности. К такому выводу в целом склоняются многие авторы, специально занимавшиеся проблемой убежища. Так, Л.Н. Галенская определяет право политического убежища как предоставление государством покровительства иностранцу (с ограничениями, вытекающими из норм международного права), которое заключается в невыдаче, невысылке его на родину, и пользовании основными правами человека². К.Д. Сазон дает определение убежища как предоставляемой РФ защиты иностранным гражданам и лицам без

---

¹ Об истории убежища см.: Галенская Л.Н. Право убежища в современном международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965; Антипов А.Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

² Галенская Л.Н. Право убежища в современном международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – С. 10.

гражданства, находящимся на территории РФ, которые не могут или не желают пользоваться защитой государства гражданской принадлежности или прежнего обычного места жительства по причине наличия опасений стать жертвой насилия или преследований в иных формах по признаку расы, гражданства, национальности, вероисповедания, языка, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений либо возможности столкнуться с пытками или угрозой жизни, здоровью и свободе в условиях вооруженного конфликта международного или немеждународного характера либо угрозой применения смертной казни¹.

Действующими правовыми актами на территории РФ определены три формы убежища: предоставление временного убежища, предоставление политического убежища и признание беженцем². Каждая из них имеет непосредственное отношение к вопросам уголовного права в той части, что основанием для поиска лицом убежища выступает преследование или реальная угроза стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного местожительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, которые не противоречат демократическим принципам, признанным мировым сообществом, нормам международного права, а равно по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Такие преследования вполне могут иметь форму официального уголовного преследования.

В свете обсуждения вопросов, связанных с ответственностью по российским законам лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, проблема убежища заслуживает отдельного и притом весьма ограниченного и специфического анализа.

---

¹ Сазон К.Д. Право убежища в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 11 – 12.

² См.: Указ Президента РФ от 21.07.1997 № 746 (ред. от 19.12.2018) «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3601; Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 27.12.2018) «О беженцах» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 12. – Ст. 425.

Убежище в данном случае выступает как некий антипод экстрадиции. Со стороны России оно предоставляется лицам, в отношении которых Россия не заявляет притязаний на осуществление уголовной юрисдикции в связи с тем или иным деянием. Убежище на территории РФ по определению не предоставляется гражданам РФ, совершившим преступление вне пределов РФ, поскольку их защита со стороны России и обязательства невыдачи в данном случае обусловлены гражданско-правовой связью лица с государством и конституционными обязательствами России по защите собственных граждан. Убежище может быть предоставлено иностранным гражданам и не проживающим постоянно в России лицам без гражданства в случае совершения ими противоправных деяний за пределами России, но только в том случае, когда Россия не обладает юрисдикцией в отношении таких деяний на основании реального (защитного) или универсального принципа.

Таким образом, к теме нашего исследования имеют отношение две ситуации, связанные с предоставлением убежища:

а) когда гражданин России, совершив преступление за пределами России, запрашивает убежище в иностранном государстве места своего пребывания или места совершения преступления;

б) когда иностранец, совершивший за пределами России преступление, находясь на территории России, запрашивает убежище.

Во Всеобщей Декларации прав человека, записано, что «каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем»¹. Вместе с тем, исходя из анализа норм международного права, можно вполне уверенно утверждать, что этому праву не корреспондирует обязанность государства предоставлять убежище. Как верно пишут специалисты, «предоставление убежища рассматривается не как абсолютное, а как опосредованное право человека, реализуемое через

---

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – № 67. – 05.04.1995.

волеизъявление государства, которое принимает решение предоставить или отказать ему в убежище»¹; «на государство не возлагается обязанность по его предоставлению преследуемым лицам, что, в свою очередь, позволяет утверждать о наличии абсолютного права государства по определению оснований и порядка предоставления убежища»².

С учетом этого обстоятельства, по объективным причинам мы не в состоянии на страницах диссертации представить полноценный сопоставительный анализ законодательства России и иностранных государств в части регулирования процесса предоставления убежища. Ограничимся в данном случае выяснением лишь некоторых общих принципов убежища в контексте действия закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами нашей страны. Принимая во внимание то важное обстоятельство, что между понятием убежища и отказом от экстрадиции существует тесная содержательная связь. Такого рода тесное взаимодействие обусловлено тем, что «убежище как таковое теряет всякий смысл и содержание без соблюдения принципа отказа от выдачи»³ и справедливо рассматривается специалистами в качестве одного из оснований для отказа в экстрадиции⁴.

Основная идея, отражающая связь уголовного права и убежища прямо выражена в международных актах и в связи с этим является признанной всеми государствами. Так, в ч. 2 ст. 14 Всеобщей декларации прав человека прямо закреплено, что право убежища «не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершении неполитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций». В п. «f» ст. 1 Конвенции о беженцах также предписано, что ее положения в части установления

---

¹ Антипов А.Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 23.

² Сазон К.Д. Право убежища в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 22.

³ Зливко А.П. Конституционно-правовое регулирование предоставления убежища в странах Западной Европы (сравнительно-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – С. 14.

⁴ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. – М.: Юритинформ, 2014. – С. 255.

гарантий для беженцев не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они:

а) совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений;

б) совершили тяжкое преступление не политического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев;

с) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций¹.

Императив непредоставления убежища, защиты и покровительства лицам, преследуемым за не политические преступления, признается сегодня в качестве незыблемого и в юридической науке². В этой связи требует критической оценки приведенное выше суждение М.Д. Шаргородского о том, что убежище предполагает предоставление государством права проживания на своей территории без привлечения к уголовной ответственности лица, преследуемого в другом государстве за совершение преступления³. Л.Н. Галенская обоснованно считает, что к числу лиц, которым ни одно государство не может предоставлять убежище и которые подлежат обязательной выдаче, следует отнести: 1) лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений; 2) лиц, совершивших уголовные преступления и выдача которых предусмотрена многосторонними соглашениями (конвенциями о борьбе с отдельными видами преступлений);

---

¹ Конвенция о статусе беженцев. Вместе с "Комментарием", "Образцом проездного документа". (Заклучена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9. – С. 6 – 28.

² Сазон К.Д. Право убежища в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 16 – 17; Зливко А.П. Конституционно-правовое регулирование предоставления убежища в странах Западной Европы (сравнительно-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – С. 9; Рыжов А.А. Право политического убежища в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 8.

³ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Мин. юст. СССР, 1948. – С. 286; Шаргородский М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – № 8. – С. 44 – 59.

3) лиц, выдача которых обусловлена двусторонними соглашениями¹.

Таким образом, связь института убежища и действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, заключается в следующем:

– в рамках реализации принципа гражданства и защитного принципа Россия не может требовать экстрадиции соответственно своих граждан или иностранных лиц, совершивших за пределами России политические преступления, или иные преступления, в случаях когда их преследование российскими властями осуществляется по политическим или иным дискриминационным мотивам, а сами эти лица запрашивают убежище в иностранном государстве,

– в рамках реализации универсального принципа Россия может предоставить покровительство и обеспечить невыдачу лицам, которые просят в ней убежища в связи с совершенным за границей политическим преступлением или иным преступлением, преследование которого осуществляется по политическим или иным дискриминационным мотивам.

Основной элемент, который в данном случае обеспечивает системную взаимосвязь институтов уголовного и конституционного права, состоит в понятии политического преступления и преследовании по политическим мотивам. И то, и другое в России исключается, исходя из анализа содержания ее правовой системы и практики правоохранения.

Так, ратифицируя Европейскую конвенцию о выдаче, Россия сделала важную оговорку относительно того что ее правовая система не знает понятия политического преступления². Во всех случаях при решении вопроса о выдаче РФ не будет рассматривать в качестве «политических преступлений» или «преступлений, связанных с политическими преступлениями», наряду с преступлениями, указанными в Дополнительном

---

¹ Галенская Л.Н. Право убежища в современном международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – С. 10 – 11.

² Федеральный закон от 25.10.1999 № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 43. – Ст. 5129.

Протоколе 1975 г. к Европейской конвенции о выдаче 1957 г., в частности, следующие деяния:

1) преступления против человечества, предусмотренные в ст. II и III Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973) и ст. 1 и 4 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984);

2) преступления, предусмотренные в ст. 85 Дополнительного протокола 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977), и ст. 1 и 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (1977);

3) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970), Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971), и Протоколе о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988), дополняющем вышеупомянутую Конвенцию 1971 г.;

4) серьезные правонарушения, предусмотренные в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973);

5) преступления, предусмотренные в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979);

6) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о физической защите от ядерного оружия (1980);

7) правонарушения, предусмотренные в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988);

8) иные сравнимые преступления, предусмотренные в многосторонних международных договорах, участником которых является РФ.

Что касается преследования по политическим или иным дискриминационным мотивам, то здесь, как представляется, надо руководствоваться подтвержденной Конституционным Судом РФ презумпцией добросовестности и разумности действий конституционных органов¹, исходя из которой дискриминационные мотивы преследования должны быть доказаны лицом, запрос о выдаче которого Россия направляет в иностранное государство.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сформулировать несколько выводов, значимых в развитии заявленной темы:

– правила действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, как часть уголовно-правового института действия закона в пространстве, имеют тесную системную межотраслевую связь с экстрадицией как институтом международного уголовного права и убежищем как институтом конституционного права; эта связь обеспечивает всесторонность регулирования уголовно-правовых отношений на основе гармоничного сочетания принципа неотвратимости ответственности с принципами суверенного равенства государств и защиты прав человека;

– экстрадиция как двусторонний процесс, вопреки устоявшемуся мнению, не может быть определена только как выдача, то есть процесс предоставления запрашиваемого лица в иную юрисдикцию; такой выдаче по логике и по сути предшествует сам запрос; это уточнение значимо в контексте понимания суверенных возможностей государства в осуществлении экстрадиции, представляется, что запрос на выдачу лица для уголовного преследования необходимо оценивать как обязанность государства, продиктованную конституционными предписаниями о защите суверенитета и прав человека, тогда как саму выдачу для уголовного

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 3059.

преследования – в качестве суверенного права государства, объективно ограниченного международными правовыми нормами, принципом добросовестного исполнения международных договоров и принципом взаимности;

– поскольку обязательства иностранных государств перед Россией по выдаче ей преступников могут входить в конкуренцию с обязательствами этих государств перед частными лицами по обеспечению их прав на безопасность, вытекающие из конституционных обязательств России требования о выдаче ей граждан для уголовного преследования будут с большей степенью надежности удовлетворены, если Россия обладает такой правовой, судебной и в целом правоприменительной системой, которая не создает поводов для сомнений в ее высоких гуманитарных стандартах, что предполагает в современный период акцентированное внимание на исключение потенциальной возможности уголовного преследования по политическим или иным дискриминационным мотивам и обеспечение защищенности граждан от пыток и различных форм жестокого и бесчеловечного наказания и обращения

– условия, в соответствии с которыми осуществляется выдача лиц в Россию для уголовного преследования, в некоторой степени допускают ограничение уголовно-правового суверенитета России как страны, запрашивающей экстрадицию, поскольку требование квалификации экстрадиционного преступления в стране пребывания предполагаемого виновного и выдача только в пределах совпадающей криминальности фактически могут ограничить объем предъявленного лицу обвинения и предопределять решение российского суда в части квалификации содеянного; такая «перекрестная» уголовно-правовая оценка преступления призвана, с одной стороны, обеспечить незыблемость принципа неотвратимости ответственности за преступление, а с другой – продемонстрировать взаимное уважение государственного суверенитета между странами, она же является дополнительным стимулом к разработке направлений и правил гармонизации

и унификации уголовного законодательства в общемировом и (или) региональном масштабе.

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УК РФ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЕГО ДЕЙСТВИЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Действие уголовного закона в отношении граждан Российской Федерации, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

В соответствии с предписаниями действующего уголовного закона, граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступления против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данным преступлениям не имеется решения суда иностранного государства (ч. 1 ст. 12 УК РФ); военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 12 УК РФ).

Эти положения, будучи результатом длительной законодательной эволюции, отражают современное решение сложного вопроса действия уголовного закона в отношении граждан России, совершивших преступление вне пределов страны, дифференцированное в зависимости от служебного статуса гражданина. При этом необходимо сразу заметить, что УК РФ не в полном объеме регулирует данный вопрос. За рамками текста уголовного закона остались предписания, которые определяют порядок ответственности иных, кроме военнослужащих, лиц со специальным служебным статусом в случае совершения ими преступления за пределами страны. Речь идет, в

частности, о лицах, обладающих международно-правовым иммунитетом (дипломатах, консулах, членах международных организаций и др.), для решения вопроса об ответственности которых требуется непосредственное применение норм международного права и Конституции России.

В связи с этим последующий анализ темы требует отдельного рассмотрения проблемы: вначале исследуем проблему ответственности «частных» лиц, а затем, в следующем параграфе, обратимся к вопросу об ответственности лиц со специальным служебным статусом¹.

Регламентация вопросов ответственности российских граждан из числа «частных» лиц за совершенные за пределами страны преступления традиционно мыслится как необходимое дополнение к основному, территориальному принципу действия уголовного закона. При этом, как показывает опыт доктринальной разработки темы, в обоснование необходимости такой ответственности могут быть положены две основные идеи.

Согласно первому подходу, основанному на признании исключительной значимости территориального принципа действия уголовного закона в пределах того или иного государства, вытекающего из безусловного суверенитета государства, привлечение отечественных граждан за преступления, совершенные за границей, может существовать лишь в качестве исключения из общего правила, необходимого дополнения на тот случай, когда государство места совершения преступления по тем или иным причинам фактически отказывается или не имеет нормативной возможности привлечь лицо к уголовной ответственности. Еще Н.А. Неклюдов по этому поводу писал: «Из понятия державности каждого государства внутри своей территории вытекает, что державная власть, а стало быть и право суда за преступления, учиненные в пределах другого государства, принадлежат исключительно сему последнему. ... С отказом же иностранного государства

---

¹ В параграфе использованы материалы, ранее опубликованные автором, см.: Казаринов И.А. Условия ответственности граждан Российской Федерации, совершивших преступления вне пределов России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 11 (114). – С. 116 – 121.

пользоваться своею державною властью для охранения интересов иностранных государств, державная власть заинтересованного преступлением государства вступает снова в свои права и судит своего подданного по праву державности (принцип личной подчиненности)»¹. Ф. Лист также указывал, что последовательное воплощение территориального принципа действия уголовного закона требует двух условий: «Чтобы все остальные государства признали этот принцип, и чтобы каждое государство было уверено, что нападения на его интересы на чужой территории будут энергично отражены законодательством места совершения. Обоих условий в настоящее время нет налицо и созданы они могут быть лишь при помощи международных соглашений. Таким образом, уголовное право принуждено выйти за пределы государства. Но это преступление границ, уже ввиду тех неудобств, которые неразрывно связаны с преследованием и судом не на месте совершения преступления, не должно идти дальше, чем того требует необходимость. Подобная же необходимость может быть признана лишь тогда, если совершенное за границей деяние направлено или а) против самого государства и его жизненных интересов или б) против юридических благ его подданных. Это расширение пространства применения уголовно-правовых норм называют «принципом защиты», «реальным принципом» или «принципом участвующего правопорядка»². На тех же позициях стоял А.А. Пионтковский, когда признавал, что «необходимость применения наших уголовных законов к русско-подданным за учиненными ими за границею преступные деяния базируется на комбинации трех принципов – национального, самозащиты и космополитического»³. Последовательным выразителем рассматриваемого подхода был Н.С. Таганцев. Отдавая всецело преимущество территориальному принципу действия закона, он тем не менее оправдывал

---

¹ Неклюдов Н. Общая часть уголовного права (конспект). – СПб.: Тип. И. Меркульева, 1875. – С. 176.

² Лист Ф.ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 104.

³ Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. Вып. Первый. – Казань: Тип. Казан. Ун-та, 1913. – С. 108.

возможность применения российского закона к лицам, совершившим преступные деяния за границей, лишь редкими ситуациями, когда преступник находится на территории нашей страны. В случае если он являлся российским подданным, вопрос о необходимости применения к нему российского закона предreshался самим фактом подданства и персональной связью личности с государством. В случае же если такой преступник оказывался иностранцем, то, по мнению Н.С. Таганцева, его ответственность по закону места пребывания вполне могла быть оправдана универсальным принципом¹.

Такой подход условно может быть назван «либеральным» или «глобалистским»; он исходит из представлений об общности правовых и культурных интересов различных стран, веры в прогрессивное международное сотрудничество, основан на признании высокой степени доверия между странами. В его рамках разрабатываются и реализуются положения, направленные на максимальное сближение и гармонизацию предписаний уголовных законов различных стран, позволяющие одной стране (стране места совершения преступления) защищать средствами национального уголовного закона интересы иных стран (стран гражданства преступника), а соответственно – стране гражданства виновника доверять законам и правосудию страны места совершения преступления. Отсюда – правила о признании силы и значения судебного решения иностранного государства, о чем в частности писали Н.А. Неклюдов и А.Ф. Бернер².

Очевидно, что этот «правовой романтизм» плохо сочетается с суровыми реалиями межгосударственного общения, причем как протекавшего в XIX столетии, так и (особенно) настоящего.

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 132.

² «Из права суда над преступником вытекает само собою и обязательность иностранного приговора для остальных государств» (Неклюдов Н. Общая часть уголовного права (конспект). – СПб.: Тип. И. Меркульева, 1875. – С. 176). «Состоявшиеся и исполненные за границу приговоры осуждения оправдания и помилования должны быть признаваемы нашим государством, как свои собственные» (Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 789).

«Узкоэгоистические» (если допустимо так выразиться) интересы отдельных государств и все заметно проявляющие себя на фоне краха политики глобализма их культурные особенности не способствуют тому, чтобы силой уголовного закона защищать правовые интересы «третьих» стран или «всего мира», но, напротив, усиливают практику уголовно-правовой защиты подчеркнуто национальных интересов. В подобной ситуации степень доверия к территориальному принципу действия уголовного закона оказывается подорванной, в связи с чем приобретают популярность иные теории, обосновывающие ответственность граждан перед законом собственного государства за совершенные за границей преступления. Сегодня, как показывает экспертный опрос, необходимость такой ответственности не оспаривается никем из специалистов, все 100% опрошенных нами юристов признали оправданным и целесообразным установление ответственности для граждан РФ именно по российским законам в случае совершения ими преступления за рубежом.

В соответствии с конкурирующим подходом (в противоположность первому его условно можно назвать «консервативным» или «антиглобалистским»), государство заявляет свои права на наказание собственных граждан за совершенные за границей преступления, руководствуясь двумя основными идеями: с одной стороны, защитить граждан от необоснованных притязаний иностранных юрисдикций, а с другой – защитить свои собственные правовые интересы вне зависимости от состояния иностранного законодательства и степени доверия к иностранным судам. Здесь в основе – преимущества персонального принципа действия уголовного закона, основанные на понимании гражданства как устойчивой правовой связи лица с государством. А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин писали, что «устойчивость этой связи выражается в ее непрерывности во времени и пространстве. Непрерывность гражданства во времени проявляется в его сохранении с момента приобретения вплоть до смерти, если законодательство не предусматривает другие случаи утраты. ... Устойчивость в пространстве

означает, что гражданство сохраняется при выезде обладающего им лица за границу, не прерывается даже в случае длительного пребывания там и не утрачивается в силу самого факта проживания за границей»¹.

В определенной мере, как показывает исторический обзор, абсолютизировало персональный принцип советское уголовное право, допуская реализацию ответственности советских граждан за совершенные за границей преступления, порой вне зависимости от наличия «двойной наказуемости» совершенного деяния и факта приговора иностранного суда. Вместе с тем, учитывая, что последовательное и повсеместное воплощение этого принципа было объективно невозможно (в силу традиционного действия территориального принципа действия уголовного закона и особенностей функционирования института выдачи преступников), наука и практика были вынуждены признать, что параллельное осуществление территориальной юрисдикции одного государства и персональной юрисдикции другого государства в отношении одного и того же лица по одному и тому же факту преступного деяния создает существенные проблемы, связанные с нарушением общих принципов права, прежде всего принципа справедливости. Отсюда – разработка в науке ряда положений, направленных на ограничение ответственности граждан за совершенные вне пределов страны преступления.

К примеру, Ф. Лист вполне определенно указывал, что в отношении реализации ответственности за преступления, совершенные подданными страны за границей, требуется «двойная наказуемость» и отсутствие приговора иностранного государства². С рядом изъятий и оговорок поддерживал эту мысль А.А. Пионтковский, когда указывал, во-первых, на исключение из требования «двойной наказуемости», «по поводу некоторых особенно тяжких видов преступных деяний политического свойства, учиненных за границей, независимо от того, представляются ли эти деяния

---

¹ Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учеб. пособ. – СПб.: ИПК ПСР Прокуратуры РФ, 1993. – С. 56.

² Лист Ф.ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 110 – 111.

запрещенными законами места их учинения или нет»¹; и во-вторых, на ограничение признания силы иностранного приговора – «по тем самым основаниям и во всех тех случаях, в которых наше законодательство, при применении наших законов к деяниям, учиненным за границей, не считается с тем, признаются ли эти деяния запрещенными по законам места их учинения, оно не признает наличности оправдательного приговора, постановленного иностранным судом, обязательством, устраняющим возможность суда за эти деяния»². Ограничивала значение иностранного приговора и М.И. Блум, когда, следуя в большей степени идеологической и политической логике, предлагала учитывать при осуждении советских граждан за совершенные за границей преступления только приговоры социалистических государств³.

Два отмеченных подхода сосуществовали в теории и в значительной степени влияли на состояние отечественного уголовного законодательства. Если с их позиций оценить предписания действующего УК РФ, то можно вполне уверенно констатировать отражение в нем основных идей умеренно-консервативного варианта решения вопроса действия закона в отношении граждан, совершивших преступления за рубежом.

Рассмотрим нормативное воплощение этих идей и основные проблемы, возникающие в связи с их практической реализацией.

1. Важно обратить внимание на то, что закон, хотя и при определенных условиях, устанавливает весьма категоричное, императивное предписание о том, что граждане РФ и постоянно проживающие в стране лица без гражданства «подлежат ответственности». Не «могут подлежать», а именно «подлежат». Тем самым в УК РФ отражается положение, закрепленное в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, согласно которому «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их

---

¹ Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. Вып. Первый. – Казань: Тип. Казан. Ун-та, 1913. – С. 110.

² Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. Вып. Первый. – Казань: Тип. Казан. Ун-та, 1913. – С. 111.

³ Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. – Рига: РИО ЛГУ им. П. Стучки, 1974. – С. 175.

объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Эта обязанность не имеет территориального ограничения. Соблюдение законов государства, в том числе и требований, вытекающих из уголовно-правовых запретов, – обязанность граждан России, вне зависимости от места их нахождения. Этой обязанности корреспондируют соответствующие обязательства самого государства. Согласно ч. 2 ст. 61 Конституции РФ, «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами». В рассматриваемом нами аспекте ч. 2 ст. 15 и ч. 2 ст. 61 Конституции России устанавливают важные взаимные обязательства граждан и государства: первые обязаны соблюдать законы отечества за рубежом, второе призвано защищать находящихся за рубежом граждан. Отметим больше: такая взаимная связь имеет место не только между государством и его собственными гражданами. В ч. 3 ст. 62 Конституции России установлено: «Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации». Это положение (пусть и с важной ограничительной оговоркой) устанавливает очевидную обязанность лиц без гражданства соблюдать законы России (в том числе уголовные) и претендовать в необходимых случаях на защиту со стороны нашего государства.

2. В отличие от ст. 5 УК РСФСР 1960 г., действующий уголовный закон устанавливает правило об ответственности по российскому закону за совершенное вне пределов страны преступление, вне зависимости от того, на территории какого государства привлечен к ответственности или предан суду виновный. Соответствующее изменение принципиально важно, поскольку гарантирует применение именно отечественного уголовного закона к лицам, совершившим преступление за границей, и выданным для уголовного преследования России, вне зависимости от того, кем и где было возбуждено уголовное дело. Иначе не может быть, поскольку, исходя из изложенного

выше, граждане и органы власти обязаны соблюдать российские законы, а иностранные уголовные законы на территории России не подлежат применению. Такое изменение закона, кроме того, отвергает дореволюционную практику, в соответствии с которой для привлечения российского подданного к ответственности за совершенное за границей преступление требовалась соответствующая просьба или запрос иностранного государства. Здесь вопрос решен более категорично: наш гражданин всегда подлежит ответственности по УК РФ.

В то же время рассматриваемое положение закона требует ограничительного толкования, поскольку при буквальном прочтении создает предпосылки для возможной ошибочной его интерпретации в части допустимости применения российского уголовного закона даже к тем гражданам России, которые осуждаются иностранным судом. Здесь, как представляется, надо различать модель материального уголовно-правового отношения, созданную законом, и особенности ее практического воплощения. Еще Л.С. Белогриц-Котляревский отмечал практическую значимость фактического местонахождения преступника для определения действия уголовного закона «в пределах чужого государства». В частности, он различал следующие ситуации совершения российским подданным преступления за границей:

а) лицо совершает преступление против своей державы. В этом случае оно выдается или высылается отечеству для наказания по его законам на том основании, что уголовный закон не перестает покровительствовать, а следовательно и обязывать личность своего подданного и за границей;

б) лицо совершает преступление против законов чужого государства, здесь возможны три случая:

– преступник убегает из места совершения преступления в свое отечество, здесь к нему применяется отечественный закон, поскольку государства своих подданных не выдают,

– преступник убегает на территорию страны, законы которой он

нарушил, здесь он подлежит ответственности по законам страны места пребывания (положение преступника здесь сходно с тем, если бы он совершил преступление против законов государства на его же территории),

– преступник убегает на территорию чужой нейтральной державы, то есть той, законы которой он не нарушал, здесь в виду неудобств для суда, государство должно выдать преступника или тому государству, законы которого он нарушил, или, если есть опасения в пристрастности этого государства, государству, чьим подданным является преступник¹.

Предписания действующего закона, таким образом, позволяют возбуждать уголовное дело в отношении российского гражданина за совершенное вне пределов страны преступление, вне зависимости от того, привлечен ли этот гражданин к ответственности по законам иностранного государства (что подтвердили 97% опрошенных при проведении исследования специалистов). Уголовное правоотношение между ним и отечественным государством развивается как бы параллельно с аналогичным правоотношением между гражданином и иностранным государством. Оно дублирует его и, с одной стороны, выступает «резервом» в случае если правоотношение с иностранным государством не возникло по каким-либо причинам или не реализовано, а с другой стороны, блокируется фактом наличия решения иностранного государства.

Приведем две подтверждающие ситуации.

В одном случае гражданин России, совершая преступление за границей, возвращается в Россию, где по инициативе российских властей возбуждается уголовное дело и происходит его привлечение к ответственности. К примеру, Бандан был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 322 и п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Установлено, что Бандан, действуя группой лиц по предварительному сговору совместно с другим установленным следствием лицом, совершил незаконное

---

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. – С. 89 – 91.

пересечение Государственной границы РФ без действительных документов на право въезда в РФ или выезда из РФ, либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством РФ. После пересечения границы Бандан, углубившись на территорию сумона Баянтэс Завханского аймака Монголии до 40 километров, из корыстных побуждений, умышленно, совместно с лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное производство, действуя по предварительному сговору группой лиц, с пастбища совершили тайное хищение 32 лошадей общей стоимостью 524400 рублей, принадлежащих гражданину Монголии, причинив ему ущерб в крупном размере. Похищенных лошадей Бандан совместно с лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное производство, перегнал через Государственную границу из Монголии в Российскую Федерацию. Вынося обвинительный приговор, суд учел положения ст. 12 УК РФ и принял во внимание, что совершение кражи по предварительному сговору группой лиц и с причинением потерпевшему крупного ущерба уголовным законодательство Монголии признается преступлением и наказывается лишением свободы¹.

В другой ситуации уголовное преследование против гражданина РФ, совершившего вне пределов России преступление, может быть инициировано иностранным государством. Так, Сергеев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 и ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 188 УК РФ, и осужден за подстрекательство и пособничество в контрабанде, то есть в перемещении в крупном размере через таможенную границу РФ товаров, совершенном помимо таможенного контроля. Преступление совершено в соучастии с другими лицами, осужденными на территории Украины. В приговоре суд детально охарактеризовал основания и законный порядок преследования Сергеева по законодательству России. В частности, суд указал следующее. В соответствии со ст. 12 УК РФ, граждане РФ, совершившие

---

¹ Эрзинский районный суд Республики Тыва. Приговор от 27 сентября 2017 г. по делу № 1-59/2017. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019). См. аналогичное решение: Карасукский районный суд Новосибирской области. Приговор от 17 октября 2011 г. по делу № 1-202-2011.

преступление вне пределов России, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено, и если эти лица не были осуждены в иностранном государстве. Сергеев совершил преступление на Украине, на территории которой он не был осужден, поэтому подлежит уголовной ответственности по УК РФ. Ст. 72 ч. 1 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам определяет, что каждая Договаривающаяся Сторона обязуется по поручению другой Договаривающейся Стороны осуществлять в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против собственных граждан, подозреваемых в том, что они совершили на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны преступление. В материалах дела имеется поручение Генеральной прокуратуры Украины в адрес Генеральной прокуратуры Российской Федерации об уголовном преследовании Сергеева за совершенное им на территории Украины преступление, предусмотренное ст.ст. 28 ч. 3 и 201 ч. 2 УК Украины, как контрабанда товаров вне таможенного контроля в крупных размерах по предварительному сговору группой лиц в составе организованной группы. В соответствии с ч. 1 ст. 73 Конвенции к поручению приложено уголовное дело в отношении Сергеева, расследованное Службой безопасности Украины, при этом все листы дела заверены гербовой печатью. Ч. 2 ст. 73 данной Конвенции предусматривает, что при направлении запрашивающей Договаривающейся Стороной возбужденного уголовного дела расследование по этому делу продолжается запрашиваемой Договаривающейся Стороной в соответствии со своим законодательством. Таким образом, уголовное преследование Сергеева на территории России осуществлялось на законных основаниях и по ее законодательству¹.

По другому делу Попов признан виновным в совершении

---

¹ Краснояружский районный суд Белгородской области. Приговор от 27 мая 2011 г. по делу № 1-10/2011. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019).

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ. Являясь гражданином РФ, находясь на территории Республики Беларусь, Попов совершил преступление, предусмотренное ч.1 ст. 214 Уголовного кодекса Республики Беларусь – неправомерное завладение транспортным средством и поездка на нем без цели хищения (угон). Вынося приговор, суд указал следующее. В соответствии с требованиями Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Попов не подлежит выдаче Республике Беларусь для привлечения к уголовной ответственности, поскольку является гражданином РФ, в связи с чем компетентными органами Республики Беларусь направлено поручение об осуществлении уголовного преследования Попова на территории РФ. Согласно законодательству РФ, действия Попова квалифицируются по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ¹.

3. Правило об ответственности по российскому уголовному закону распространяется в исследуемом нами случае на граждан России и лиц без гражданства, постоянно проживающих в РФ. Законодательное определение соответствующих категорий физических лиц дано в законодательстве России.

Согласно ст. 5 закона «О гражданстве Российской Федерации»², гражданами РФ являются:

- а) лица, имеющие гражданство РФ на день вступления в силу указанного Федерального закона (01 июля 2002 г.);
- б) лица, которые приобрели гражданство РФ в соответствии с этим Федеральным законом.

Факт наличия гражданства подтверждается паспортом или иным основным документом, содержащим указание на гражданство лица.

В соответствии с преамбулой к закону «О гражданстве Российской Федерации», а также в соответствии с дублирующими предписаниями ст. 2 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

---

¹ Сыктывкарский городской суд Республики Коми. Приговор от 19 мая 2017 г. по делу № 1-417/2017. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019).

² Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.

Федерации»¹, лицо без гражданства – это лицо, не являющееся гражданином РФ и не имеющее доказательства наличия гражданства иностранного государства. Постоянно проживающее в России лицо без гражданства имеет вид на жительство, то есть документ, удостоверяющий его личность, подтверждающий разрешение на постоянное проживание на территории РФ, право на свободный выезд из РФ и возвращение в РФ.

Поскольку статус гражданина и постоянно проживающего в России лица без гражданства имеет определенные временные параметры, возникает закономерный вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности по российскому закону в случаях, когда время совершения преступления, время реализации ответственности находятся за пределами соответствующего правового статуса. Этот вопрос слабо исследован в науке. Так, Ф. Лист, комментируя немецкое законодательство XIX столетия, писал, что за редким исключением иностранцы несудимы по германскому закону за совершенные за границей преступления, «единственное исключение – если после совершения преступления преступник стал подданным империи, но в данном случае требуется инициирование преследования со стороны компетентного органа страны места совершения деяния, применение иностранного закона, если он более мягкий и назначение карательных мер, предусмотренных только германским законом»². Применительно к положениям советских законов, М.И. Блум писала: «В советском уголовном законодательстве не решен вопрос о применении советских уголовных законов к гражданам СССР, совершившим преступления за границей до того, как они приняты в гражданство СССР. На основании действующих в настоящее время законов такое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности в СССР. Однако такое лицо в соответствии с действующими в настоящее время уголовным законодательством и договорной практикой вряд ли может быть

---

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

² Лист Ф.ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 110 – 111.

выдано иностранному государству для привлечения его к ответственности в месте совершения преступления или для отбытия наказания»¹.

В современной ситуации вопрос этот также не урегулирован с необходимой полнотой. Вместе с тем некоторые положения на этот счет в законодательстве сформулированы.

Так прежде всего надо напомнить, что совершение преступления не лишает лицо гражданства, а лишение гражданства не может быть установлено в качестве уголовного наказания (как это предусматривалось, например, ст. 20 и ст. 27 УК РСФСР 1926 г.). Более того, согласно ст. 20 Закона «О гражданстве Российской Федерации», не допускается добровольный выход из гражданства РФ, если гражданин РФ: а) имеет не выполненное перед РФ обязательство, установленное федеральным законом; б) привлечен компетентными органами РФ в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении его имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда. Совершение преступления лицом без гражданства, постоянно проживающим на территории РФ, также не создает для него дополнительных последствий в виде лишения вида на жительство, депортации или запрета на въезд в страну, поскольку соответствующие негативные правовые последствия установлены ст. 9 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» только для иностранных граждан.

Далее: в ситуации, когда преступление совершено лицом после выхода из гражданства РФ или за пределами статуса лица без гражданства, постоянно проживающего в России, положения ч. 1 ст. 12 УК РФ неприменимы в силу прямого указания принципа законности (ст. 3 УК РФ), согласно которому наказуемость и иные правовые последствия совершения преступления определяются законом времени совершения преступления. Соответственно, они будут определяться, исходя из правового статуса лица на

---

¹ Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. – Рига: РИО ЛГУ им. П. Стучки, 1974. – С. 172.

момент совершения им преступления.

Наконец, третья, самая сложная ситуация: когда лицо приобретает гражданство РФ или вид на жительство в России после совершения им преступления за пределами РФ.

Здесь прежде всего надо отметить, что законодательство о гражданстве устанавливает вполне определенные запреты на прием в гражданство РФ лиц, которые причастны к совершению преступлений. Согласно ст. 16 Закона «О гражданстве Российской Федерации», заявления о выдаче уведомления о возможности приема в гражданство РФ, о приеме в гражданство РФ и о восстановлении в гражданстве РФ отклоняются, если заявители:

- выступают за насильственное изменение основ конституционного строя РФ или иными действиями создают угрозу безопасности РФ;

- участвовали либо участвуют в международных, межнациональных, межтерриториальных или иных вооруженных конфликтах, либо совершили в ходе таких конфликтов действия, направленные против российского контингента миротворческих сил и препятствовали исполнению им своих миротворческих функций или направленные против Вооруженных Сил РФ, либо совершали террористические акты, осуществляли экстремистскую деятельность или готовились совершить такие акты, осуществляли такую деятельность за пределами РФ в отношении граждан РФ, представительств РФ в иностранных государствах и международных организациях, представительств субъектов РФ и их сотрудников;

- участвуют либо участвовали в совершении или в подготовке к совершению противоправных действий, содержащих хотя бы один из признаков экстремистской деятельности, за осуществление которой законодательством РФ предусмотрена уголовная ответственность, либо иных действий, создающих угрозу безопасности РФ или граждан РФ;

- имеют неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленных преступлений на территории РФ или за ее пределами, признаваемых таковыми в соответствии с федеральным законом;

- преследуются в уголовном порядке компетентными органами РФ или компетентными органами иностранных государств за преступления, признаваемые таковыми в соответствии с федеральным законом (до вынесения приговора суда или принятия решения по делу);

– осуждены и отбывают наказание в виде лишения свободы за действия, преследуемые в соответствии с федеральным законом (до истечения срока наказания).

Если по каким-либо причинам указанные лица приобрели гражданство РФ, законодательство предусматривает возможность отмены решения по вопросам гражданства¹. Согласно предписаниям ст. 22 Закона «О гражданстве Российской Федерации»:

– в случае если при обращении с заявлением о приеме в гражданство РФ или о восстановлении в гражданстве РФ заявитель не имел намерения нести обязанности, установленные законодательством РФ для граждан РФ, а целью приобретения гражданства являлось осуществление деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя РФ, решение о приобретении гражданства РФ подлежит отмене на основании сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ.

– установленный вступившим в законную силу приговором суда факт совершения лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных статьями 205, 205.1, частью второй статьи 205.2, статьями 205.3 – 205.5, 206, 208, частью четвертой статьи 211, статьями 281, 282.1 – 282.3 и 361 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных статьями 277 – 279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности, приравнивается к установлению судом факта сообщения

---

¹ Напомним, что для уполномоченных должностных лиц, ответственных за соблюдение процедуры принятия иностранцев и лиц без гражданства в гражданство РФ установлена уголовная ответственность за незаконную выдачу паспорта гражданина РФ, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства РФ (ст. 292.1 УК РФ).

заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ.

Что касается лиц без гражданства, то законодательство напрямую не устанавливает правил, позволяющих отказать им в получении вида на жительство или лишить вида на жительство в связи с осуществлением преступной деятельности до момента подачи соответствующего заявления. Однако, по нашему мнению, в данном случае должно по аналогии применяться правила, установленные ст. 9 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» для иностранцев. Согласно этой норме, вид на жительство иностранному гражданину не выдается, а ранее выданный вид на жительство аннулируется в случае, если данный иностранный гражданин:

- выступает за насильственное изменение основ конституционного строя РФ, иными действиями создает угрозу безопасности РФ или граждан РФ;

- финансирует, планирует террористические (экстремистские) акты, оказывает содействие в совершении таких актов или совершает их, а равно иными действиями поддерживает террористическую (экстремистскую) деятельность;

- осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления, рецидив которого признан опасным, или за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры;

- имеет непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории РФ либо за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом.

Важно отметить, что в случае отмены решения о предоставлении гражданства или вида на жительство оно считается недействительным с момента принятия такого решения. Следовательно, в уголовно-правовых отношениях, возникших в связи с фактом совершения преступления до момента принятия решения о предоставлении гражданства или вида на жительство, соответствующие лица не рассматриваются в качестве граждан РФ или лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РФ, и к ним неприменимы правила, установленные ч. 1 ст. 12 УК РФ.

Принципиально иначе разрешается поставленная ситуация, когда вопрос о гражданстве или виде на жительство рассматривается не персонально в связи с конкретным обращением конкретного лица, а в связи со сменой государственной принадлежности того или иного региона. Причем здесь возможны два варианта: изменение международно-правового статуса региона из состава РФ и изменение статуса региона иностранного государства.

В первом случае ст. 21 закона «О гражданстве Российской Федерации» предусматривает, что при территориальных преобразованиях в результате изменения в соответствии с международным договором РФ Государственной границы РФ граждане РФ, проживающие на территории, которая подверглась указанным преобразованиям, вправе сохранить или изменить свое гражданство согласно условиям данного международного договора. Следовательно, если лицо, ранее на территории РФ совершившее преступление, сохранит гражданство РФ, его уголовно-правовой статус не меняется, в отношении него применяются положения ст. 11 УК РФ, с той лишь спецификой, что гражданин РФ будет находиться за пределами РФ. Если же лицо изменит свое гражданство, то его правовой статус во многом будет определяться условиями международного договора, в соответствии с которым изменился международно-правовой статус региона. Такое лицо, с одной стороны, совершило преступление, будучи гражданином РФ на территории РФ (а потому есть основания для применения к нему УК РФ), а с

другой стороны, оно приобретает статус иностранного гражданина, совершившего преступление на территории РФ и с момента приобретения статуса иностранного гражданина, оно, по общему правилу, не может быть выдано РФ. Эта коллизия должна разрешаться в нормах международного договора в каждом конкретном случае.

Опыт такого разрешения демонстрирует вторая из выделенных ситуаций, связанная с изменением международно-правового статуса части территории иностранного государства. Речь идет о вхождении в состав РФ территории Крыма с 18.03.2014.

Согласно Закону «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹, преступность и наказуемость деяний, совершенных на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, определяются на основании уголовного законодательства РФ, поворот к худшему при этом не допускается (ст. 2), а вступившие в законную силу судебные решения, принятые на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, имеют ту же юридическую силу (в том числе для целей исполнения уголовного наказания), что и судебные решения, принятые на территории РФ, (ст. 8). При этом, на основании ст. 4 Закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»², со дня принятия в РФ Республики Крым и образования в составе РФ новых субъектов граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на этот день на территории Республики Крым или на территории города федерального значения

---

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 91–ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2296.

² Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6–ФКЗ (ред. от 25.12.2018) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 12. – Ст. 1201.

Севастополя, признаются гражданами РФ, за исключением лиц, которые в течение одного месяца после этого дня заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства. Лицо, признанное гражданином РФ и получившее документ, удостоверяющий личность гражданина РФ, признается на территории РФ гражданином, не имеющим гражданства иностранного государства, в случае подачи им заявления о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства.

Таким образом, создан прецедент, в соответствии с которым на присоединенных к РФ территории волей закона все жители (за исключением явно выразивших свое несогласие) признаются гражданами РФ, а совершенные на этой территории до момента ее присоединения к РФ деяния признаются совершенными на территории РФ. Исходя из этого, жители Крыма, не вступившие в гражданство РФ, в отношении деяний, совершенных до момента присоединения Крыма к РФ, признаются (в зависимости от их выбора) иностранными гражданами или постоянно проживающими в России лицами без гражданства, совершившими преступление на территории РФ. В любом случае в отношении всех таких лиц провозглашается сила территориального принципа действия уголовного закона.

В рамках анализа круга лиц, подлежащих ответственности на основании правил ч. 1 ст. 12 УК РФ, необходимо обратить внимание и на такой аспект отношений гражданства, как возможность граждан РФ иметь гражданство иного государства.

А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин, обсуждая эту проблему, писали: «В международном праве существуют два подхода к решению первого вопроса: принцип равенства и принцип эффективного гражданства. Первое решение исходит из того, что оба гражданства лица имеют равное значение и ни одна из заинтересованных сторон не может рассчитывать на удовлетворение своей претензии, основанной на гражданстве такого лица, к другой стороне. Стало быть, одно государство вправе предъявить определенные требования, а

другое, гражданином которого лицо также является, вправе их отклонить. Второе решение основывается на силе фактической связи лица с тем или иным государством, в зависимости от прочности которой и удовлетворяется или отклоняется претензия. К признакам эффективного гражданства относят: а) постоянное или обычное проживание лица на территории государства, гражданством которого оно обладает; б) обычное проживание лица или его проживание в прошлом в одном из государств, гражданство которых оно имеет, если данное лицо постоянно проживает в третьем государстве; в) при отсутствии указанных признаков критериями эффективности являются: государственная или военная служба в соответствующем государстве, место осуществления политических прав, язык, обращение в прошлом к данному государству с просьбой об оказании дипломатической защиты, владение недвижимой собственностью»¹.

Признавая ценность подобных рассуждений, нельзя не отметить, что практически они малореализуемы, поскольку в любом случае либо блокируют возможность реализации уголовной юрисдикции одного государства другим, либо оставляют на усмотрение неясного арбитра вопрос о том, какое гражданство следует признавать «эффективным». В то время как потребность в уголовно-правовом регулировании обуславливает необходимость наличия четких и оперативных правил разрешения проблемы.

Вполне определено на рассматриваемый вопрос о влиянии двойного гражданства на уголовную ответственность, ответила М.И. Блум. Она писала: «Поскольку каждое государство в этих случаях вправе рассматривать такое лицо исключительно как своего гражданина, поскольку это право рассматривается как неотъемлемая часть государственного суверенитета, иностранное гражданство, с точки зрения внутреннего права государства, не имеет значения, постольку следует признать, что двойное гражданство не влияет на применение советского уголовного закона если только лицо

---

¹ Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учеб. пособ. – СПб.: ИПК ПСР Прокуратуры РФ, 1993. – С. 96 – 97.

находится в пределах юрисдикции Союза ССР»¹.

Надо признать, что этот категоричный вывод находит свое подтверждение и в нормах действующего законодательства. Согласно ст. 6 Закона «О гражданстве Российской Федерации», приобретение гражданином РФ иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства РФ, а гражданин РФ, имеющий также иное гражданство, рассматривается РФ только как гражданин РФ, за исключением случаев, предусмотренных международным договором РФ или федеральным законом. Важно обратить внимание на использованное в тексте закона слово «только». Как указывают специалисты, «в ст. 6 Закона о гражданстве ..., по существу, речь идет не о признании двойного гражданства, а о констатации факта наличия двух гражданств, из которых только одно будет приниматься во внимание Российской Федерацией. ... Факт наличия второго гражданства для граждан Российской Федерации не имеет никакого значения при их пребывании в России. Российская Федерация будет рассматривать их исключительно как российских граждан – так, как если бы они вообще не имели второго гражданства. ... Данное положение возможно изменить только при наличии международного договора, ратифицируя который Российская Федерация может принять на себя обязательство о признании двойного гражданства, а следовательно, и об отступлении от норм ст. 6 Закона о гражданстве»².

Таким образом, гражданин РФ, имеющий гражданство иного государства, в случае совершения им преступления за пределами РФ будет рассматриваться РФ исключительно как ее гражданин со всеми вытекающими последствиями в части применения ч. 1 ст. 12 УК РФ, даже в том случае если преступление совершено им в государстве своего второго гражданства (с чем согласны все 100% опрошенных нами респондентов). Другое дело, как правильно отмечала М.И. Блум, насколько этот гражданин будет «доступен» для практической реализации уголовно-правовых

---

¹ Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. – Рига: РИО ЛГУ им. П. Стучки, 1974. – С. 173 – 174.

² Богуславский А.А. Реализация правового статуса лиц с множественным (двойным) гражданством: конституционно-правовые аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владикавказ, 2011. – С. 10 – 11.

притязаний РФ.

4. Значимым аспектом юридического анализа положений ч. 1 ст. 12 УК РФ является понимание «пределов Российской Федерации». Принципиально важно, что в этой норме, в отличие от ст. 11 УК РФ, говорится о преступлении, совершенном не «вне территории» России, а «за пределами» России. Понятие «пределов» шире понятия «территория» и включает в себя, наряду с государственной территорией РФ, также и иные пространства и объекты, на которые распространяется уголовная юрисдикция РФ. В науке соответствующие понятия детально определены¹, в связи с чем нет особой необходимости в воспроизведении общеизвестного.

5. В описании условий ответственности граждан и лиц без гражданства, имеющих вид на жительство, за совершенные вне пределов России преступления, УК РФ устанавливает ряд содержательных ограничений. Первое состоит в том, что указанные лица могут подлежать ответственности по УК РФ только в случае совершения ими преступления против интересов, охраняемых УК РФ. Это условие нуждается в формальной и сущностной интерпретации.

С формальной стороны, оно не вызывает никаких сложностей. Поскольку речь идет об ответственности лиц по нормам УК РФ, самоочевидно, что такая ответственность возможна лишь при наличии в УК РФ нормы, которая бы охватывала собой совершенное лицом посягательство. А потому преступление должно быть совершено против охраняемых российским законом интересов, с тем чтобы в самом законе была подходящая норма. В противном случае отсутствуют нормативные предпосылки ответственности по УК РФ, ведь российские правоприменительные органы закономерно не могут применять иностранное уголовное законодательство. Деяние, преступное по законам места его совершения, и не преступное по

---

¹ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4. т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 59 – 63 (автор комментария к ст. 11 УК РФ – Ю.Е. Пудовочкин); Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 82 – 89; Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 85 – 95.

российскому закону, может влечь для гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства лишь ответственность по законам того или иного иностранного государства, и то в случае когда такое лицо будет привлечено к ответственности в данном иностранном государстве, поскольку в случае его перемещения в Россию, оно не может быть выдано для осуществления уголовного преследования в силу прямого предписания ч. 1 ст. 61 Конституции РФ. В случае совершения за пределами России деяния, которое не предусмотрено в качестве преступления УК РФ, гражданин РФ или лицо без гражданства, прибывший в Россию до осуждения его в иностранном государстве, не может подлежать ответственности по отечественному закону. Как писал еще Н.Д. Сергеевский, положения, которые определяют суд и наказание, обращены к органам государства, а потому они применяются по закону той страны, где происходит суд и наказание, независимо от того, где совершено преступление; в силу этого деяние, преступное по законам места совершения, но не наказуемое по законам места суда, останется без наказания, хотя и может сохранить прочие последствия своей противоправности¹ (например, такое лицо может стать нежелательной персоной в иностранном государстве).

В этом отношении важно еще раз обратить внимание на обсуждавшуюся ранее проблему сопоставимости законодательства и признаков состава преступления по законодательству России и иностранных государств. Хорошей иллюстрацией в данном случае может служить дело Короткевич, интересное тем, что совершенное ею преступление описано в законе посредством бланкетной диспозиции, что обусловило необходимость сопоставления не только текстов собственно уголовных законов, но и бланкетной части уголовно-правовой нормы. Короткевич была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ. Она признана виновной в том, что на территории Республики Беларусь, управляя

---

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип М. Стасюлевича, 1896. – С. 344.

транспортным средством, допустила нарушения требований п.п. 7.1, 7.1.3, 7.1.4, 7.2, 9.9, 16.2, 87, 91.2, 116 Правил дорожного движения Республики Беларусь и дорожного знака 3.24.1 «Ограничение максимальной скорости 50 км/ч» Правил дорожного движения Республики Беларусь, которые соответствуют п.п. 1.3., 1.5., 10.1., 14.1. Правил дорожного движения РФ и дорожному знаку 3.24. Правил дорожного движения РФ «Ограничение максимальной скорости 50 км/ч», в результате чего потерпевшему были причинены повреждения, несовместимые с жизнью. Рассматривая дело, суд указал следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 72 «Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» каждая договаривающаяся Сторона обязуется по поручению другой договаривающейся Стороны осуществлять в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против собственных граждан, подозреваемых в том, что они совершили на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны преступление. Согласно ст. 12 УК РФ граждане Российской Федерации, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых УК РФ, подлежат уголовной ответственности в соответствии с УК РФ, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства. Исследовав представленные материалы уголовного дела, с учетом положений ст. 455 УПК РФ, суд находит предъявленное Короткевич обвинение обоснованным и подтверждающимся доказательствами, собранными по делу, в связи с чем, квалифицирует ее действия по ч.3 ст. 264 УК РФ, как нарушение лицом, управляющим автомобилем правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека¹.

Помимо формальной предусмотренности совершенного деяния в законодательстве России и иностранного государства, важно обратить внимание, как указывалось, на содержательную характеристику понятия

---

¹ Боровский районный суд Калужской области. Приговор от 18 сентября 2017 г. по делу № 1-173/2017. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019). См. аналогичное решение: Благодарненский районный суд Ставропольского края. Приговор от 14 декабря 2012 г. по делу № 1-178/2012.

«преступление против интересов, охраняемых УК РФ». С содержательной точки зрения исследуемое ограничение вызывает гораздо больше сложностей уголовно-правового и уголовно-политического свойства.

Заметим, что современная редакция ч. 1 ст. 12 УК РФ, измененная Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ, не включает указания на так называемую «двойную наказуемость» совершенного за границей деяния (по законам места совершения и по законам РФ), и в отличие от положений ч. 3 ст. 12 УК РФ, не включает описания социально-политической направленности преступлений, совершенных гражданами РФ или лицами без гражданства, постоянно проживающими в России, за пределами страны.

В свое время требования двойной криминальности в российской науке были встречены весьма неоднозначно. Некоторые специалисты полагали, что они блокируют возможность применения российского уголовного закона для оценки деяний, которые хотя и направлены против интересов России, но не признаются преступными по законодательству места их совершения (например, шпионаж или иные преступления против государственной власти)¹; другие, напротив, усматривали в требовании двойной криминальности проявление интеграции российского права в общемировую правовую систему, отражение идеи прав человека, равенства и гуманизма². Соответственно, юристами предлагались и различные варианты корректировки данного требования. Однако ни один из них не был использован законодателем. Опрос специалистов показывает, что и сегодня требование «двойной криминальности» не сошло с повестки дня, о его целесообразности для целей регулирования ответственности российских

---

¹ См., например: Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград: ВА МВД России, 2001. – С. 178; Мельников М.Г. Действие уголовного закона в пространстве. учеб. пособ. / под общ. ред. В.А. Елеонского. – Рязань: Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2003. – С. 55 – 57; Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 2. Уголовный закон / под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Издание проф. Малинина, 2005. – С. 237 (автор главы – Л.В. Иногамова-Хегай); Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 12 – 13; Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 14; Антипов С.С. Конституционные основы общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 77.

² Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Издательство: Изд-во С. Петербург. ун-та, 2006. – С. 295 – 296 (автор главы – А.И. Бойцов).

граждан заявило 57% респондентов, тогда как оставшиеся 43% не посчитали его необходимым.

Современное решение законодателя принципиально отличается от всего, что было предложено ранее в науке и, надо признать, является весьма жестким. Отечественная наука, в принципе, допускала теоретическую возможность установления для граждан ответственности за любое совершенное за границей преступление по нормам закона страны гражданства. Как писал Н.Д. Сергеевский, «законодатель, пользуясь своей безграничной властью и игнорируя интересы международного общения, может возложить на своих подданных, под страхом наказания, известные ограничения, не вытекающие из законов того места, где совершается деятельность. Тогда ввиду прямого указания закона соответствующие поступки лица получают двойственную квалификацию: и по законам места совершения (в качестве дозволенных), и по законам его отечества (в качестве преступных)»¹.

Однако такая возможность оценивалась критически. Тот же Н.Д. Сергеевский указывал: «Всякая деятельность человека должна подчиняться законам того государства, где она происходит и нет никаких оснований (по крайней мере, по общему правилу) одному государству вторгаться в порядок деятельности и жизни людей в пределах другого государства, подвергая уголовным карам человека за учинение того, что местными законами дозволено»².

В любом случае даже те специалисты, которые признавали необходимость привлечения граждан к ответственности по законам страны гражданства за совершенные за границей преступления, выдвигали для этого ряд условий.

Например, В.Д. Спасович указывал, что подданный государства, совершивший преступление за границей, может подлежать наказанию по

---

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип М. Стасюлевича, 1896. – С. 342 – 343.

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип М. Стасюлевича, 1896. – С. 344.

законам своего государства:

а) если объектом преступления были отечество преступника или соотечественники, при этом «ответственность подданного ... должна бы ограничиваться уголовными преступлениями, а не полицейскими проступками, имеющими по большей части местный характер, а потому непреследуемыми за границею»;

б) если объектом преступления было государство иностранное или его подданные, в этом случае «круговая обязанность государств помогать себе взаимно при взыскании с злодея может относиться впрочем только до деяний очевидно преступных, то есть считаемых таковыми повсеместно, у всех образованных народов, но она не относится до деяний признаваемых преступными только некоторыми государствами вследствие особенностей их исторического развития или их политического устройства»¹.

О необходимости ограничения круга деяний, влекущих ответственность, писали и современные специалисты. А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин признавали: «Исходя из принципа гражданства строго теоретически, у государства, гражданином которого является это лицо, всегда есть основания привлечь его к уголовной ответственности, если, разумеется, этот гражданин окажется в сфере фактической досягаемости. Практически же сделать это можно далеко не всегда, хотя бы в силу сложностей, связанных со сбором доказательств и т. п. Поэтому не случайно уголовные законодательства ряда стран ограничивают перечень преступлений, за которые ответственность должна наступать и в случае совершения их за границей»².

Вопреки этим аргументам, отечественный закон сегодня устанавливает, что гражданин РФ или лицо без гражданства, постоянно проживающее в РФ, подлежит ответственности за любое совершенное за границей России деяние, если оно содержит признаки преступления, предусмотренного УК РФ.

---

¹ Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. Первый. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – С. 75, 77 – 78.

² Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учеб. пособ. – СПб.: ИПК ПСР Прокуратуры РФ, 1993. – С. 57.

Это положение оценивается некоторыми специалистами критически¹, другие же авторы, комментируя ч. 1 ст. 12 УК РФ, дают ее ограничительное толкование и, следуя инерции прежней редакции закона, пишут, что ответственность граждан «может иметь место только в том случае, если деяние, совершенное указанными выше гражданами, признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено»².

Представляется, однако, что ни возврат к прежней редакции закона, ни предлагаемое ограничительное толкование новой редакции, не могут быть в полной мере признаны приемлемыми. Напомним, что исследуемые изменения ч. 1 ст. 12 УК РФ были предприняты Россией в качестве важного шага на пути реализации ратифицированной Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма. В Пояснительной записке к соответствующему проекту закона о внесении изменений в УК РФ указывалось: «В соответствии со статьей 14 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, которую Российская Федерация подписала 17 ноября 2005 г., государства-участники Конвенции обязаны распространить свою юрисдикцию в отношении предусмотренных Конвенцией преступлений, совершенных его гражданами, без всяких условий. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступление, предусмотренное Конвенцией, вне пределов территории Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации при условии, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено. В целях устранения противоречий между Уголовным кодексом Российской Федерации и Конвенцией в статью 12 Уголовного кодекса Российской Федерации вносятся соответствующие изменения»³.

---

¹ Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 90 – 91.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т.1. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – С. 29 (автор комментария к ст. 12 УК РФ – А.В. Бриллиантов).

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные

Цель изменений, таким образом, вполне оправданная – обеспечить возможность реализации уголовно-правовой юрисдикции именно России в отношении ее собственных граждан в случае совершения ими за границей преступлений террористической направленности, вне зависимости от того, признаны ли соответствующие деяния преступными по законам места их совершения. Это изменение (в случае, если оно вносится в законодательство всех стран, ратифицировавших Конвенцию) позволяет также избежать проблем, связанных с возможной реализацией ответственности наших граждан за террористическую деятельность по законам того государства, против интересов которого или на территории которого соответствующие преступные деяния были совершены. Здесь формулируется некое общее правило – «своих» террористов государство осуждает в любом случае самостоятельно.

Показательной иллюстрацией практического воплощения изменившихся правил действия УК РФ может стать рассмотренное по правилам заочного разбирательства дело в отношении Чикунова. Чикунов был признан виновным в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 208 УК РФ. При квалификации действий подсудимого суд принял во внимание, что Чикунов в период после 05 февраля 2015 года прибыл в г. Мосул Ирака, где, умышленно, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, добровольно вступил в неустановленное незаконное вооруженное формирование, не предусмотренное законодательством государств Сирийской Арабской Республики и Ирака и действующее на территориях городов Мосул Ирака и Ракка САР против армий этих государств, и стал действовать в его составе в целях, противоречащих интересам Российской Федерации в части, касающейся мирного разрешения и урегулирования сирийского и иракского вооруженных конфликтов и не отвечающим интересам России, указанным в утвержденной Указом Президента РФ от 12

законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму». Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

мая 2009 года «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» – а именно – принимать участие в во внутреннем вооруженном конфликте в составе НВФ и применять огнестрельное оружие в целях в т.ч. свержения действующих властей. Своими действиями Чикунов Т.А. наносит ущерб интересам РФ, как государственным в целом, так и отдельных экономических операторов и граждан. Сведений о том, что в отношении Чикунова, являющегося гражданином Российской Федерации и имеющего на ее территории постоянное место жительства, имеются решения суда иностранного государства в связи с совершением им вне пределов Российской Федерации рассматриваемого преступления против интересов, охраняемых УК РФ, не имеется, в связи с чем, он, согласно ч. 1 ст. 12 УК РФ, подлежит привлечению к уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации¹.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что предложенный упомянутой выше антитеррористической Конвенцией вариант решений важной, вызывающей озабоченность всего международного сообщества, но все же в масштабах уголовного права в целом, частной проблемы ответственности за террористическую деятельность был распространен законодателем в качестве общей нормы. Полагаем, что в этом кроется источник возникающих трудностей, итогом которых стало неравноправное положение собственных граждан России по сравнению с положением иностранцев.

Выход в данном случае может быть один. И он состоит в необходимости дифференциации условий ответственности российских граждан за совершенные за границей преступления, в зависимости от особенностей преступных деяний. Преступления, составляющие основу универсальной юрисдикции (в том числе террористические, экстремистские преступления, преступления геноцида, наемничества и др.), в случае их совершения за пределами России, безусловно, должны влечь ответственность

---

¹Фурмановский городской суд Ивановской области. Приговор от 7 февраля 2018 г. по делу № 1-115/2017. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019).

для наших граждан вне зависимости от того, криминализованы ли они в стране места совершения деяния. Иные, «общеуголовные» деяния должны влечь ответственность лишь при условии их «двойной наказуемости» по законам места совершения преступления и по законам России (с такой дифференциацией согласились 75% опрошенных нами специалистов).

Наряду с ними есть еще специфическая группа преступлений, которые, не обладая статусом международной противоправности, не образуют состава преступления по нормам российского закона, но составляют преступление по законам места совершения. Она, в свою очередь, также неоднородна, в ее рамках можно выделить две подгруппы преступлений.

Первую подгруппу образуют посягательства на национальные интересы иностранных держав (например, шпионаж в пользу России, посягательства на территориальную целостность или конституционный строй иностранного государства), которые объективно не могут быть квалифицированы по нормам отечественного закона. В случае их совершения за границей виновный может подлежать ответственности по законам места совершения преступления, если он привлечен к ответственности в стране, «потерпевшей» от преступления. Однако в случае его пребывания в России, вопрос об ответственности остается неразрешимым, поскольку УК РФ к таким лицам не может быть применен, а сами лица – не могут быть выданы иностранному государству. Вместе с тем, цивилизованные правила международного общения требуют, чтобы эта ситуация была разрешена в полной мере. Представляется, что здесь есть два потенциально возможных (хотя с практической точки зрения и нереализуемых) варианта: либо допустить применение иностранного уголовного закона российскими судами к российским гражданам, совершившим преступление за границей, либо на началах взаимности предусмотреть возможность выдачи наших граждан иностранному государству в случае совершения ими определенного вида преступлений. Однако очевидно, что в современных условиях ни один из этих вариантов не может быть воплощен на практике.

Вторую подгруппу составляют деяния, направленные на иные объекты, криминализация которых обусловлена исключительно особенностями культуры той или иной страны¹. Дореволюционное уголовное законодательство реагировало на такие деяния путем установления правил «внеземельности» для русскоподданных в случае совершения ими преступлений в определенных странах и территориях. Напомним, что все русские подданные в Турции, Персии, Китае, Корее и Бухаре пользовались иммунитетом от уголовной ответственности. Как писал А.А. Пионтковский, «такое широкое применение в этих странах наших уголовных законов к русско-подданным объясняется особенностями культурного уклада этих стран, вызывающими необходимость создания для пребывающих в них русско-подданных особых гарантий, касающихся охраны их личности и индивидуальной свободы»². В настоящее время подобный вариант решения вопроса не может быть оправдан. Однако реакция на культурно обусловленные преступления, совершенные за границей, необходима. Думается все же, что в этой ситуации не страна гражданства правонарушителя, а страна места совершения преступления должна разработать (в порядке самоограничения) определенные правила, которые позволили бы исключить ответственность или, по меньшей мере, ее минимизировать для лиц, которые не знакомы с культурными традициями и нормами страны пребывания. Это можно реализовать либо в рамках системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, либо посредством закрепления в законе правил о юридической ошибке³.

6. Завершающее условие, позволяющее реализовать ответственность российских граждан и постоянно проживающих в России лиц без гражданства за совершенные вне пределов России преступления, состоит в отсутствии решения суда иностранного государства по факту данного

---

¹ См. об этом: Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2014.

² Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. Вып. Первый. – Казань: Тип. Казан. Ун-та, 1913. – С. 106.

³ Бибик О.Н. Особенности культуры, как обстоятельство, исключающее или смягчающие уголовную ответственность // Журнал Российского права. – 2013. – № 3. – С. 72 – 83.

преступления. В формулировке этого условия произошли значительные изменения. Если ранее закон требовал, чтобы лицо «не было осуждено» в иностранном государстве, то сегодня речь идет об отсутствии «решения иностранного суда». И та, и другая формула вызывали и вызывают в науке критические оценки. Так, применительно к изначальной редакции закона С.С. Пирвагидов и Ю.Е. Пудовочкин писали, что «определение условием привлечения к ответственности за преступление, совершенное за границей, лишь отсутствие наказания и судимости в иностранном государстве, может нарушить принцип справедливости, а потому в качестве дополнительного условия привлечения к ответственности в рассматриваемом случае должно стать отсутствие оправдательного приговора в иностранном государстве»¹. Однако новая редакция закона также подверглась критике. Р.Р. Хаснутдинов, к примеру, пишет, что решение суда может быть различным и иметь как форму оправдательного или обвинительного приговора, так и форму какого-либо постановления об освобождении от уголовной ответственности и т.д. В связи с этим автор не исключает ситуации, когда вынесение иностранным судом формального решения в отношении российского гражданина или апатрида, постоянно проживающего на территории РФ, может обеспечить им иммунитет от реального наказания на территории России, в чем усматривает факт искусственного ограничения государственного суверенитета Российской Федерации и правомочий суда России².

Представляется, что значимая доля истины есть в каждом из этих суждений. Государство, с одной стороны не может полностью игнорировать значение решения суда иностранного государства, а с другой стороны, должно защитить свои собственные интересы в случае когда такое решение неоправданно идет вразрез с его собственными представлениями о справедливости и законности. Надо признать, что международное право уже

---

¹ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 201.

² Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 17 – 18.

разработало вариант разрешения данной проблемы, который вполне может быть реализован на уровне предписаний национального закона. Речь идет о ст. 17 Устава Международного уголовного суда¹, которая определяет основания приемлемости и неприемлемости для Суда дела о преступлениях, в отношении которых Суд вправе осуществлять свою юрисдикцию.

Согласно этому документу, наличие в том или ином конкретном государстве факта расследования, отказа в возбуждении уголовного дела или приговора суда в отношении лица, совершившего преступление против мира и безопасности человечества, исключает возможность принятия Судом уголовного дела к производству, за исключением случаев если это государство:

- не желает или не способно возбудить уголовное преследование или вести уголовное расследование должным образом;

- судебное разбирательство было проведено или проводится, либо национальное решение было вынесено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления;

- судебное разбирательство не проводилось или не проводится независимо и беспристрастно и порядок, в котором оно проводилось или проводится, в сложившихся обстоятельствах является несовместимым с намерением предать соответствующее лицо правосудию.

Думается, что эти условия вполне могут быть сопряжены с общей формулой, описанной в ч. 1 ст. 12 УК РФ. В этом случае удастся обеспечить необходимый компромисс между требованиями справедливости («non bis in idem») и национальными интересами РФ (о возможности такого решения заявили 53% опрошенных нами респондентов).

В рамках анализа рассматриваемого условия важно, хотя бы в общих чертах, обратить внимание на проблему правового значения приговора иностранного суда для российской системы правоотношений. УК РФ не

---

¹ Римский статут Международного уголовного суда. A/CONF.183/9 от 17.07.1998 г. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 03.06.2019).

содержит ответа на данный вопрос, УПК РФ в ст. 472 регулирует лишь вопросы исполнения приговора суда иностранного государства. Между тем решение иностранного суда, а в ряде случаев и органа административной юстиции, может иметь важное материально-правовое значение, в частности в случаях если:

– лицо, ранее совершившее преступление на территории иностранного государства, осужденное и отбывшее наказание за это преступление, вновь осуждается в России за совершенное на ее территории преступление;

– лицо, в отношении которого в иностранном государстве состоялось решение о привлечении к административной ответственности, на территории России совершает преступное деяние, состав которого включает в себя административную преюдицию;

– лицо осуждается в России по совокупности преступлений или приговоров, одно или более из которых совершено на территории иностранного государства.

Не имея возможности детально исследовать поставленный вопрос, сошлемся на предписания ст. 16 Модельного УК для стран СНГ¹, которая провозглашает: «Судимость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления на территории одного из государств-участников Содружества Независимых Государств имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за преступление, совершенное на территории другого государства, в соответствии с договорами между государствами-участниками Содружества Независимых Государств». Таким образом, в рекомендательном акте сформулирована бланкетная норма, позволяющая на основании предписаний международных договоров определить правовое значение решения иностранного суда. Думается, что соответствующее предписание следует

---

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17.02.1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1997. – № 10.

включить и в отечественный уголовный закон¹. Оно позволит, с одной стороны, создать необходимую общую норму, а с другой стороны, – даст возможность определить преюдициальное значение иностранных приговоров дифференцированно в зависимости от уровня доверия к судебной и правовой системе различных государств и степени развитости межгосударственных политических отношений между странами.

Подводя итог анализу вопросов, связанных с определением условий ответственности российских граждан из числа «частных» лиц за совершенные за пределами России преступления, представляется возможным сформулировать несколько выводов, имеющих значение для развития текущей правоприменительной практики и совершенствования уголовного законодательства:

– в современном российском уголовном праве реализован умеренно консервативный подход к ответственности граждан, совершивших преступления за рубежом, что находит отражение в последних законодательных трансформациях, исключивших требование «двойной наказуемости» совершенных деяний и снявших ограничение на пределы наказания по российскому закону;

– в случае совершения российским гражданином или лицом без гражданства за пределами России преступления, предусмотренного УК РФ, уголовно-правовое отношение между этими лицами и РФ возникает, вне зависимости от того, привлечены ли данные лица к ответственности на территории иностранного государства, однако его практическая реализация возможна при условии пребывания лиц на территории России;

– граждане РФ, в том числе граждане РФ, имеющие гражданство иного государства, лица без гражданства, постоянно проживающие в России, несут ответственность по УК РФ в случае, когда совершили преступление, обладая соответствующим государственно-правовым статусом; изменение

---

¹ Необходимость такого решения признают и иные авторы, см.: Иванов Н.Г. Модельный Уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. – М.: Юнити–Дана, Закон и право, 2003. – С 43 – 45.

персонального государственно-правового статуса после совершения преступления не влияет на применение ч. 1 ст. 12 УК РФ, тогда как изменение государственно-правового статуса лица в связи с изменением государственной принадлежности региона предполагает специальное урегулирование вопросов уголовно-правовой юрисдикции в международно-правовом договоре,

– условия ответственности за совершенное вне пределов России преступление должны быть дифференцированы в зависимости от особенностей совершенного преступления: преступления, образующие основу универсальной юрисдикции, должны влечь ответственность вне зависимости от факта их криминализации в стране места совершения, тогда как «общеуголовные» преступления должны предполагать их «двойную наказуемость» по законам России и места совершения, при этом в стране места совершения преступления целесообразно установить правила, позволяющие устранить или минимизировать ответственность иностранцев за преступления, обусловленные культурными особенностями этой страны;

– наличие решения суда иностранного государства по факту совершенного на его территории преступления должно исключать ответственность по УК РФ российских граждан или постоянно проживающих в России лиц без гражданства, кроме тех случаев, когда иностранное государство не желает или неспособно возбудить уголовное преследование или вести расследование должным образом, либо если судебное разбирательство было проведено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление.

§ 2. Действие уголовного закона в отношении граждан Российской Федерации со специальным статусом, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

Вопрос о действии уголовного закона в отношении граждан Российской Федерации, обладающих специальным статусом, в случае совершения ими преступлений вне пределов РФ, требует отдельного рассмотрения. Как отмечалось в предыдущем параграфе, непосредственно в ч. 2 ст. 12 УК РФ речь идет только об одной группе таких граждан – военнослужащих воинских частей РФ, дислоцирующихся за пределами РФ. Однако наряду с ними есть еще некоторые категории лиц – граждан РФ, которые в случае совершения ими вне пределов страны преступления, подлежат ответственности по отечественному закону. Это лица, обладающие иммунитетами на основе норм международного права. В каждом случае нормативно установлены определенные особенности, которые и будут проанализированы в рамках настоящей части исследования¹.

Ответственность военнослужащих

Пребывание российских военных за пределами территории страны является неотъемлемой частью истории Вооруженных сил и страны в целом. Войны, которые вела Россия, выполнение страной союзнических обязательств перед иностранными державами, участие России в поддержании мира в сопредельных и иных государствах, – с необходимостью обуславливали присутствие наших войск на зарубежной территории, и закономерно предполагали урегулирование вопросов юрисдикции в случае совершения военнослужащими противоправных деяний. Так, например, еще Воинские Артикулы Петра I устанавливали ответственность русских военных

---

¹ В параграфе использованы материалы, ранее опубликованные автором, см.: Казаринов И.А. Действие уголовного закона в отношении военнослужащих, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации // Российское правосудие. – 2020. – № 11. – С. 105 – 112; Казаринов И.А. К вопросу об ответственности российских граждан, пользующихся иммунитетом, в случае совершения преступления вне пределов Российской Федерации // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 558 – 566.

за все преступления, в том числе совершенные в период военных маршей, в условиях боевых действий и на оккупированной территории, как совершенные против военной службы, так и против граждан неприятельского государства, по российским законам. Последующее развитие международно-правовых отношений и уголовно-правовой теории и законодательства привело к закреплению совокупности норм, согласно которым, по общему правилу, военнослужащие России в случае совершения ими за пределами территории России преступлений, несут ответственность по российским законам. Это положение получило название покровительственного принципа действия уголовного закона. В действующем УК РФ это правило подтверждено с оговоркой о принципиальной возможности отступления от него на основании норм международного договора РФ.

Приступая к анализу предписаний ч. 2 ст. 12 УК РФ, надо в первую очередь отметить, что данная норма регулирует вопросы юрисдикции России в отношении военнослужащих, совершивших любые предусмотренные законом преступления за пределами страны в мирное время. Как известно, согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ, «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Сопоставление этих норм показывает, что только для одной группы преступлений – «против военной службы» – и только в одном случае – «совершение их в военное время или в боевой обстановке» могут быть, а точнее – должны быть предусмотрены специальные правила. Содержание этих правил в настоящий момент неизвестно ввиду отсутствия уголовного законодательства военного времени. В принципе, не исключено, что такое законодательство не создаст правил, отличных от тех, что установлены в ч. 2 ст. 12 УК РФ. Однако потенциальная возможность иных условий ответственности не исключается.

Такое законодательное решение вызывает неоднозначную оценку в науке. К примеру, Ф.С. Бражкин резко критически выступает против

специального закона об ответственности военнослужащих за воинские преступления в военное время¹. Другие специалисты, напротив, признают целесообразность корректировки уголовного закона в соответствии с потребностями военного времени, хотя в то же время утверждают, что «покровительственный принцип в отношении российских военнослужащих, зафиксированный в ч. 2 ст. 12 УК РФ, должен сохраниться и в уголовном законодательстве военного времени»². Не углубляясь в проблему уголовного законодательства военного времени как такового, представляется необходимым заметить, что вопросы действия уголовного закона в военное время или в боевой обстановке в случае совершения преступления вне пределов РФ не могут быть в полной мере решены лишь на основе покровительственного принципа. Как уже было отмечено, он распространяется лишь на лиц из числа военнослужащих. В то же время специфические условия войны требуют решения проблемы юрисдикции в отношении «частных» граждан, совершающих преступные деяния на территориях, занятых российскими войсками или подконтрольных им. В данном случае речь идет о внедрении в уголовное законодательство положений так называемого оккупационного принципа действия уголовного закона по кругу лиц³.

Проблема действия уголовного закона на оккупированной территории приобрела чрезвычайную актуальность во время и после Второй мировой

---

¹ Бражник Ф.С. Преступления против военной службы: учеб. пособ. – М.: Воен. ун-т, 1999. – С. 23 – 25.

² Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного времени: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – С. 30; Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон. – М.: Норма, 2009. – С. 163.

³ Нами эти принципы («покровительственный» и «оккупационный») рассматриваются как взаимосвязанные, но все же относительно самостоятельные. Аналогичный подход, например, представлен и в работе Я.Н. Ермоловича (см.: Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. – М.: «За права военнослужащих», 2010.). В то же время некоторые специалисты считают это один и тот же принцип, имеющий лишь синонимичные названия (см.: Степашин В.М., Бибик О.Н. Действие уголовного закона в пространстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 1. – С. 78), а другие, признавая единство содержания этих принципов, указывают что термины «покровительственный» и «оккупационный» несовместимы с сущностью самого принципа и предлагают использовать термин «принцип специальной миссии» (Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 2. Уголовный закон / под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. – С. 218.).

войны¹. Сегодня в основе ее разрешения лежат прежде всего нормы международного права: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г., Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949, а также международные акты, определяющие основания уголовной ответственности за агрессию². Согласно этим правилам, действие законодательства оккупирующего государства не распространяется на территории, которые заняты им в результате агрессии. Согласно территориальному принципу, здесь продолжают действовать законы оккупированной страны. Так, уже в начале Великой Отечественной войны, Пленум Верховного суда СССР в постановлении № 45/31/у от 14.12.1941 «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступления в местностях, временно занятых неприятелем» указал, что «Согласно ст. 1 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, все лица, находящиеся на территории СССР (кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан), подлежат за совершенные ими на территории СССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления. В соответствии с этим ответственность граждан, совершивших преступления в местностях, ныне временно занятых неприятелем, или в прифронтовой полосе и эвакуированных из этих местностей, определяется уголовным законодательством союзной республики по месту совершения преступления. Приговоры по делам этих граждан выносятся именем союзной республики, на территории которой рассматривается дело. В мотивировочной части

---

¹ См., например: Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Мин. юстиции, 1948. – С. 258 – 265.

² IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. (Вместе с "Положением о законах и обычаях сухопутной войны"). Заключена в г. Гааге 18.10.1907. // Действующее международное право. Т. 2.– М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 575 – 587; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. (Вместе с "Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях", "Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным"). Заключена в г. Женеве 12.08.1949 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XVI. – М., 1957. – С. 204 – 278, 280; Конвенция об определении агрессии. Заключена в г. Лондоне 04.07.1933. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. VIII. – М., 1935. – С. 31 – 34; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии». Принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 199 – 202.

приговора следует сослаться на ст. 1 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и на соответствующую статью Особенной части Уголовного кодекса той союзной республики, на территории которой было совершено преступление»¹.

Соответственно, оккупационный принцип может «работать» только на территории иностранного государства, которое освобождено нашими войсками от агрессоров или на территории государства, которое само выступило агрессором в ситуации нахождения на его территории наших освободительных войск. Учитывая, что эти вопросы детально разрешаются по принципу *ad hoc*, в зависимости от конкретных условий, в связи с которыми отечественные вооруженные силы оказываются на территории иностранного государства, разработать детальные, пригодные для всех случаев, правила, не представляется возможным. Они, в свою очередь, могут быть предусмотрены в нормах международного права и (или) в отечественном законодательстве, которое будет действовать в тех или иных конкретно-исторических условиях. При этом очевидно, что речь идет как раз о законодательстве военного времени, которое упоминается в ч. 3 ст. 331 УК РФ.

Таким образом, решая вопрос о конструировании уголовного закона военного времени как самостоятельного правового акта², либо разрабатывая коррективы в действующий закон на случай его активации в условиях военного времени³, нельзя ограничиться только сохранением положений ч. 2 ст. 12 УК РФ (на что указывает В.И. Боев). Необходимо предусмотреть в нем и правила, составляющие содержание оккупационного режима действия уголовного закона. Однако, учитывая, что вопрос этот непосредственно связан с проблемой содержания законодательства военного времени,

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 45/31/у от 14.12.1941 г. «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступления в местностях, временно занятых неприятелем». Электронный ресурс: <http://istmat.info/node/24394> (дата обращения: 05.06.2019 г.).

² Об этом пишет, например, О.Н. Бибик. См.: Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 103 – 106.

³ К этому призывает, в частности, К.В. Ображиев, См.: Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 350.

позволим себе в рамках настоящей работы оставить его за пределами предмета анализа.

Действующая редакция ч. 2 ст. 12 УК РФ регламентирует действие УК РФ в отношении военнослужащих, совершивших за пределами России преступления в мирное время. Возможность размещения воинских частей российской армии за пределами России установлена ч. 3 ст. 16 Закона «Об обороне»¹, согласно которой «дислокация объединений, соединений и воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации допускается на основе международных договоров Российской Федерации». В соответствии с этим, ч. 2 ст. 8 Закона «О военных судах Российской Федерации»² устанавливает, что «в случае если воинская часть, предприятие, учреждение или организация Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов дислоцируются за пределами территории Российской Федерации, по месту их дислокации могут быть созданы военные суды, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации».

В настоящее время (по сравнению с советским периодом отечественной истории) число дислоцирующихся за рубежом воинских подразделений существенно сокращено, в то же время на основании международных договоров части Вооруженных Сил РФ расположены в ряде иностранных государств (Армении, Киргизии, Южной Осетии и др.). В каждом случае соответствующим договором регулируются вопросы уголовной юрисдикции России в отношении личного состава таких воинских частей и иных лиц, пребывающих на территориях военных баз. Как писала М.И. Блум применительно еще к советскому уголовному праву, «Союз ССР не претендует на привилегированное положение для советских военнослужащих на территории зарубежных социалистических государств в вопросах уголовной ответственности; наоборот, предъявляет повышенную

---

¹ Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.

² Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.

требовательность к поведению своих военнослужащих, в первую очередь, в плане уважения к правопорядку, установленному законами этих государств»¹. Действительно, в каждом договоре подчеркивается обязанность представителей российской стороны уважать суверенитет принимающей стороны и соблюдать законодательство страны пребывания. Как верно писал А.А. Тер-Акопов, «назначение договора в части, касающейся уголовной ответственности военнослужащих, состоит в том, чтобы, не ущемляя суверенитет иностранного государства в обеспечении своей национальной безопасности, получить вместе с тем возможность использовать отечественное уголовное законодательство в целях предупреждения посягательств на интересы России, в первую очередь, интересы военной службы»².

Исследование положений ч. 2 ст. 12 УК РФ в системе иных предписаний (прежде всего, военного и международного права) позволяет установить несколько общих условий, при соблюдении которых военнослужащие в случае совершения ими преступления вне пределов России несут ответственность по нормам отечественного права:

1) ч. 2 ст. 12 УК РФ распространяется на военнослужащих РФ, находящихся за пределами РФ на легальных основаниях по долгу службы, она не применяется в ситуации нелегитимного использования вооруженных сил РФ за рубежом и в случае совершения преступления военнослужащим, пребывающим за рубежом в качестве частных лиц;

2) эта норма распространяется лишь на военнослужащих воинских частей, которые дислоцированы в иностранном государстве. Специалисты правильно уточняют: «Если военнослужащие находятся за пределами РФ в связи с официальным приглашением представителей вооруженных сил страны для участия в церемониальных или дипломатических мероприятиях либо на основании ч. 2.1 ст. 10 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-

---

¹ Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. – Рига: РИО ЛГУ им. П. Стучки, 1974. – С. 88.

² Преступления против военной службы: учеб. для вузов / под ред. А.Н. Петухова. – М.: Норма, 2002. – С. 157.

ФЗ «Об обороне» оперативно используются в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, основанием для привлечения их к ответственности по УК РФ выступает не ч. 2 ст. 12 УК РФ, а ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 27 мая с 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», согласно императивным предписаниям которой военнослужащий привлекается к ответственности в соответствии с законами РФ»¹.

3) ч. 2 ст. 12 УК РФ является общей нормой, содержащей исключаящую отсылку к положениям международного права. «Если соответствующий договор не подписан, военнослужащие Российской Федерации несут уголовную ответственность по УК РФ независимо от характера совершенного ими преступления... Такое положение может возникнуть, например, при установлении режима военной оккупации, в ситуации экстренного ввода войск без предварительной юридической подготовки этой акции и при других обстоятельствах»².

При этом стоит помнить, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России нормы международных договоров обладают приоритетным действием по отношению к предписаниям национальных правовых актов. В силу этого ч. 2 ст. 12 УК РФ надо воспринимать не просто как общую, но как резервную норму, на случай если международный договор отсутствует.

Анализ международных договоров, в силу которых за пределами России дислоцируются воинские части, показывает, что в них могут быть предусмотрены весьма различные правила определения уголовной юрисдикции. Условно здесь можно выделить три модели решения вопроса.

Так, в ряде случаев договорами устанавливается исключительное положение российских военнослужащих, статус которых уравнивается со статусом административно-технического персонала дипломатического представительства. Например, в соответствии со ст. 11 Соглашения между

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4. Т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 64 – 65 (автор комментария к ст. 11 УК РФ – Ю.Е. Пудовочкин).

² Преступления против военной службы: учеб. для вузов / под ред. А.Н. Петухова. – М.: Норма, 2002. – С. 158.

Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия от 07.04.2010¹, объединенная российская военная база обладает статусом, предусмотренным Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. для дипломатических представительств; личному составу объединенной российской военной базы и членам их семей предоставляются привилегии и иммунитеты, предусмотренные в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. Аналогичные правила действуют в силу Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики от 20.09.2012². На основании этого документа объединенная российская военная база пользуется (с некоторыми исключениями) полным иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции Киргизской Республики. Личному составу объединенной российской военной базы и членам семей личного состава объединенной российской военной базы, не являющимся гражданами Киргизской Республики, предоставляются привилегии и иммунитеты аналогичные тем, которые предусмотрены в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года. Иммунитет личного состава объединенной российской военной базы от юрисдикции Киргизской Республики не освобождает его от юрисдикции Российской Федерации.

Вторую модель демонстрируют договоры, которые устанавливают

---

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия. (Заключено в г. Москве 07.04.2010) // Бюллетень международных договоров. – 2010. – № 12. – С. 34 – 47.

² Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики (Вместе с Перечнями воинских формирований, местами дислокации, нахождения и объектов недвижимого имущества совместного использования) (Заключено в г. Бишкеке 20.09.2012) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.01.2017.

приоритет российской юрисдикции с определенными исключениями, при наличии которых действует юрисдикция принимающей стороны. Так, на основании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан от 21.01.1997¹, Российская Сторона осуществляет свою юрисдикцию в местах дислокации воинских формирований и, кроме того, вне пределов их дислокации в отношении лиц, входящих в состав воинских формирований, при совершении ими противоправных деяний в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также в отношении Российской Федерации или ее граждан. На все остальные случаи распространяется юрисдикция Таджикистанской Стороны, применяется ее законодательство и действуют ее компетентные органы. Компетентные органы Сторон могут обращаться друг к другу с просьбой о передаче или принятии юрисдикции в отношении отдельных дел, предусмотренных настоящей статьей. Такие просьбы будут рассматриваться благожелательно. Аналогичный подход закреплен Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан от 20.01.1995², в силу которого Российская Федерация осуществляет свою юрисдикцию: в местах дислокации российских воинских формирований, за исключением преступлений, совершенных гражданами Республики Казахстан, и общеуголовных преступлений против граждан Республики Казахстан; вне мест дислокации российских воинских формирований – в случаях совершения лицами, входящими в состав воинских формирований

---

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан (Заключено в г. Москве 21.01.1997) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 3. – С. 64 – 68.

² Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан. (Заключено в г. Москве 20.01.1995) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 10. – С. 64 – 71.

Российской Федерации, воинских преступлений и правонарушений, совершенных в связи с исполнением обязанностей военной службы. В иных случаях осуществляется юрисдикция Республики Казахстан, применяется ее законодательство и действуют ее компетентные органы.

Третью модель демонстрируют договоры, в которых, напротив, приоритетное значение имеет юрисдикция принимающей стороны, с определенными изъятиями, при наличии которых действует законодательство РФ. Так, на основании ст. 8 Протокола № 1 к Договору между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения от 21.08.1992¹, вопросы юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения, регулируются отдельным соглашением Сторон. В силу такого Соглашения, заключенного 29.08.1997², по делам о преступлениях и иных правонарушениях, совершенных на территории Республики Армения лицами, входящими в состав российской военной базы, и членами семей этих лиц, применяется законодательство Республики Армения, действуют ее компетентные органы. Однако этот порядок не применяется по делам о преступлениях и иных правонарушениях, совершенных лицами, входящими в состав российской военной базы, и членами семей этих лиц: на территории пунктов размещения российской военной базы; совершенных против Российской Федерации или лиц, входящих в состав российской военной базы, и членов семей этих лиц; по делам о воинских преступлениях, а также и на преступления, совершенные на территории пунктов размещения российской военной базы

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения (Вместе с Протоколом об оговорках к Договору между Республикой Армения и Российской Федерацией о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения) (Подписан в г. Москве 21.08.1992). Документ опубликован не был.

² Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения (Заключено в г. Москве 29.08.1997) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 3. – С. 59 – 63.

неустановленными лицами. По делам о таких преступлениях, указанных в настоящей статье, применяется законодательство Российской Федерации, действуют ее компетентные органы. В силу ст. 6 Соглашения, при обвинении группы лиц в совершении одного или нескольких преступлений, если дело в отношении хотя бы одного из обвиняемых относится к юрисдикции Республики Армения, дело в отношении всех обвиняемых рассматривается компетентными органами Республики Армения. Дела в отношении лиц, входящих в состав российской военной базы, и членов семей этих лиц по соглашению между компетентными органами Сторон выделяются в отдельное производство и передаются Российской Стороне.

Надо признать, что отличия в представленных моделях носят, по большей части юридически-технический характер и имеют, скорее, политический оттенок. В содержательном отношении в основном выдерживается общий принцип (не исключающий, впрочем, существенных изъятий), согласно которому:

– иммунитет от юрисдикции принимающей стороны распространяется на военнослужащих, входящих в состав российского воинского формирования; более того, как подчеркнул Верховный Суд РФ, с учетом того, что международными соглашениями РФ со странами пребывания российских военных баз, воинских формирований определена организационно-штатная структура военных баз и их штатная численность, нахождение российских военнослужащих на территории стран пребывания военных баз вне состава и их штатной численности не предусмотрено¹;

– иммунитет предоставляется военнослужащим, совершившим преступления на территории дислокации воинской части (это правило допускает самые широкие изъятия, на необоснованность которых указывает Я.Н. Ермолович, полагая, что на территории воинской части не должно быть

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 7.

изъятий в юрисдикции¹);

– иммунитет предоставляется в случае совершения преступлений, направленных против интересов РФ, граждан РФ, против военной службы, преступления, совершенные при исполнении военнослужащим служебных обязанностей.

Учитывая, что в каждом договоре содержатся порой существенно различающиеся положения, что закономерно не способствует ни развитию научного поиска в исследуемом направлении, ни соблюдению гарантированного Конституцией РФ принципа равенства граждан перед законом в случае обладания ими единым правовым статусом, важным условием дальнейшего развития законодательства в части закрепления покровительственного принципа действия уголовного закона становится выработка единых, универсальных правил. Опрос специалистов также показал, что унификация вопросов юрисдикции при привлечении к ответственности дислоцирующихся за рубежом военнослужащих была бы крайне желательной, за нее высказались 85% респондентов. Принципиальный шаг в этом направлении сделан в рамках модельного нормотворчества органов управления ОДКБ, куда, помимо России, входят Армения, Казахстан, Киргизия, Белоруссия, Таджикистан. В проекте модельного соглашения государств – членов ОДКБ об уголовном преследовании за преступления, совершенные иностранными гражданами, временно находящимися на территории государств – членов ОДКБ в составе формирований сил и средств системы коллективной безопасности от 13.10.2017² устанавливаются следующие правила, рекомендованные к включению в международные договоры и способные стать основой для унификации существующих подходов.

---

¹ Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. – М.: «За права военнослужащих», 2010. – С. 101.

² Постановление № 10–4.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте модельного соглашения государств – членов ОДКБ об уголовном преследовании за преступления, совершенные иностранными гражданами, временно находящимися на территории государств – членов ОДКБ в составе формирований сил и средств системы коллективной безопасности» (Принято в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017). Электронный ресурс: <http://www.paodkb.ru> (дата обращения: 10.06.2019).

Согласно проекту:

– по делам о преступлениях, совершенных на территории принимающей Стороны лицами, входящими в состав формирования сил и средств системы коллективной безопасности, как общее правило, применяется законодательство принимающей Стороны, действуют ее компетентные органы (ч. 1 ст. 4);

– юрисдикция направляющей Стороны распространяется на лиц из состава ее формирований в случаях, если они обвиняются в совершении преступлений: 1) против интересов направляющей Стороны; 2) против лиц, входящих в состав ее формирований, а также против ее граждан; 3) совершенных при исполнении ими своих служебных обязанностей; 4) в местах дислокации формирований (ч. 1 ст. 5)

– указанные положения не применяются, если формирования направляющей Стороны временно размещаются на территории принимающей Стороны в местах постоянной дислокации в случаях критического обострения политической, военной, социально-экономической, экологической или иной ситуации, лишаящей принимающую Сторону возможности эффективно осуществлять уголовное преследование, и подтверждения указанных обстоятельств Советом коллективной безопасности ОДКБ. В указанных выше случаях по делам о преступлениях, совершенных на территории принимающей Стороны лицами, входящими в состав формирования сил и средств системы коллективной безопасности, применяется законодательство направляющей Стороны, действуют ее компетентные органы (ст. 6);

– при обвинении группы лиц в совершении одного или нескольких преступлений, если дело в отношении одного или нескольких обвиняемых относится к юрисдикции направляющей Стороны, дело в отношении такого обвиняемого (таких обвиняемых) выделяется в отдельное производство, рассматривается и расследуется ее компетентными органами (ст. 8);

– компетентные органы Сторон могут обращаться друг к другу с

ходатайствами об изменении юрисдикции в отношении отдельных дел, такие ходатайства должны рассматриваться безотлагательно; решения об изменении юрисдикции принимаются компетентными органами Сторон, которые определяются законодательством каждой из Сторон (ст. 9).

В содержательном отношении такая унификация на уровне международных рекомендаций отражает в целом согласованный подход к определению юрисдикции, согласно которому действие отечественного уголовного закона будет распространяться на российских военнослужащих, совершивших преступление: а) в месте дислокации воинской части, вне зависимости от того, против каких объектов данное преступление направлено (эта мысль признается 89% респондентов); б) вне зависимости от места совершения, если преступление направлено против интересов РФ или граждан РФ либо если преступление совершено при исполнении служебных обязанностей (эта идея нашла поддержку у 97% опрошенных).

Представляется, что эти условия в качестве общего правила должны быть зафиксированы непосредственно в тексте уголовного закона, при сохранении отсылки к возможным исключениям из них в нормах международных договоров РФ. Такой подход обеспечит содержательное наполнение кодекса и более зримо представит позицию страны относительно пределов ее юрисдикции в отношении военнослужащих.

При обсуждении проблем, связанных с реализацией покровительственного принципа действия уголовного закона, надо обратить внимание на некоторые частные, но от этого не менее значимые вопросы, решение которых позволяет уточнить содержание исследуемых положений закона.

1) В законодательстве РФ не раскрывается понятие воинской части¹, а в ч. 2 ст. 12 УК РФ не указано на ведомственную принадлежность воинских

---

¹ Специалисты уже давно обращают на это внимание, как на пробел в военном праве. См., например: Бараненков В.В. Проблемы недостаточной определенности юридической личности военных организаций в современной военно-правовой науке // Военное право». – 2013. – № 2. Электронное научное издание: <http://www.voennopravo.ru> (дата обращения: 11.06.2019); Кузнецов В.И. «Военная», «войсковая», «воинская»: проблемы терминологии // Журнал Российского права. – 2018. – № 7. – С. 132 – 148.

частей РФ, дислоцированных на территории иностранного государства. В этой связи надо обратить внимание, что воинская часть не есть структурная единица исключительно Вооруженных Сил РФ. Как справедливо указывают некоторые авторы, под воинскими частями понимаются любые составные элементы федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, как правило, наделенные статусом юридического лица¹. Согласно ст. 1 Закона «Об обороне», в целях обороны создаются Вооруженные Силы РФ; к обороне привлекаются войска национальной гвардии РФ; для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются спасательные воинские формирования федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Служба внешней разведки РФ, органы федеральной службы безопасности, органы государственной охраны, органы военной прокуратуры, военные следственные органы Следственного комитета РФ, федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ, а также создаваемые на военное время специальные формирования. Служба во всех этих формированиях признается военной службой, согласно ст. 2 Закона «О воинской обязанности и военной службе»². Исходя из этих документов, можно заключить, что действие покровительственного принципа распространяется по умолчанию на военнослужащих как Вооруженных сил РФ, так и других войск и органов³.

2) В соответствии с законодательством РФ о военной службе и Законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в Вооруженных силах РФ ее могут нести не только граждане РФ, но также иностранные граждане, в свою очередь, граждане РФ могут проходить военную службу в армии иностранного государства. В этом случае они

---

¹ См.: Трофимов М.В. К вопросу о соотношении правовых понятий «воинская часть», «войсковая часть». Электронный ресурс: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4737> (дата обращения: 12.06.2019).

² Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

³ К этому выводу приходят и иные авторы, см.: Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. – М.: «За права военнослужащих», 2010. – С. 95.

уникальным образом совмещают в себе статус либо иностранного лица и российского военнослужащего, либо российского гражданина и военнослужащего иностранной армии, что, естественно, не может не привести сложности в решение юрисдикционных вопросов в ситуации совершения такими лицами преступлений. А.А. Тер-Акопов писал в связи с этим, что «правовое положение таких граждан достаточно двусмысленное, и в каких-то экстремальных ситуациях они должны будут сделать выбор: отказаться от прохождения службы в иностранном государстве либо продолжать ее под угрозой определенных уголовно-правовых последствий»¹. В качестве общего правила автор предлагал следующее решение: если преступление совершается военнослужащим-иностранцем против интересов РФ, в том числе воинское преступление, привлекать его к ответственности по УК РФ; в случае если гражданин РФ, служащий в иностранной армии, совершает преступление против РФ, привлекать его к ответственности по российскому закону, а в случае совершения им преступления против военной службы – по законодательству иностранного государства. В исследовании Я.Н. Ермоловича в отношении иностранных граждан, проходящих службу в воинских частях Вооруженных сил РФ, дислоцированных за рубежом, в случае совершения ими преступления вне пределов РФ, не делается каких-либо специальных оговорок, автор всецело распространяет на них действие ч. 2 ст. 12 УК РФ².

Представляется, что это верный подход к решению вопроса, основанный прежде всего на системном толковании комплекса предписаний ст. 12 УК РФ. Иностранцы граждане, даже не состоящие на службе в Вооруженных силах РФ, в случае совершения ими за пределами РФ преступления против интересов РФ или ее граждан, в любом случае подлежат ответственности по УК РФ в силу положений ч. 3 ст. 12 УК РФ.

---

¹ Преступления против военной службы: учеб. для вузов / под ред. А.Н. Петухова. – М.: Норма, 2002. – С.163.

² Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. – М.: «За права военнослужащих», 2010. – С. 105.

Статус российского военнослужащего у иностранца лишь подтверждает это положение (ч. 2 ст. 12). Таким образом, и общая, и специальная норма устанавливают в принципе единое положение, допускающее, как уже было отмечено, некоторые изъятия на основании международно-правовых договоров.

Ответственность российских граждан, пользующихся иммунитетом

Иммунитеты заключаются в изъятии из действия уголовного закона по кругу лиц, исключаящее ответственность последних за любое деяние, предусмотренное УК РФ, или за отдельно взятое преступление¹. Вопрос об уголовной ответственности российских граждан, пользующихся иммунитетом, в случае совершения ими вне пределов РФ преступлений, прямо в действующем законодательстве не решен. Лишь в Положении о посольстве Российской Федерации² содержится норма, в соответствии с которой, Посольство, сотрудники дипломатической службы и работники Посольства, члены их семей пользуются в государстве пребывания привилегиями и иммунитетами в соответствии с международным правом и законодательством государства пребывания. Однако очевидно, что эта норма имеет общий характер и не регулирует напрямую вопросы уголовно-правовых иммунитетов, и к тому же уровень ее нормативной фиксации – указ Президента РФ – не соответствует уровню решения уголовно-правовых задач, так как согласно требованиям принципа законности (ст. 3 УК РФ) все уголовно-правовые последствия совершения преступления должны быть урегулированы непосредственно в УК РФ.

В то же время стоит отметить, что законодательство дореволюционной России содержало на этот счет вполне определенные указания. В ст. 6 Уголовного уложения 1903 года было провозглашено: «Действие сего Уложения распространяется на преступные деяния, учиненные в иностранных государствах российскими подданными, пользующимися в них

---

¹ Гефанова Е.И. Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2019. – С. 13.

² Указ Президента РФ от 28.10.1996 № 1497 (ред. от 18.02.2017) «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 5090.

правом внемлемельности».

В современном уголовном праве предпосылки для решения поставленного вопроса содержатся в ч. 1 ст. 12 УК РФ (как в общей норме), на основании которой граждане РФ несут ответственность по УК РФ, а также, в силу общих начал взаимности международных отношений, в ч. 4 ст. 11 УК РФ, согласно которой вопрос об уголовной ответственности граждан, которые пользуются иммунитетом, разрешается в соответствии с нормами международного права¹. Исходя из этих положений закона, стоит констатировать в качестве общего правила, признанного всеми опрошенными при подготовке исследования специалистами, что российские граждане, пользующиеся иммунитетом, в случае совершения ими вне пределов России преступления, подлежат ответственности по отечественному уголовному закону с учетом предписаний, содержащихся в международно-правовых нормах.

В отечественной литературе проблема иммунитетов, хотя и не относится к числу популярных, тем не менее, разрешена в ряде значимых публикаций². В этой связи детальное ее исследование, учитывая

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10. 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» в п. 7 конкретизировало это предписание следующим образом: « В силу части 4 статьи 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права (в частности, в соответствии с Конвенцией о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 года, Конвенцией о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года, Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года). В круг лиц, пользующихся иммунитетом, входят, например, главы дипломатических представительств, члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания. К иным лицам, пользующимся иммунитетом, относятся, в частности, главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств, члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительств, члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, а также другие лица, которые пользуются иммунитетом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации». См. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

² См., например: Кибальник А.Г. Иммунитеты в уголовном праве. – М.: Ставропольсервисшкола, 1999; Елизарова И.А. Уголовно-правовое значение иммунитетов. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003; Клюев А.А. Правовая природа дипломатического и иного иммунитета в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 4. – С. 3 – 5; Асаналиев Т.А., Балтабаев А.И. Аспект экстерриториальности при распространении уголовного закона // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2017. – № 11. – С. 140 – 141; Гефанова Е.И. Уголовно-правовой иммунитет дипломатического агента // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 4. – Т. 2. – С. 153 – 159

направленность настоящей диссертации, не представляется необходимым. Однако некоторые соображения прежде всего по вопросам, которые не получили своего освещения в науке, полагаем возможным представить.

В науке верно отмечается, что иммунитет в уголовном праве означает исключение из принципа равенства граждан перед законом, которое может быть обусловлено только исключительным правовым статусом лица¹. А потому прежде всего, важно определиться с кругом российских граждан, которые обладают иммунитетом от иностранного уголовного законодательства. Исходя из логики ч. 4 ст. 11 УК РФ, его составляют две группы лиц: дипломатические представители и иные граждане.

Понятие дипломатического представителя прямо не определено в действующем законодательстве, однако активно им используется. В соответствии с п. «м» ст. 83 Конституции РФ, дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания Президент РФ.

Основополагающим актом, позволяющим понять круг дипломатических представителей, служит Венская конвенция о дипломатических сношениях². Она вполне определенно различает следующих лиц:

а) глава представительства – лицо, на которое аккредитующим государством возложена обязанность действовать в этом качестве;

б) сотрудники представительства, к которым относятся глава представительства и члены персонала представительства;

в) члены персонала представительства, то есть члены дипломатического персонала, административно-технического персонала и обслуживающего персонала представительства;

---

¹ Кибальник А.Г. Иммунитет в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 6.

² Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

г) члены дипломатического персонала – члены персонала представительства, имеющие дипломатический ранг;

д) дипломатический агент, то есть глава представительства или член дипломатического персонала представительства;

е) член административно-технического персонала, каковыми являются члены персонала представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства;

ж) члены обслуживающего персонала – члены персонала представительства, выполняющие обязанности по обслуживанию представительства;

з) частный домашний работник, то есть лицо, выполняющее обязанности домашнего работника у сотрудника представительства и не являющееся служащим аккредитующего государства.

Этим предписаниям корреспондируют нормы Положения о посольстве Российской Федерации, которые вполне определенно различают Посольство, сотрудников дипломатической службы, работников Посольства, членов их семей.

Очевидно, что не все эти лица пользуются иммунитетом в полном объеме и, что важно, не все они могут быть отнесены к категории дипломатических представителей. Исходя из того, что таковых представителей назначает именно Президент РФ, можно констатировать на основе Закона «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)»¹, что к числу дипломатических представителей РФ относятся категории лиц, прямо поименованные в этом правовом акте:

а) Посол – высший официальный представитель РФ, аккредитованный

---

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 186–ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3855.

в государстве пребывания, обеспечивающий дипломатическими и международно-правовыми средствами проведение внешнеполитической линии РФ, защиту национальных интересов, суверенитета, безопасности, территориальной целостности РФ, прав, свобод и законных интересов ее граждан и российских юридических лиц в государстве пребывания.

б) Представитель – полномочный представитель РФ при международной организации (в иностранном государстве), обеспечивающий дипломатическими и международно-правовыми средствами проведение внешнеполитической линии РФ в соответствующей международной организации.

Все остальные граждане, пользующиеся в том или ином объеме иммунитетом на основе Венской конвенции, не могут быть признаны дипломатическими представителями, но относятся к упомянутой в ч. 4 ст. 11 УК РФ категории «иных лиц» (с таким решением согласились 73% опрошенных респондентов).

Обращаясь к категории «иных лиц, пользующихся иммунитетом», стоит отметить, что непосредственно в ч. 4 ст. 11 УК РФ не определен уровень и характер этого иммунитета. Некоторые исследователи полагают, что в данном случае речь идет исключительно об иммунитетах, имеющих международно-правовую природу, более того, в целом считают иммунитет явлением международно-правовым. Так, А.А. Крупцов пишет: «Иммунитет в уголовном праве – это совокупность предусмотренных международно-правовыми актами норм, регламентирующих действие российского уголовного закона в отношении дипломатических представителей иностранных государств и иных лиц, которые пользуются иммунитетом, совершивших преступление на территории Российской Федерации». И далее: «Иммунитет имеет международно-правовую природу: во-первых, возник и развивается в рамках международного права в сфере межгосударственных отношений; во-вторых, не может быть преодолен за счет национальных правовых механизмов, в частности указанных в российском уголовном

процессе; в-третьих, при его наличии вопросы привлечения к ответственности разрешаются в соответствии с нормами международного права (т.е. не является абсолютным)»¹.

Однако в полной мере согласиться с таким подходом сложно, поскольку он не учитывает наличие определенной категории лиц, иммунитет которых обусловлен предписаниями внутреннего права. Ее образуют, например, глава государства, парламентарии, судьи, прокуроры, некоторые иные лица. Их иммунитет имеет иную правовую природу. Как следствие надо различать лиц, пользующихся иммунитетом на основании норм международного права и обладающих иммунитетом согласно положениям российского права.

Это важно, поскольку указанные иммунитеты могут «накладываться» друг на друга, что создает весьма непростую ситуацию, при которой гражданин РФ, совершивший преступление вне пределов РФ, в силу международно-правового иммунитета не подлежит ответственности по законодательству страны места совершения преступления, и одновременно в силу иммунитета по внутреннему праву, не подлежит ответственности по российскому закону. И в то же время эти иммунитеты могут не совпадать, если лицо, пользующееся иммунитетом на основе норм внутреннего права, совершает за пределами России преступление, не обладая при этом международно-правовым иммунитетом.

В науке уголовного права этот вопрос недооценивается. Например, А.Г. Кибальник пишет: «Наличие дипломатического и любого другого международно-правового иммунитета не освобождает от уголовной юрисдикции посылающего государства. Поэтому целесообразно включение в УК России более специальной нормы, определяющей порядок уголовной ответственности граждан Российской Федерации, совершивших преступление за рубежом и не привлеченных там к ответственности по причине наличия уголовно-правового иммунитета. Предлагаемая норма

---

¹ Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 10.

может быть включена в качестве составляющей части статьи 12 УК РФ 1996 года («Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации») и выглядеть следующим образом: «Положения, предусмотренные частью первой настоящей статьи, применяются в отношении должностных лица и иных граждан Российской Федерации, а также постоянно проживающих в Российской Федерации лиц без гражданства, совершивших преступления на территории иностранного государства, если эти лица не были осуждены в иностранном государстве в силу наличия у них иммунитета от уголовной юрисдикции»¹. Об этом же, по сути, писал еще Н.С. Таганцев. «Внеземельность, – отмечал он, – не уничтожает преступности деяния, а она только препятствует применению к нему местных уголовных законов без согласия на то государства, коего виновный является представителем. ... Изъятие по фикции внеземельности должно быть понимаемо шире, и русский дипломатический агент должен отвечать за преступные деяния, учиненные за границей, на том же основании, как русский или иностранец за преступные деяния, учиненные в России»².

Соглашаясь с этими суждениями в той их части, что международно-правовой иммунитет не освобождает от ответственности по российскому праву, обратим внимание, что одновременно иммунитет по внутреннему праву может усложнять или блокировать возможность применения УК РФ, но в то же время иммунитет по внутреннему праву не препятствует возможности привлечения обладающего им лица к ответственности по нормам иностранного права в случае совершения преступления вне пределов РФ.

В подобной ситуации решающее значение имеет вид иммунитета по внутреннему праву и особенности совершаемого преступления. Важно напомнить, что иммунитет от уголовной ответственности не является личной привилегией того или иного лица. Конституционный Суд РФ в одном из

---

¹ Кибальник А.Г. Иммунитет в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 15.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 126.

своих постановлений подчеркивал (применительно к парламентскому иммунитету), что неприкосновенность «не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости»¹.

Иммунитет предоставлен лишь в целях надлежащего и эффективного исполнения соответствующими лицами своих служебных обязанностей, и он не распространяется на случаи совершения этими лицами преступлений вне связи со службой. Конституционный Суд РФ отметил: «Неприкосновенность парламентария не означает его освобождения от ответственности за совершенное правонарушение, в том числе уголовное или административное, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением собственно депутатской деятельности. Расширительное понимание неприкосновенности в таких случаях вело бы к искажению публично-правового характера парламентского иммунитета и его превращению в личную привилегию, что означало бы, с одной стороны, неправомерное изъятие из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), а с другой – нарушение конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (статья 52)». Аналогичные суждения высказаны Конституционным Судом РФ и в отношении иммунитета судей: «Не предполагается ограждение судьи, совершившего преступление, от уголовной ответственности – иное приводило бы к искажению конституционного смысла судейского иммунитета, а также к нарушению конституционных прав потерпевших от

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828.

преступлений и злоупотреблений властью»¹.

Исходя из этих предписаний, можно заключить, что в случае совершения преступлений вне пределов РФ гражданами РФ, обладающими иммунитетом по внутреннему праву и не обладающими международно-правовым иммунитетом, вопросы их ответственности должны разрешаться на основании общей нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 12 УК РФ. Потенциально такие лица могут подлежать ответственности по нормам иностранного уголовного закона и в этом случае иностранный суд не обязан соблюдать гарантии неприкосновенности, установленные российским законодательством. Такие гарантии обеспечивают неприкосновенность лиц со специальным статусом только в рамках системы российского правосудия.

В подобной ситуации нельзя не усмотреть некоторые риски нарушения равенства граждан в зависимости от места совершения ими преступления. Однако представляется, что не являются критически важными и не определяют необходимость внесения существенных корректив в уголовный закон, поскольку: во-первых, риски наступления неблагоприятных последствий в результате совершения преступления всегда в полном объеме возлагаются на лицо, совершающее преступление; во-вторых, совершаемые за пределами страны преступления лицами со специальным статусом преступления, как правило, не связаны с осуществлением ими своей служебной или профессиональной деятельности; в-третьих, в виду объективных представлений о границах суверенитета одного государства и юрисдикционного иммунитета другого государства². В то же время, в целях обеспечения полноты регулирования вопросов осуществления юрисдикции, полагаем возможным в ч. 1 ст. 12 УК РФ сделать оговорку, уточняющую, что ее положения применимы и в отношении лиц, обладающих иммунитетом

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 44. – Ст. 6319.

² В международном праве термин «юрисдикционный иммунитет государства» понимается как освобождение одного государства от выполнения им властных предписаний другого государства. См. об этом: Чурилова Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 12.

перед иностранной уголовной юрисдикцией.

Особое место в рамках анализа вопросов, связанных с совершением преступлений лицами, обладающими иммунитетом, занимает проблема совершения наиболее опасных преступлений против мира и безопасности человечества. Как правило, в данном случае речь идет о лицах, составляющих высшее политическое и военное руководство страны.

Учитывая специфику юридического факта, порождающего правовые отношения ответственности высших должностных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, уровень регулирования этих отношений выходит за пределы национального права. В специальной литературе на этот счет не без оснований отмечается, что правовая природа уголовной ответственности должностных лиц государства все больше проявляется как составная часть ответственности государства в качестве субъекта международного права; такая ответственность наступает в том случае, если государством грубо нарушаются основополагающие нормы и принципы, составляющие международное обязательство государства¹.

Иммунитет высших должностных лиц – сложный феномен. В случае совершения ими преступлений против мира и безопасности человечества он не может быть преодолен иностранным государством, которое берет на себя функции расследования таких преступлений и наказания виновных по своему внутреннему праву. Преодоление иммунитета возможно лишь в государстве, где лицо выполняло соответствующие функции (через процедуры отставки, импичмента, лишения неприкосновенности), либо в международных судебных инстанциях.

На этот счет, к примеру, ст. 27 Устава Международного уголовного суда четко устанавливает: «1. Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или

---

¹ Измайлова П.Р. Уголовная ответственность должностных лиц государства по международному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 11.

правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора.

2. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица».

Поскольку, как известно, Россия не является членом Международного уголовного суда¹, иммунитет ее высших должностных лиц не может быть преодолен на основе Римского статута, но гипотетически может быть преодолен, исходя из международных правовых актов, составляющих основу действия трибуналов *ad hoc*. Однако такая ситуация может мыслиться как крайне маловероятная, сопоставимая с ситуацией краха российской государственности и международного правопорядка.

Таким образом, подводя итог исследованию проблем действия уголовного закона в отношении обладающих специальным статусом граждан РФ, в случае совершения ими преступлений вне пределов РФ, можно констатировать следующие основные выводы:

– действие уголовного закона в отношении граждан РФ, совершивших преступления вне пределов РФ, обладает определенной спецификой в случае наличия у граждан РФ специального статуса – военнослужащего лица или лица, обладающего иммунитетом;

– уголовная юрисдикция в отношении военнослужащих российской воинской части, дислоцирующейся за пределами РФ, определяется в приоритетном порядке нормами международных договоров РФ, а в случае их отсутствия – предписаниями ч. 2 ст. 12 УК РФ, однако с уголовно-политической и уголовно-правовой точек зрения требуется корректировка

---

¹Р аспоряжение Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 47. – Ст. 6630.

такого подхода, с тем чтобы отсылка к нормам международных договоров носила исключительный характер;

– международные договоры РФ, определяющие основание и пределы уголовной юрисдикции РФ в отношении военнослужащих, пребывающих за рубежом, в целях соблюдения принципа равенства граждан перед законом, требуют унификации на основе Модельного соглашения государств – членов ОДКБ об уголовном преследовании за преступления, совершенные иностранными гражданами, временно находящимися на территории государств – членов ОДКБ в составе формирований сил и средств системы коллективной безопасности;

– общий принцип установления уголовной юрисдикции РФ в отношении военнослужащих предполагает, что действие отечественного уголовного закона должно распространяться на российских военнослужащих, совершивших преступление: а) в месте дислокации воинской части, вне зависимости от того, против каких объектов данное преступление направлено; б) вне зависимости от места совершения, если преступление направлено против интересов РФ или граждан РФ либо если преступление совершено при исполнении служебных обязанностей;

– в случае совершения вне пределов РФ преступления гражданами РФ, которые обладают иммунитетом, вопрос об их уголовной ответственности решается прежде всего в зависимости от вида иммунитета – является ли он иммунитетом по международному праву или же предоставляется на основе норм внутреннего права;

– иммунитет, предоставляемый отдельным категориям граждан на основании норм российского права (судьи, прокуроры, парламентарии и др.), не является обязательным для иностранных правоприменительных органов, ограничен исключительно пределами РФ, не обеспечивает неприкосновенности граждан в случае совершения ими преступления вне пределов РФ, а вопрос об их ответственности решается на основании общих положений ч. 1 ст. 12 УК РФ;

– иммунитет, предоставляемый на основании норм международного права, гарантирует в отношении лиц, обладающих им, уголовную юрисдикцию РФ, за исключением случаев, когда такой иммунитет может быть преодолен, исходя из норм международного права, в отношении лиц, совершивших наиболее опасные преступления против мира и безопасности человечества;

– в части определения условий уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом, уголовный закон требует уточнения в целях наиболее полного решения вопроса, в связи с чем ч. 1 ст. 12 УК РФ может быть изложена в конкретизирующей редакции: «1. Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, в том числе дипломатические представители Российской Федерации и иные граждане, которые пользуются иммунитетом, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства».

§ 3. Действие российского уголовного закона в отношении иностранных граждан, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

Вопрос об условиях ответственности по отечественному уголовному закону иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление вне пределов РФ, урегулирован в ч. 3 ст. 12 УК РФ, согласно которой такие лица подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов РФ либо гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором РФ или иным

документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые РФ, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в РФ, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ¹.

В этой правовой норме, являющейся к сегодняшнему дню итогом длительной эволюции, причем в сторону существенного расширения оснований ответственности иностранцев, сформулированы два принципа ответственности, традиционно именуемых в доктрине «защитным» или «реальным»² и «универсальным» или «космополитическим». Как верно пишет М.Г. Мельников, «ч. 3 ст. 12 УК РФ содержит в себе сразу два различных принципа экстерриториального действия уголовного закона в пространстве. В частности, вопросы защиты интересов России от внешних посягательств решаются через реальный принцип, а функционирование ее юрисдикции в отношении неграждан России, совершивших преступление, направленное против интересов международного (общего) правопорядка, – через универсальный. Иными словами, указанные принципы реализуются в экстерриториальном действии российского уголовного закона в целях защиты интересов государства и его граждан от преступлений, совершаемых негражданами данного государства, или обеспечения и поддержания универсального правопорядка, который складывается на договорной основе взаимодействия различных государств»³.

Признание этих принципов в науке и в законодательных актах встречало на первых порах весьма существенное возражение, исходной посылкой к которому был тезис о том, что иностранец не связан в данном

---

¹ В параграфе использованы материалы, ранее опубликованные автором, см.: Казаринов И.А. Защитный принцип действия уголовного закона // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 26 – 30;

² В науке иногда между ними проводят различия, в зависимости от того, призвано ли расширение юрисдикции защитить интересы государства в целом или отдельных его граждан. Нам представляется, что такое различие носит подчеркнуто терминологический характер и не привносит каких-либо новых или существенных моментов в толкование самого принципа действия закона по кругу лиц. В этой связи термины «защитный» и «реальный» будут использоваться нами в качестве синонимов.

³ Мельников М.Г. Действие уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. / под общ. ред.: В.А. Елеонского – Рязань: Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2003. – С. 64.

случае с преследующим его государством какими-либо обязательствами, а само преступление совершено за пределами пространства государственной власти.

В современной литературе этот тезис также представлен вполне отчетливо. А.А. Крупцов, в частности, отмечает, что «государственная власть должна быть ограничена в праве вторжения в правовой статус иностранного гражданина, в силу того что такое лицо не несет перед ним определенных социально-политических обязательств, а многие из прав в его статусе гарантированы и обеспечены суверенной властью иного государства»¹.

С учетом этого обстоятельства специалисты XIX столетия высказывали критические оценки в адрес идей расширения уголовной юрисдикции государства на основе защитного или универсального принципа.

Например, С.В. Познышев писал: «Некоторые полагают, что государство может наказывать и преступления иностранцев, совершенные за границей, но направленные против него. Однако с этим согласиться трудно. Находясь в отечестве, граждане подчинены законам и власти лишь своего государства. Они могут даже не знать законов другого государства; совершенно неудобно признавать их ответственными по этим законам. В данном случае государство может лишь обратиться к другому государству с просьбой о наказании виновного, и желание взаимности является достаточным побуждением исполнить эту просьбу»². На этих же позициях стоял В.Д. Спасович, подчеркнуто отрицательно отвечая на вопрос о возможности привлечения к ответственности иностранца, совершившего за границей преступление против иностранного государства или его подданных. «Виновник неподсуден государству, простирающему к нему притязания, ни по месту совершения преступления, ни по личным своим качествам. Его надлежащие судьи суть государство, где он совершил преступление или его отечество, если же они его не наказали, то государство, чьи права или чьих

---

¹ Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 22.

² Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Вып. первый. – М.: Университет. Тип., 1907. – С. 88.

подданных права он нарушил пользуется в отношении к нему правом самообороны и может поступить с ним как с врагом. Оно может не допустить его на свою территорию, изгнать его, или даже и подвергнуть его действию своих уголовных законов, что и бывает на практике, но в таких случаях действия государства имеют только внешнюю форму правосудия уголовного, о настоящем правосудии не может быть и речи. Иностранец неподсуден казнящему его государству, которое в отношении к нему и сторона, и судья»¹.

В наши дни критически оценивает реальный принцип А.И. Бойцов, по мнению которого он нарушает юрисдикцию и суверенитет государства места совершения преступления и имеет сугубо идеологическое содержание – стремление подчеркнуть озабоченность государства защитой своих граждан, где бы они ни находились².

Не меньше возражений вызывал и универсальный принцип действия закона по кругу лиц. В частности, Ф. Лист категорично указывал: «Научно необоснованным и практически неосуществимым является принцип «абсолютной внеземельности уголовных законов», «универсальный принцип» или «система всемирного осуществления правопорядка», приверженцы которых требуют, чтобы государство как представитель международного культурного наследия брало на себя осуществление правосудия в отношении всех преступников, оказавшихся на его территории, вне зависимости от места совершения преступления и гражданства. Этот взгляд упускает из виду глубокое различие уголовно-правовых постановлений даже в соседних государствах; он принуждает судью применять чужое ему неизвестное право; он не принимает во внимание всех трудностей уголовного производства»³. Его поддерживал С.Н. Будзинский: «Государство не имеет права взыскивать, когда иностранец совершает преступление за границу. Ссылка на то, что все государства составляют

---

¹ Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. Первый. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – С. 80.

² Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб.: СПбУ, 1995. – С. 165 – 177.

³ Лист Ф.ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – С. 105.

одно великое целое, что ко всякому внутри его нарушению ни одно государство не может быть равнодушно, – есть фикция, ведущая к признанию всех людей земного шара подданными каждого государства»¹.

Однако эти возражения подчеркнуто теоретического свойства встречали сопротивление со стороны насущных практических потребностей уголовного преследования иностранцев в целом ряде случаев совершения ими преступлений, а также противоречили сложившимся и неоспоримым представлениям об обязанности государства осуществлять защиту своих интересов и интересов собственных граждан независимо от источника угроз безопасности. В наши дни эту мысль четко сформулировал Н.И. Пикуров, указав, что юрисдикционные параметры материального уголовного права должны быть привязаны не столько к месту, сколько к правоохраняемым интересам, независимо от места совершения деяния, причиняющего им вред².

Теоретической основой реализации уголовной юрисдикции в отношении иностранцев, совершающих преступление за пределами отечественного государства, выступали рассуждения о «естественном уголовном праве» и «всеобщем правопорядке» как объекты защиты.

А.Ф. Бернер писал: «Чужеземец, находящийся за границую, не подлежит нашей государственной власти и господству наших законов ни по месту пребывания, ни по личному подданству. Поэтому и наказывать его за преступления, совершенные за границую, должно не наше государство, а то, которое имеет право наказывать его по территориальному принципу и принципу подданства. Но если это государство не воспользуется своим правом наказания и тем самым лишит наше государство или принадлежащих к нему лиц уголовной защиты, то наше государство приобретает естественное уголовное право по отношению к тому чужеземцу, который безнаказанно пренебрег своими обязанностями к нам». И далее: «Если же мы по естественному уголовному праву наказываем иностранца, совершившего

---

¹ Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – С. 50

² Пикуров Н.И. К вопросу о пространственных пределах уголовно-правовой юрисдикции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международ. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 января 2013 г.). – М.: МГЮА, 2013. – С. 126.

за границую преступление, то это во всяком случае только потому, что в той стране, где совершено преступление, не существует законов, по которым бы оно наказывалось, потому что в противном случае преступник был бы наказан помимо вмешательства нашего государства. Здесь, следовательно, также возможно применение только наших законов»¹.

Ему вторил Н.А. Неклюдов: «С отказом иностранного государства пользоваться своею державною властью для охранения интересов иностранных государств, державная власть заинтересованного преступлением государства вступает снова в свои права и судит ... иностранца по праву формального или подразумеваемого согласия на то государства, в пределах коего он учинил преступление»².

Признавал возможность применения уголовного закона на основе защитного принципа С.Н. Будзинский: «Так как иностранец может действовать за границую во вред интересам государства, то оно в виде исключения может в таких случаях определять наказание и иностранцам», при этом он признавал, что «здесь вина иностранца несравненно меньше вины туземца, который нарушает обязанности свои относительно государства. Притом было бы несправедливо наказывать иностранца за поступок, запрещенный только законами обиженного государства, о противозаконности которого иностранец, живя в другом крае, мог и не иметь никакого понятия»³.

Достаточно много сторонников имел и универсальный принцип. Н.С. Таганцев признавал: «Главный недостаток теорий эгоистических (признающих только интересы отдельного государства объектом защиты – И.К.) заключается в неверности или, правильнее, неполноте основного суждения: вопрос о пространстве действия уголовного закона не может быть разрешен с точки зрения исключительно интересов индивидуального

---

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 788, 789.

² Неклюдов Н. Общая часть уголовного права (конспект). – СПб.: Тип. И. Меркулева, 1875. – С. 176.

³ Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – С. 50

государства. Общность культурных целей, преследуемых современными государствами, многообразное единение экономических и социальных интересов сопредельных держав заставляют внести существенные изменения в понятие международных юридических отношений. Поэтому более правильную постановку вопроса дают так называемые космополитические теории. Каждое государство по справедливости и, так сказать, по природе правоуполномочено к наказанию всяких преступных деяний, хотя бы учиненных за его пределами»¹. «С точки зрения настоящего времени, когда международные отношения становятся все теснее, государство не может терпеть того, чтобы бежавший в его пределы преступник остался безнаказанным, – писал Н.Д. Сергеевский, – ...прежняя отдельность государств и национальностей в настоящее время отжила свой век и стремление новой жизни направляется к тому, чтобы заменить ее идеей общенародного союза, направленного к охранению общего порядка общими силами.... Отсюда – принцип универсальной подсудности»².

Как показывает опыт, идея допустимости и целесообразности осуществления уголовной юрисдикции на основе защитного и универсального принципа доказала свою теоретическую состоятельность и прикладную ценность. Сегодня она не оспаривается никем из опрошенных специалистов, а актуальные дискуссии в науке ведутся уже вокруг деталей и нюансов ее реализации. При этом в общетеоретическом плане важно подчеркнуть, что сама идея такой юрисдикции возникла и была реализована в качестве дополнения к существующим принципам действия уголовного закона.

В современной литературе вопрос о приоритете того или иного принципа рассматривается по преимуществу в связи с анализом проблем осуществления универсальной юрисдикции. Например, А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин в общей форме замечают, что принцип универсальности в

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 132.

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип М. Стасюлевича, 1896. – С. 346.

своем развитии прошел две стадии: первоначально он рассматривался лишь как основание для вспомогательной компетенции, т.е. применялся в дополнение к принципам места совершения преступления и гражданства; в последующем он стал выступать уже в качестве основания для уголовной юрисдикции за преступления, предусмотренные в международных конвенциях, которые государства обязались пресекать независимо от места совершения и гражданства совершивших их лица»¹. Более категоричен А.Г. Князев, когда пишет, что универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве обладает сегодня преимуществом перед другими принципами². Столь же категорично ему возражает К.А. Цай, указывая, что как раз субсидиарный подход в большей степени соответствует современным реалиям, нежели позиция о верховенстве универсальной юрисдикции³.

Думается, что в полной мере эту дискуссию можно перенести и в область оценки реального принципа действия уголовного закона. Однако решение поставленного вопроса при этом должно быть дифференцированным в зависимости от самого принципа.

Так, в отношении защитного принципа надо четко признать его исключительно субсидиарный характер (что признали все 100% опрошенных нами респондентов). Это непосредственно вытекает из анализа текста ч. 3 ст. 12 УК РФ, в которой содержится важная оговорка относительно допустимости ответственности иностранцев – «если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ». Оставим пока ее содержательный анализ в стороне. Уясним главное – уголовная юрисдикция России в отношении иностранцев, осуществляемая на основе защитного принципа, носит дополнительный характер, она возможна при двух значимых «если», свидетельствующих о том, что государство гражданской принадлежности лица или государство, в

---

¹ Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учеб. пособ. – СПб.: ИПК ПСР Прокуратуры РФ, 1993. – С. 76.

² Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 25.

³ Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 193.

котором он территориально находился в момент совершения преступления, не реализовали в отношении виновного свое право уголовного наказания.

Что касается универсального принципа действия уголовного закона по кругу лиц, то здесь не все так однозначно, как представляется А.Г. Князеву или К.А. Цай. Анализ международных документов свидетельствует, что они не отличаются единообразием и содержат указание на несколько моделей соотношения универсальной и иных видов юрисдикции.

Некоторые документы (см., например, ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства¹, ст. 4 Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ², ст. 9 Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников³) в качестве общего правила предписывают осуществление юрисдикции на основании территориального принципа и принципа гражданства, позволяют установить юрисдикцию на основании принципа защиты, обязывают государство принимать «такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, ... в случаях, когда предполагаемый преступник находится на его территории и оно не выдает его какому-либо из государств-участников». Тем самым универсальная юрисдикция предписывается в качестве необходимого, но субсидиарного дополнения к иным принципам.

Иные международные правовые акты (см, например ст. 146 Женевской конвенции 1949 г.⁴; ст. IV, V Конвенции о пресечении преступления

---

¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (SUA). (Заключена в г. Риме 10.03.1988; с изм. от 14.10.2005) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 48. – Ст. 4469.

² Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – 1994.

³ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Заключена 04.12.1989) // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997 (Россия не участвует).

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным». (Заключена в г. Женеве 12.08.1949; с изм. от 08.12.2005) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными

апартеида и наказания за него¹), напротив, возлагают на государства обязанности разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду. При этом государства могут, если этого пожелают, передавать таких лиц в соответствии с положениями своего законодательства для суда другой заинтересованной стороне, в том случае, если эта сторона имеет доказательства, дающие основание для обвинения этих лиц. Универсальная юрисдикция здесь, как видим, предписана в качестве общего, приоритетного правила, исключения из которой возможны лишь при желании на то самого государства.

В третьей группе документов (см., например, ст. VI Конвенции о предупреждении геноцида²) в качестве приоритетного правила предписывается территориальная юрисдикция: «Лица, обвиняемые в совершении геноцида ..., должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда».

Как видим, сами международные документы не содержат универсальных предписаний относительно приоритета того или иного вида юрисдикции, допуская известную свободу усмотрения государств в решении этого вопроса. А потому и решаться этот вопрос должен дифференцированно, с учетом многих обстоятельств: положений международно-правовых норм, места обнаружения преступника, его гражданства, места совершения преступления, места привлечения к ответственности, степени заинтересованности вовлеченных в конкуренцию юрисдикций государств в

государствами. – Выпуск XVI. – 1957.

¹ Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (Заключена в г. Нью-Йорке 30.11.1973) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXII. – 1978.

² Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. (Заключена 09.12.1948) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Выпуск XVI. – 1957.

организации и эффективном расследовании преступлений и т.д. В любом случае, однако, надо исходить из того, что государство, которое не является местом совершения преступления или государством гражданства преступника всегда находится в «очереди юрисдикций» на втором или третьем месте, и уже только в связи с этим можно говорить о субсидиарном характере универсальной юрисдикции.

Таким образом, можно сделать первый общий вывод о том, что осуществление уголовной юрисдикции на основе принципа защиты и универсального принципа выступает в качестве необходимого в современных условиях, но все же дополнительного, субсидиарного механизма обеспечения законности и правопорядка.

Еще один значимый вывод общего порядка можно сформулировать, исходя из законодательной трансформации положений ч. 3 ст. 12 УК РФ на протяжении времени действия уголовного закона. Как известно, в исследуемое предписание было внесено два принципиальных изменения. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ расширил перечень объектов, при посягательстве на которые вне пределов России иностранные граждане и постоянно не проживающие в России лица без гражданства подлежат ответственности по УК РФ, заменив фразу «против интересов Российской Федерации, и в случаях» фразой «против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также в случаях». Кроме этого, Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ был расширен спектр нормативных оснований, предоставляющих России право на осуществление универсальной юрисдикции, в него были включены «иные документы международного характера, содержащие обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых настоящим Кодексом».

Эти изменения отражают общую, мировую тенденцию роста притязаний государств на осуществление собственной уголовно-правовой

юрисдикции. Как пишет Г.А. Есаков, сегодня в мировой практике наблюдается тенденция расширения экстратерриториального действия национального уголовного законодательства. Проследить ее, по мысли автора, можно по нескольким направлениям, с большей или меньшей степенью выраженных в различных уголовно-правовых семьях. Первое можно именовать скрытой экстратерриториальностью, когда за счет удаленной, иногда фактически фиктивной привязки деяние начинает рассматриваться как юридически совершенное на территории государства. Второе направление в расширении экстратерриториальности связано с ее принципами, прежде всего с защитным принципом и пассивным персональным принципом. Наконец, третье направление в расширении экстратерриториальности связано с принципом универсальной юрисдикции¹.

Представляется, что в основе этой тенденции лежат факторы исключительно международно-политического содержания – связанное с глобализацией обострение противоречий между отдельными государствами, выявившее несовпадение их интересов по целому ряду вопросов правовой оценки действий, прежде всего представляющих опасность для всего международного сообщества, и политизация международного уголовного права, на которое в прошлом возлагались весьма большие надежды в плане поддержания глобального мира и правопорядка. Оспаривать эту тенденцию, противостоять ей или корректировать – удел политиков. Специалистам в области уголовного права остается лишь принять данный факт и с его учетом выстроить такую систему правил, определяющих действие уголовного закона по кругу лиц, которая, не вторгаясь в вопросы суверенитета иных государств, будет способствовать максимальной защите собственных национальных интересов. Принимая это обстоятельство во внимание, рассмотрим по возможности детально формулированные в действующем УК РФ предписания, определяющие содержание защитного и универсального

---

¹ Есаков Г.А. Экстратерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. – 2015. – № 8. – С. 82 – 89.

принципа его действия.

Защитный принцип действия уголовного закона

Согласно закону, иностранные граждане и постоянно не проживающие в России лица без гражданства подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов РФ либо гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства, при условии, что указанные лица не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ.

Толкование этого принципа предполагает обсуждение трех основных вопросов: 1) характеристика преступлений, совершение которых дает возможность РФ заявить о своей юрисдикции в отношении них; 2) понятие привлечения к ответственности в контексте ч. 3 ст. 12 УК РФ; 3) условия привлечения к ответственности, связанные с соблюдением принципа справедливости. Все они тесно взаимосвязаны и должны анализироваться комплексно.

Характеристика юридического факта, порождающего правоотношения в рамках осуществления юрисдикции на основе защитного принципа, – большая и сложная проблема. С одной стороны, специалисты не без оснований отмечают: «Положительным моментом (в теоретическом плане) реального принципа является то обстоятельство, что, смещая акценты на сам объект преступного посягательства (правоохраняемые интересы), он не видит пределов действия национального законодательства ни в пространстве, ни по кругу лиц, исходя из необходимости повсеместной их защиты»¹. С другой стороны, также аргументированно указывают: «До того момента, пока в уголовном законодательстве не найдет свое место в том или ином виде конкретизация понятий «интересы Российской Федерации», «интересы граждан Российской Федерации», а также преступления, направленные против государственных интересов, невозможно дать прямой ответ на вопрос

---

¹ Комаров А.А. К вопросу о возможности применения реального принципа действия уголовного закона в пространстве по отношению к преступности в сети Интернет // Юридические исследования. – 2017. – № 3. – С. 10 – 20.

о том, какие преступления охватываются реальным принципом в России. Ведь формально реальным принципом охватываются все предусмотренные УК РФ преступления»¹.

Практика уже столкнулась с проблемой толкования понятия «преступление, совершенное против интересов РФ». Весьма остро этот вопрос встал при квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в частности, при решении вопроса о возможности привлечения по УК РФ иностранных граждан, которые на территории иностранного государства приобретают наркотические средства для личного потребления без цели их сбыта на территории РФ. Здесь сложилось два подхода.

В одних решениях суды исходили из того, что такие действия не причиняют вреда интересам России и не выносили в этой части обвинительных приговоров. Так, признавая Рагимова, не являющегося гражданином РФ, виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 229.1 УК РФ и ч. 2 ст. 228 УК РФ, за незаконное хранение наркотических средств и их контрабанду с территории Республики Казахстан на территорию РФ, суд исключил из объема предъявленного Рагимову обвинения незаконное приобретение наркотического средства. Суд указал: подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ конкретные обстоятельства приобретения наркотического средства в ходе следствия фактически не установлены и подсудимому не инкриминированы. Помимо этого, как установлено органами предварительного расследования, приобретение наркотического средства совершено подсудимым на территории Республики Казахстан, и данное деяние не было направлено против интересов государства РФ или ее граждан, поскольку в судебном заседании не добыто доказательств, свидетельствующих о цели распространения наркотического средства, которое Рагимов приобрел для

---

¹ Макаеева А.А. Реальный принцип действий уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 102.

личного употребления. В связи с этим, в силу ч. 3 ст. 12 УК РФ приобретение наркотического средства не влечет уголовную ответственность по уголовному закону Российской Федерации¹.

В других решениях суды исходили из обратной логики. Розлуцкий, гражданин Украины, совершил незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, в крупном размере и незаконное приобретение, хранение и перевозку без цели сбыта наркотических средств в крупном размере. Преступление выявлено и Розлуцкий привлечен к ответственности на территории РФ. За это был осужден по ч. 3 ст. 229 и ч. 2 ст. 228 УК РФ. При этом суд указал: в судебном заседании установлено, что Розлуцкий, будучи гражданином Украины, наркотическое средство в крупном размере без цели сбыта приобрел на территории Украины, где также хранил и перевозил его, за что в силу ст. 309 УК Украины предусмотрена уголовная ответственность, но за совершение этих действий Розлуцкий на территории Украины осужден не был, а ввоз наркотических средств на территорию РФ безусловно противоречит как интересам Российской Федерации, так и его гражданам, и лицам без гражданства, постоянно проживающим в РФ. При таких обстоятельствах суд считает, что действия Розлуцкого следует правильно квалифицировать по ч. 2 ст. 228 УК РФ – как незаконное приобретение, хранение и перевозка без цели сбыта наркотических средств в крупном размере².

Очевидно, что такие различия в толковании понятия «интересы РФ» не способствуют единообразию судебной практики и не гарантируют надлежащего соблюдения принципа равенства в реализации уголовной ответственности, в связи с чем вопрос этот нуждается в серьезном теоретическом анализе.

---

¹ Исылкульский городской суд Омской области. Приговор от 4 августа 2017 г. по делу № 1-131/2017. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019). Аналогичное решение см.: Тракторозаводский районный суд г. Волгограда. Приговор от 29 марта 2012 г. по делу № 1-108/2012.

² Володарский районный суд г. Брянска. Приговор от 13 января 2015 г. по делу № 1-10/2015. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.08.2019). Аналогичные решения см.: Центральный районный суд г. Тюмени. Приговор от 22 апреля 2014 г. по делу № 1-299/20144; Лаишевский районный суд Республики Татарстан. Приговор от 27 декабря 2013 г. по делу № 1-170/2013.

В настоящий момент, после существенного расширения оснований для осуществления защитной юрисдикции (которая в нашем исследовании была поддержана 98% опрошенных специалистов), в науке развернулась дискуссия относительно двух вопросов – полнота перечня объектов защиты и их конкретизация.

Так, например, А.Г. Князев, Р.Р. Хаснутдинов видят недостаточность имеющихся положений ч. 3 ст. 12 УК РФ в том, что они не направлены на защиту интересов российской организации или общественного объединения¹, А.А. Макаеева считает необходимым включить в перечень охраняемых объектов интересы юридических лиц².

Косвенно эту идею поддерживает и законодатель, проектируя очередные изменения в УК РФ. В одном из проектов законов, принятых в первом чтении, предусматривается дополнение УК РФ ст. 284.1, согласно которой планируется ответственность за совершение действий (бездействие) в целях исполнения решения иностранного государства, союза иностранных государств или международной организации о введении мер ограничительного характера, если эти действия (бездействие) повлекли ограничение или отказ в совершении гражданами Российской Федерации, юридическими лицами, зарегистрированными в Российской Федерации, Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации или муниципальными образованиями, а также подконтрольными им лицами (российские частные и публичные субъекты, а также подконтрольные им лица) обычных хозяйственных операций или сделок³. Законопроект, исходя из текста Пояснительной записки, «направлен на защиту интересов и безопасности Российской Федерации, прав и свобод граждан Российской

---

¹ Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9; Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2017. – С. 8.

² Макаеева А.А. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 105.

³ Законопроект № 464757-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (в целях обеспечения реализации Федерального закона "О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств")». Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 17.07.2019).

Федерации, прав и законных интересов российских юридических лиц». При этом очевидно, что реализация планируемой нормы в части защиты интересов российских юридических лиц будет возможна, по преимуществу, на основе защитного принципа действия уголовного закона, хотя проект и не предполагает внесения изменений в ч. 3 ст. 12 УК РФ.

Вопрос о том, включать ли интересы организаций перечень охраняемых объектов в контексте осуществления защитного принципа, на наш взгляд, не является принципиальным (о необходимости соответствующего дополнения закона заявило только 35% опрошенных респондентов). Дело в том, что такие организации являются либо частными, либо государственными, либо общественными. Триада «личность – общество – государство» охватывает собой весь спектр возможных объектов охраны. И с этой точки зрения, гораздо важнее обратить внимание на то, что ч. 3 ст. 12 УК РФ не упоминает в перечне объектов защиты общественные интересы, ограничиваясь лишь интересами РФ и отдельных лиц. Можно, вероятно, предположить, что общественные интересы поглощаются понятием «интересы РФ», но такое предположение не обязательно соответствует замыслу законодателя, который посчитал необходимым обособить интересы государства и личности при конструировании ч. 3 ст. 12 УК РФ. Теоретически вполне возможно уточнить редакцию данной нормы таким образом, что в ней нашла отражение упомянутая конституционно значимая триада охраняемых ценностей. Однако это не снимет вопроса о том, совершение каких именно преступлений дает основания для осуществления российской юрисдикции на основе защитного принципа.

С этой стороны, гораздо более перспективным видится не столько расширение перечня объектов охраны в исследуемой норме закона, сколько их конкретизация. Специалисты правильно утверждают, что оценочный характер используемых здесь понятий «несет в себе существенную опасность некорректного закрепления юрисдикционных границ уголовного закона,

порождающего пробелы в уголовно-правовом регулировании»¹ и перекладывает решение фундаментальной юрисдикционной задачи на усмотрение суда², поскольку толкование соответствующих понятий является вопросом факта и будет решаться в каждом конкретном случае отдельно³. При этом авторы ссылаются на положительный опыт целого ряда зарубежных стран (ФРГ, Франции, Дании, Финляндии, Албании, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Исландии, Кипра, Хорватии, Эстонии)⁴, законодательство которых пошло по пути указания на конкретные преступления или их виды при описании оснований реализации защитной юрисдикции. Предложения юристов по исправлению ситуации разнятся – от ограничительного толкования понятия «интересы Российской Федерации», при котором условием задействия защитного принципа должна быть реальная связь совершенного деяния с Российской Федерацией, выражающаяся в том, что предметом посягательства или его областью стала российская государственная, частная или муниципальная собственность, институты власти, экономическая система, инфраструктура и т.п.⁵, до законодательного ограничения категорий преступления в целях реализации защитного принципа лишь тяжкими или особо тяжкими⁶ и нормативного признания допустимости осуществления защитной юрисдикции лишь в случае совершения преступления, направленного против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации, предусмотренного главой 29

---

¹ Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 184 – 185.

² Макаеева А.А. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. – Тула: Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – С. 33.

³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4. Т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 65 – 66 (автор комментария к ст. 12 УК РФ – Ю.Е. Пудовочкин).

⁴ Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 187 – 188; Есаков Г.А. Экстратерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. – 2015. – № 8. – С. 82 – 89.

⁵ См.: Есаков Г.А. Экстратерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. – 2015. – № 8. – С. 82 – 89; Каюмова А.Р. Юрисдикционные принципы защиты и универсальности: некоторые проблемы соотношения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). – С. 85.

⁶ Макаеева А.А. Реальный принцип действий уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 106; Харламова Ю.Н. Особенности ответственности иностранных граждан за преступления по российскому уголовному праву (квалификация, проблемы расследования и экстрадиции). – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – С. 79.

УК РФ, либо преступления, предусмотренного разделом VII УК РФ¹.

Представляется, что решение этого вопроса не может быть столь однозначным и должно быть увязано не только с характеристикой социальной направленности преступления, но и с особенностями организации преследования виновного со стороны государства места совершения преступления и государства гражданской принадлежности виновного.

Преступление, направленное против интересов РФ, далеко не всегда имеет своим объектом отношения, охраняемые главой 29 УК РФ; равно как интересы личности могут быть нарушены не только преступлениями, установленными в Разделе VII УК РФ. Это могут быть и отношения собственности, и отношения в сфере экономической деятельности, и отношения в сфере информационной безопасности, и др. (на что обратили внимание 89% опрошенных нами специалистов). Совершение этих преступлений вне пределов РФ предполагает возникновение уголовно-правовых отношений между иностранцем или лицом без гражданства и иностранным государством. Уголовная юрисдикция России мыслится, с учетом социально-исторической характеристики защитного принципа, в качестве дополнительной. Поэтому вопрос о притязаниях России на урегулирование соответствующего уголовно-правового конфликта может быть положительно решен в случаях, когда:

а) у иностранного государства отсутствуют нормативные возможности для привлечения виновного к ответственности (гипотетически это может быть связано с ограничением сферы действия уголовного закона по кругу лиц, но в реальности, как правило, речь идет об отсутствии предписаний в Особенной части уголовного закона, созданных для защиты интересов иностранного государства, причем стоит обратить внимание, что в данном случае речь идет о весьма ограниченном спектре таких интересов, связанных,

---

¹ Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 15.

прежде всего, с государственной безопасностью);

б) иностранное государство не имеет организационных возможностей или не желает по каким-либо причинам начинать уголовное преследование при наличии к тому нормативных возможностей и фактических оснований, либо проводит это расследование преступления и наказание преступников формально, в нарушение основополагающих требований справедливости и беспристрастности.

Иными словами, здесь должно работать общее правило реализации субсидиарной юрисдикции. Именно оно должно получить в тексте закона наибольшую детализацию. Что же касается характеристики объектов посягательства, то здесь гипотетически есть два варианта.

Во-первых, в данном случае можно использовать для их описания общую формулу, которая заложена в ч. 1 ст. 12 УК РФ – «преступления, против интересов, охраняемых настоящим Кодексом» (с такой рекомендацией согласились 27% опрошенных при подготовке диссертации специалистов). Однако такое решение вызовет серьезные практические сложности. Учитывая, что преступление против интересов, охраняемых УК РФ, может одновременно нарушать интересы, охраняемые уголовным законом иного государства, а также принимая во внимание, что выдача иностранного гражданина или лица без гражданства, не проживающего постоянно в России, иностранному государству места совершения преступления или гражданства виновного является всего лишь правом, а не обязанностью РФ, может возникнуть ситуация, при которой Россия будет осуществлять правосудие в отношении едва ли не всех преступников, совершивших преступления едва ли не во всех странах мира. Неразумность таких последствий с правовой и политической точки зрения не требует специальных доказательств. А потому очевидно, что приведенные выше мнения отечественных специалистов о том, что для осуществления защитной юрисдикции необходима обязательная связь совершенного преступления с интересами России, являются справедливыми и обоснованными.

Ю.Н. Харламова правильно заключает, что «реальный принцип не должен и не может формулировать основания уголовной ответственности за все (любые) совершенные иностранными гражданами преступления»¹. Таким образом, при описании объектов посягательства, дающих право на реализацию защитной юрисдикции, необходимо соблюсти два условия: с одной стороны, охватить все охраняемые отечественным уголовным законом объекты, а с другой – обрисовать связь преступления именно с Россией. Добиться этого можно по-разному. Ю.А. Зюбанов, например, сделал вывод о необходимости закрепления в УК РФ действия реального принципа в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в РФ, если совершенные ими вне пределов РФ преступления направлены против граждан РФ, интересов российского общества и государства².

Во-вторых, теоретически допустимо вернуться к первоначальной редакции закона, который при описании объектов преступления использовал только формулу «против интересов Российской Федерации» и применять в ее толковании широкую трактовку этого понятия, непосредственно вытекающую из результатов его системно-правового анализа. Как известно, уголовный закон находится в единой системе законодательных и иных правовых актов страны, в связи с чем понятие «интересы РФ» может быть вполне истолковано в частности, на основе Указа Президента РФ «О стратегии национальной безопасности»³, который в п. 30 определяет, что национальные интересы РФ есть объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. Для обеспечения полной сопоставимости текстов можно использовать в ч. 3 ст. 12 УК РФ словосочетание «национальные

---

¹ Харламова Ю.Н. Особенности ответственности иностранных граждан за преступления по российскому уголовному праву (квалификация, проблемы расследования и экстрадиции). – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – С. 78.

² См.: Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве: опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ: автореф. дисс. ...канд. юрид. – М., 2001. – С. 25, 27.

³ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

интересы РФ»).

Однако по нашему представлению, ни тот, ни другой вариант, не снимет дискуссию относительно толкования понятий «интересы РФ», «интересы граждан РФ и лиц без гражданства», «интересы российского общества». Между тем такое толкование в любом случае необходимо, с тем чтобы уточнить содержание совершенных за границей иностранцами преступлений, если в их преследовании заинтересована РФ.

При решении рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, требуется учитывать результаты анализа принципиального вопроса о необходимости или ненеобходимости соблюдения требований так называемой «двойной наказуемости» в случае совершения иностранцами преступления против охраняемых УК РФ ценностей.

В условиях действия прежней редакции закона вопрос о «двойной наказуемости» не возникал, поскольку защитная юрисдикция реализовывалась по факту совершения преступлений, которые причиняют вред интересам государственной безопасности России и в силу этого не могут быть криминализованы в иностранном законодательстве. Сегодня же, когда юрисдикция распространяется едва ли не на все преступления, согласиться с категоричным отсутствием требования «двойной наказуемости» весьма сложно. Фактически, наш кодекс позволяет привлекать иностранца к ответственности за деяние, ответственность за которое установлена УК РФ, но которое при этом не является уголовно наказуемым ни в стране места его совершения, ни в стране гражданской принадлежности виновного. Думается, что это необоснованное и гипертрофированное притязание. Ни одно государство не вправе требовать от иностранцев, которые не пребывают в пределах этого государства, соблюдения его законов.

С учетом этого обстоятельства, полагаем, что как и в ситуации с регулированием ответственности российских граждан за совершенные за границей преступления, для осуществления реальной юрисдикции надо дать дифференцированную оценку оснований ее осуществления в зависимости от

вида преступления (о преступлениях против мира и безопасности человечества в данном случае не упоминаем, поскольку в случае совершения их иностранцами за пределами России преследование по УК РФ осуществляется на основе универсальной юрисдикции). Если речь идет о преступлениях, которые подчеркнуто направлены против государственных интересов РФ, требование двойной наказуемости выдвинуто быть не может, однако если речь идет о преступлениях, которые посягают на иные охраняемые УК РФ интересы, такое требование необходимо.

Обратим внимание, что косвенно в этом контексте легитимность ч. 3 ст. 12 УК РФ была оспорена в Конституционном Суде РФ. Заявитель Шелепова Т.Б. утверждала, что содержащиеся в ст. 12 УК РФ нормы позволяют привлекать к уголовной ответственности по законодательству РФ гражданина иностранного государства, находящегося на территории этого государства и осуществляющего деятельность, не запрещенную его законодательством. Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению¹, сославшись в этом конкретном деле на положения Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза². При этом важно обратить внимание, что ч. 2 ст. 3 этого договора обязывает государства-участников «принять меры по внесению изменений в свое законодательство, предусматривающее уголовную и административную ответственность за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства Сторон, и приведению к единообразному определению противоправности таких деяний». Представляется, что именно единообразное определение противоправности деяний в странах и выступает в данном случае существенным условием, позволяющим привлекать

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1924-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Республики Казахстан Шелеповой Татьяны Борисовны на нарушение ее конституционных прав статьями 12, 226.1 и 234 Уголовного кодекса Российской Федерации». Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.07.2019).

² Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза (подписан в г. Астане 05.07.2010; с изм. от 10.10.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 32. – Ст. 4476.

иностранных граждан за совершенное в иностранном государстве преступление к ответственности по УК РФ.

Такая дифференциация условий ответственности иностранцев на основании защитного принципа позволит и охватить все возможные преступления, совершаемые ими, и конкретизировать порядок применения российского закона в зависимости от вида этого преступления. Она, думается, должна найти отражение и в тексте УК РФ (с чем согласились 74% опрошенных нами практикующих юристов).

В характеристике защитного принципа требуют уточнения еще несколько существенных моментов.

Во-первых, надо понять содержание законодательной формулы «если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в РФ, не были осуждены в иностранном государстве». Сразу обращает на себя внимание различие в описании данного условия для граждан РФ в ч. 1 ст. 12 УК РФ и иностранцев в ч. 3 ст. 12 УК РФ. В первом случае речь идет о любом решении суда, во втором – только об обвинительном приговоре. Следовательно, отечественное государство проявляет двойное отношение к решениям иностранных судов, в зависимости от того, состоялись ли они в отношении граждан РФ и постоянно проживающих в России лиц без гражданства либо же они состоялись против иностранцев и постоянно не проживающих в России лиц без гражданства. Г.И. Богуш справедливо отмечает, что данное положение представляется нелогичным и потенциально допускающим повторное осуждение иностранных граждан, что нарушает принцип *ne bis in idem*¹. Полагаем, что с этим мнением необходимо согласиться. Степень доверия к иностранным судам не может зависеть от того, в отношении кого они выносят свои решения. Она определяется сутью и содержанием самих решений. А потому наличие любого решения суда иностранного государства по факту совершенного иностранцем или

---

¹ Богуш Г.И. Некоторые проблемы экстратерриториальной уголовной юрисдикции: пассивный персональный принцип // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики: сб. материалов конф. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 216.

постоянно не проживающим в России лицом без гражданства преступления против интересов, охраняемых УК РФ, должно исключать ответственность таких лиц по УК РФ, кроме тех случаев, когда иностранное государство не желает или неспособно возбудить уголовное преследование или вести расследование должным образом, либо если судебное разбирательство было проведено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление. Важно только, чтобы само это решение суда состоялось. По этой причине полагаем несостоятельной точку зрения А.И. Фроловой, которая условием реализации российской юрисдикции в отношении совершенных за пределами России преступление называет отсутствие факта начала в иностранном государстве судебного производства по делу о данном преступлении¹. Начатое, не завершённое судебное разбирательство в иностранном государстве не гарантирует надлежащей защиты интересов, охраняемых УК РФ.

Во-вторых, следует дать толкование такого признака-условия, как «привлечение к ответственности на территории РФ». Упоминание этого, по природе своей процессуального, обстоятельства в тексте уголовного закона вызывает определенные возражения. С одной стороны, не требует специальных оговорок тот факт, что в случае привлечения к ответственности на территории РФ любое лицо подлежит ответственности по российским законам, это самоочевидный факт. С другой стороны, привлечение к уголовной ответственности на территории РФ иностранного лица или постоянно не проживающего в РФ лица без гражданства еще не гарантирует, что такие лица будут подлежать ответственности по УК РФ. В ряде случаев такие лица, совершившие преступление против интересов, охраняемых уголовным законом РФ, и находящиеся на территории РФ, могут быть выданы иностранному государству для реализации уголовного преследования и суда. В этом случае они несут ответственность по законам того государства,

---

¹ Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 15.

в котором осуществляется уголовное судопроизводство. Вряд ли обоснованным будет и ограничительное толкование признака «привлечение к ответственности на территории РФ», при котором условием осуществления юрисдикции выступает факт присутствия иностранного гражданина или постоянно не проживающего в России лица без гражданства на территории РФ, поскольку уголовно-процессуальное законодательство в ряде случаев допускает и возбуждение уголовного дела, и вынесение обвинительного приговора в отсутствие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, с учетом правил вынесения заочных правоприменительных решений. Таким образом, представляется, что рассматриваемое условие излишне и без потери качества и смысла уголовного закона вполне может быть изъято из текста ч. 3 ст. 12 УК РФ.

Универсальная юрисдикция

Согласно закону, иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов РФ, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, предусмотренных международным договором РФ или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые РФ, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в РФ, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории РФ. Это положение раскрывает содержание универсального принципа действия УК РФ. Часть условий реализации юрисдикции на основе этого принципа рассмотрены выше. Признавая, что они являются общими для реализации и защитного, и универсального принципов, обратимся к исследованию специфического условия, связанного с характеристикой правовых оснований осуществления универсальной юрисдикции, акцентируя внимание на их расширении, состоявшемся в 2016 году.

В первоочередном порядке надо обсудить виды и содержание международных документов, дающих основание России для осуществления

универсальной юрисдикции. Закон называет два таких документа: международный договор и документ международного характера.

Понятие международного договора хорошо известно науке и не требует специальных пояснений. Применительно к предмету нашего анализа, однако, надо четко различать, с одной стороны, международный договор, предписывающий криминализацию того или иного деяния, а с другой стороны, договор, предоставляющий государству право или возлагающий обязанность преследовать то или иное преступление на основе начал универсальной юрисдикции. Эти правовые акты вполне определенно (хотя и не полностью) корреспондируют сложившемуся в науке делению преступных посягательств на преступления международного характера и преступления против мира и безопасности человечества.

Дело в том, что ряд преступлений международного характера, криминализованных во исполнение положений международных договоров, не влекут за собой оснований для осуществления универсальной юрисдикции. Как показал проведенный А.И. Ильиной анализ, «большинство международных договоров, участником которых является Российская Федерация, сами по себе не предоставляют право привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан и не проживающих в РФ лиц без гражданства, совершивших преступления вне пределов РФ. Международные договоры РФ, направленные на борьбу с тем или иным видом преступлений, либо вообще не разрешают вопросов юрисдикции, либо предоставляют РФ право законодательно установить пределы действия УК РФ в пространстве»¹. Подтверждает эту мысль Г.И. Богуш, когда указывает: «Анализ действующих международных договоров России показывает, что универсальный принцип может быть применен в отношении лишь достаточно узкого круга международных преступлений, преступлений, преследуемых на основании принципа *aut dedere aut judicare*. К ним относятся пиратство, серьезные

---

¹ Ильина А.И. Правила действия уголовного закона в пространстве (сравнительно-правовое исследование). – М.: Юрлитинформ. 2012. – С. 142.

нарушения ЖК (Женевских конвенций – И.К.), пытки и некоторые другие»¹. На этой же позиции стоит А.Г. Волеводз, признавая, что универсальный принцип «следует применять лишь в случаях совершения серьезных преступлений и неспособности или нежелания государства прибегнуть к судебному преследованию, если его юрисдикция распространяется на данное правонарушение на основе обычных принципов юрисдикции. В прошлом он охватывал лишь пиратство и работорговлю, сейчас же распространяет свое действие и на ряд иных преступлений по международному праву (например: преступления против мира и безопасности человечества)»².

Это положение прямо вытекает из п. а ч. 3 Резолюции Семнадцатой комиссии Института международного права от 06.08.2005, согласно которому «универсальная юрисдикция может быть осуществлена над международными преступлениями, определяемыми международным правом как подпадающие под такую юрисдикцию, такие как геноцид, преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны или других серьезных нарушений международного гуманитарного права, совершенные в условиях международного или немеждународного вооруженного конфликта»³.

Таким образом, специфика универсальной юрисдикции в том, что она осуществляется в отношении строго определенных преступлений и в случаях, прямо предписанных международными договорами, участницей которых является Россия.

Что касается толкования «документов международного характера», согласно которым Россия осуществляет свои притязания на осуществление универсальной юрисдикции, то здесь ситуация сложнее. Заметим, что не все

---

¹ Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. – М.: Проспект, 2019. – С. 39.

² Волеводз А.Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 3 (34). – С. 53.

³ Institute of International Law. Seventeen Commission Universal criminal jurisdiction with regard to the crime of genocide, crimes against humanity and war crimes. Resolution of Krakow Session – 2005. Электронный ресурс: http://www.Justitiaetpace.org/idiE/resolutionsE/2005_kra_03_en.pdf (дата обращения: 02.06.2019).

специалисты обращают внимание на содержание этого понятия¹. Другие авторы пишут, что такой источник, как «документ международного характера» международному праву неизвестен, он не упомянут также в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а указание на него в ч. 3 ст. 12 УК РФ отражает неудачную попытку внедрения в российское уголовное законодательство отсылки к обычному международному праву, содержание норм которого, действительно, раскрывается, в «документах международного характера»². Позитивное толкование понятия «документы международного характера» предложено Ю.Е. Пудовочкиным, который пишет: «В качестве «иных документов» могут выступать акты, содержащие политические и политико-правовые обязательства Российской Федерации в области регулирования уголовно-правовых отношений и противодействия преступлениям:

а) письменные источники международного права, которые еще не приобрели статус международных договоров Российской Федерации;

б) документы ненормативного характера, явно выражающие позицию Российской Федерации по вопросам борьбы с преступлениями (например, декларации и резолюции международных организаций, которые приняты и провозглашены с участием Российской Федерации);

в) документы рекомендательного характера, принятые международной организацией, членом которой является Российская Федерация (например, Модельные законы для стран СНГ);

г) решения международных судов и трибуналов, созданных с участием Российской Федерации, в которых утверждается возможность универсальной юрисдикции³.

Такое одностороннее расширение универсальной юрисдикции России, каковы бы ни были его причины и последствия, не нарушает каких-либо ее

---

¹ См., например: Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий с путеводителем по судебной практике / под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019 (автор комментария к ст. 12 – Н.И. Пикуров); Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. В.В. Векленко. – М.: Юрайт, 2017 (авторы главы – В.В. Бабурин и В.Н. Баландюк).

² Богущ Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. – М.: Проспект, 2019. – С. 41.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4. т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 67.

обязательств по международному праву, поскольку в самом международном праве нет явно выраженных предписаний, устанавливающих запрет или ограничение в осуществлении государствами их юрисдикции.

Однако оно ставит иной, значимый в теоретико-прикладном аспекте вопрос о соотношении универсальной юрисдикции и юрисдикции, осуществляемой на основе защитного принципа, учитывая, что и та, и другая стремятся к своему расширению, а ч. 3 ст. 12 УК РФ не дифференцирует описание условий действия уголовного закона в отношении иностранцев и лиц без гражданства, не проживающих в России, в зависимости от вида совершенного преступления. Если к тому же признать, что преступления против мира и безопасности человечества, а равно иные преступления, которые согласно нормам международного права требуют от государства осуществления универсальной юрисдикции, в равной мере посягают на интересы, охраняемые УК РФ, вопрос о различии реального и универсального принципа приобретает особое звучание.

С учетом проведенного в настоящем параграфе исследования, можно предложить следующее теоретическое решение этого вопроса, одновременно претендующее на результат проведенного анализа и на модель возможного нормативного решения:

– если иностранец или не проживающее постоянно в России лицо без гражданства совершает вне пределов России преступление против интересов безопасности российского государства, он подлежит ответственности по УК РФ в силу защитного принципа его действия, при очном (если он находится на территории РФ) или заочном (в отсутствии его на территории РФ) судебном разбирательстве;

– если иностранец или не проживающее постоянно в России лицо без гражданства совершает вне пределов России преступление против российских граждан или постоянно проживающих в РФ лиц без гражданства, или против интересов безопасности российского общества, он должен подлежать ответственности по законам места совершения преступления,

однако в случае если государство места совершения преступления не реализует своего права на уголовное наказание или реализует его формально с целью, чтобы виновный избежал справедливого наказания, российское государство может заявить свои притязания на осуществление юрисдикции в силу защитного принципа, при условии, что совершенное деяние обладает признаком уголовной противоправности по законам России и государства места его совершения;

– если иностранец или не проживающее постоянно в России лицо без гражданства совершает вне пределов России преступление, которое нарушает основополагающие ценности мира и безопасности человечества, он подлежит ответственности по УК РФ в случае его пребывания на территории РФ, если РФ не осуществляет его выдачу иному государству или органу международного уголовного правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу проблем теории и практики применения уголовного закона к лицам, совершившим преступления вне пределов РФ, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

1) Законодательная эволюция отечественного уголовного законодательства в части регламентации правил его действия в отношении лиц, совершивших преступления за пределами государства, демонстрирует последовательную смену чередующихся этапов «расширения» и «сжатия» уголовной юрисдикции, продолжительность которых весьма неравномерна:

а) с IX по начало XX века Россия, будучи неотъемлемой частью общеевропейского политико-правового пространства (при всех известных межгосударственных противоречиях) была склонна больше доверять иностранным юрисдикциям в части осуществления уголовного преследования собственных граждан за совершенные за пределами страны преступления и стремилась к воплощению реального принципа для защиты своих интересов от посягательств иностранных граждан;

б) с начала по конец XX века Россия, воплощавшая в государственном строительстве идеалы социализма и коммунизма, находясь в политическом и идеологическом противостоянии с рядом государств мира, в большей степени тяготела к воплощению персонального принципа, не доверяя иностранному уголовному судопроизводству и фактически отказалась от решения в уголовном законе вопросов об ответственности иностранцев за совершенные в иностранном государстве преступления против отечественных правовых интересов;

в) с 1996 Россия под влиянием интеграционных и глобализационных процессов вновь возвращается к прерванной советским периодом традиции, дополняя территориальный и персональный принципы правилами реального и универсального действия уголовного закона, вводя ряд ограничений в реализации ответственности собственных граждан за совершенные за

пределами страны преступления, продиктованных принципом справедливости; однако этот «романтический» период в истории права оказался недолгим и начиная с 2006, а особенно с 2016 года, страна начала более активную уголовно-правовую экспансию на международной арене, последовательно защищая свои собственные национальные интересы.

2) Правила действия уголовных законов в пространстве и по кругу лиц неразрывно связаны с представлениями о государственном суверенитете и его пределах. Они могут быть оценены в качестве уголовно-правовой конкретизации конституционных предписаний, раскрывающих статус государства как участника уголовно-правовых отношений, поскольку закрепляют притязания государства на охрану конституционно значимых ценностей, объективно ограниченных пределами его суверенитета. В основе законодательных решений в рассматриваемой части всегда сосуществовали, дополняли друг друга и отчасти конкурировали между собой две базовые теоретические концепции, восходящие, с одной стороны, к представлениям об абсолютном государственном суверенитете в пространстве его государственных границ, вне зависимости от того, кем нарушаются законодательные предписания; а с другой – к представлениям о личной связи гражданина с государством в виде его обязанности подчиняться государственным законам вне зависимости от места своего пребывания; на их основе были разработаны и реализованы в законодательстве предписания, получившие наименование территориального и персонального принципов действия уголовного закона;

3) Согласование и комбинирование территориального и персонального принципов всегда требовало привлечения дополнительных правил действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц, что привело к утверждению в теоретическом и нормативном пространстве универсального и реального принципов, обеспечивающих возможность реализации ответственности за совершенные за пределами государства преступления в случаях, когда они не обладают уголовной противоправностью по законам

места совершения или когда государство гражданства не реализует своего права на наказание преступника; законодательное конструирование комбинации правил действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц определялось не только и не столько степенью развитости самого уголовного права и уголовно-правовой доктрины, сколько соображениями политического и международно-правового свойства, подчиняясь общей закономерности, согласно которой развитие добрососедских отношений на основе общих культурных и правовых ценностей способствовало утверждению начал универсального действия уголовного закона в поддержку территориальному принципу действия уголовного закона, в то время как осложнение отношений и конфронтация между государствами способствовали укреплению действия персонального и реального принципов;

4) Правила действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, не должны рассматриваться в качестве коллизионных нормативных предписаний, поскольку они не определяют порядок выбора между конкурирующими правовыми нормами российского и иностранного уголовного законодательства. Эти правила образуют в структуре уголовно-правовой нормы один из значимых элементов ее гипотезы, определяя условия, при которых возможно реализовать заложенное в норме права правило об ответственности за то или иное совершенное преступление; их применение составляет часть такого этапа правоприменительного процесса, как выбор уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, при этом оно предполагает применение как самой ст. 12 УК РФ, так и непосредственное применение норм международных договоров РФ, что предполагает необходимость ссылки на соответствующие правовые предписания в тексте правоприменительного акта.

5) Правовые предписания, определяющие пределы действия закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов страны, справедливо рассматривать в качестве составной части института действия уголовного закона в пространстве, который по своим параметрам является

дискретным, регулятивным, смешанным, видовым уголовно-правовым институтом. Они имеют тесную системную межотраслевую связь с экстрадицией как институтом международного уголовного права и убежищем как институтом конституционного права; эта связь обеспечивает всесторонность регулирования уголовно-правовых отношений на основе гармоничного сочетания принципа неотвратимости ответственности с принципами суверенного равенства государств и защиты прав человека.

6) Запрос России на выдачу ей лица для уголовного преследования необходимо оценивать как обязанность государства, продиктованную конституционными предписаниями о защите суверенитета и прав человека, тогда как саму выдачу для уголовного преследования – в качестве суверенного права государства, объективно ограниченного международными правовыми нормами, принципом добросовестного исполнения международных договоров и принципом взаимности. Поскольку обязательства иностранных государств перед Россией по выдаче ей преступников могут входить в конкуренцию с обязательствами этих государств перед частными лицами по обеспечению их прав на безопасность, вытекающие из конституционных обязательств России требования о выдаче ей граждан для уголовного преследования будут с большей степенью надежности удовлетворены, если Россия обладает такой правовой, судебной и в целом правоприменительной системой, которая не создает поводов для сомнений в ее высоких гуманитарных стандартах, что предполагает в современный период акцентированное внимание на исключение потенциальной возможности уголовного преследования по политическим или иным дискриминационным мотивам и обеспечение защищенности граждан от пыток и различных форм жестокого и бесчеловечного наказания и обращения.

7) В случае совершения российским гражданином или постоянно проживающим в России лицом без гражданства за пределами России преступления, предусмотренного УК РФ, уголовно-правовое отношение

между этими лицами и РФ возникает, вне зависимости от того, привлечены ли данные лица к ответственности на территории иностранного государства, однако его практическая реализация возможна при условии пребывания лиц на территории России. Наличие решения суда иностранного государства по факту совершенного на его территории преступления должно исключать ответственность по УК РФ российских граждан или постоянно проживающих в России лиц без гражданства, кроме тех случаев, когда иностранное государство не желает или неспособно возбудить уголовное преследование или вести расследование должным образом, либо если судебное разбирательство было проведено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление.

8) Условия ответственности российских граждан и постоянно проживающих в России лиц без гражданства за совершенное вне пределов России преступление должны быть дифференцированы в зависимости от особенностей совершенного преступления: преступления, образующие основу универсальной юрисдикции, должны влечь ответственность вне зависимости от факта их криминализации в стране места совершения, тогда как «общеуголовные» преступления должны предполагать их «двойную наказуемость» по законам России и места совершения, при этом в стране места совершения преступления целесообразно установить правила, позволяющие устранить или минимизировать ответственность иностранцев за преступления, обусловленные культурными особенностями этой страны.

9) Уголовная юрисдикция в отношении военнослужащих российской воинской части, дислоцирующейся за пределами РФ, определяется в приоритетном порядке нормами международных договоров РФ, а в случае их отсутствия – предписаниями ч. 2 ст. 12 УК РФ, при этом международные договоры РФ, определяющие основание и пределы уголовной юрисдикции РФ в отношении военнослужащих, пребывающих за рубежом, в целях соблюдения принципа равенства граждан перед законом, требуют

унификации на основе Модельного соглашения государств – членов ОДКБ об уголовном преследовании за преступления, совершенные иностранными гражданами, временно находящимися на территории государств – членов ОДКБ в составе формирований сил и средств системы коллективной безопасности.

10) Общий принцип установления уголовной юрисдикции РФ в отношении военнослужащих воинских частей, дислоцирующихся в иностранных государствах, предполагает, что действие отечественного уголовного закона должно распространяться на российских военнослужащих, совершивших преступление: а) в месте дислокации воинской части, вне зависимости от того, против каких объектов данное преступление направлено; б) вне зависимости от места совершения, если преступление направлено против интересов РФ или граждан РФ либо если преступление совершено при исполнении служебных обязанностей.

11) В случае совершения вне пределов РФ преступления гражданами РФ, которые обладают иммунитетом, вопрос об их уголовной ответственности решается прежде всего в зависимости от вида иммунитета – является ли он иммунитетом по международному праву или же предоставляется на основе норм внутреннего права. Иммунитет, предоставляемый на основании норм международного права, гарантирует в отношении лиц, обладающих им, уголовную юрисдикцию РФ, за исключением случаев, когда такой иммунитет может быть преодолен, исходя из норм международного права, в отношении лиц, совершивших наиболее опасные преступления против мира и безопасности человечества. Иммунитет, предоставляемый отдельным категориям граждан на основании норм российского права (судьи, прокуроры, парламентарии и др.), не является обязательным для иностранных правоприменительных органов, ограничен исключительно пределами РФ, не обеспечивает неприкосновенности граждан в случае совершения ими преступления вне пределов РФ, а вопрос об их ответственности решается на основании общих

положений ч. 1 ст. 12 УК РФ.

12) Если иностранец или не проживающее постоянно в России лицо без гражданства совершает вне пределов России преступление против российских граждан или постоянно проживающих в РФ лиц без гражданства, или против интересов безопасности российского общества, он должен подлежать ответственности по законам места совершения преступления, однако в случае если государство места совершения преступления не реализует своего права на уголовное наказание или реализует его формально с целью, чтобы виновный избежал справедливого наказания, российское государство может заявить свои притязания на осуществление юрисдикции в силу защитного принципа, при условии, что совершенное деяние обладает признаком уголовной противоправности по законам России и государства места его совершения. Если иностранец или не проживающее постоянно в России лицо без гражданства совершает вне пределов России преступление, которое нарушает основополагающие ценности мира и безопасности человечества, он подлежит ответственности по УК РФ в случае его пребывания на территории РФ, если РФ не осуществляет его выдачу иному государству или органу международного уголовного правосудия.

13) Итоги исследования позволяют предложить для доктринального обсуждения и потенциальной нормативной фиксации следующую редакцию ст. 12 УК РФ:

Статья 12. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

1. Граждане Российской Федерации, в том числе дипломатические представители Российской Федерации и иные граждане, которые пользуются иммунитетом, а также постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступления против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данным преступлениям не имеется решения суда

иностранным государством.

2. Военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу за все преступления, совершенные в месте дислокации воинской части, а также за преступления, совершенные при исполнении служебных обязанностей или направленные против интересов Российской Федерации, вне зависимости от места их совершения, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

3. Иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступления вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если:

а) преступление направлено против интересов государственной безопасности Российской Федерации, вне зависимости от того, предусмотрена ли ответственность за это преступление в государстве, на территории которого оно было совершено;

б) преступление направлено против иных охраняемых настоящим Кодексом интересов, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено,

в) в иных случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации.

4. Иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, подлежат ответственности по настоящему Кодексу, если они привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации и не были осуждены в иностранном государстве, либо если в иностранном государстве судебное разбирательство было проведено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – № 67. – 05.04.1995.
3. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. (Вместе с "Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях", "Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным"). Заключена в г. Женеве 12.08.1949 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XVI. – М., 1957. – С. 204 – 280.
4. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. (Вместе с "Положением о законах и обычаях сухопутной войны"). Заключена в г. Гааге 18.10.1907. // Действующее международное право. Т. 2.– М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 575 – 587.
5. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.
6. Венская Конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23.05.1969) // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLII – 1988.
7. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (SUA) (заключена в г. Риме

- 10.03.1988; с изм. от 14.10.2005) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 48. – Ст. 4469.
8. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (заключена 09.12.1948) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Выпуск XVI. – 1957.
  9. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (заключена 04.12.1989) // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997 (Россия не участвует).
  10. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (заключена в г. Нью-Йорке 30.11.1973) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXII. – 1978.
  11. Конвенция о статусе беженцев. Вместе с "Комментарием", "Образцом проездного документа" (заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9.
  12. Конвенция об определении агрессии (заключена в г. Лондоне 04.07.1933) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. VIII. – М., 1935.
  13. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – 1994.
  14. Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Нью-Йорке 15.11.2000; с изм. от 31.05.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2004 – № 40. – Ст. 3882.
  15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии».

- Принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997.
16. Римский статут Международного уголовного суда. A/CONF.183/9 от 17.07.1998 г. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 03.06.2019).
  17. Европейская конвенция о выдаче (ETS N 24) (заключена в г. Париже 13.12.1957; с изм. от 20.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.
  18. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993; с изм. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
  19. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза (подписан в г. Астане 05.07.2010; с изм. от 10.10.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 32. – Ст. 4476.
  20. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 22.12.1992) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1598.
  21. Договор между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой о выдаче (заключен в г. Пхеньяне 17.11.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2017. – № 5.
  22. Договор между Российской Федерацией и Королевством Комбоджа о выдаче (подписан в г. Москве 01.02.2017). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс:

- http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).
23. Конвенция между Российской Федерацией и Королевством Марокко о выдаче (заключена в г. Москве 15.03.2016). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).
24. Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче (подписан в г. Абу-Даби 25.11.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 33. – Ст. 5161.
25. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения (Вместе с Протоколом об оговорках к Договору между Республикой Армения и Российской Федерацией о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения) (Подписан в г. Москве 21.08.1992). Документ официально не опубликован. Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/1119006/> (дата обращения: 03.08.2019).
26. Договор между Российской Федерацией и Республикой Зимбабве о выдаче (подписан в г. Москве 15.01.2019). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).
27. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче (подписан в г. Дели 21.12.1998) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 28. – Ст. 2883.
28. Договор между Российской Федерацией и Республикой Камерун о выдаче (заключен в г. Санкт-Петербурге 28.05.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2019. – № 3.

29. Договор между Российской Федерацией и Республикой Панама о выдаче (подписан в г. Панама 29.04.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 11.
30. Договор между Российской Федерацией и Республикой Филиппины о выдаче (подписан в г. Манила 13.11.2017). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).
31. Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Нигерией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в Москве 26.11.2018). Договор не вступил в силу по состоянию на 29.07.2019. Электронный ресурс: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts (дата обращения: 29.07.2019).
32. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 15.07.1958; ред. от 19.10.1971) // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 35. – Ст. 423.
33. Договор между СССР и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимном оказании правовой помощи (подписан в г. Алжире 23.02.1982; ред. от 10.10.2017) // Ведомости ВС СССР. – 1984. – № 15. – Ст. 213.
34. Договор между СССР и Народной Демократической Республикой Йемен о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Москве 06.12.1985) // Ведомости ВС СССР. – 1986. – № 48. – Ст. 1010.
35. Договор между СССР и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам (подписан в г. Москве 30.06.1958) // Ведомости ВС СССР. – 1959.

- № 10. – Ст. 72.
36. Договор о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой (подписан в г. Москве 22.06.1973) // Ведомости ВС СССР. – 1974. – № 19. – Ст. 293.
37. Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики. Вместе с Перечнями воинских формирований, местами дислокации, нахождения и объектов недвижимого имущества совместного использования (заключено в г. Бишкеке 20.09.2012) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.01.2017.
38. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения (заключено в г. Москве 29.08.1997) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 3.
39. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан (заключено в г. Москве 20.01.1995) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 10.
40. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан (заключено в г. Москве 21.01.1997) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 3.
41. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории

- Республики Южная Осетия (заключено в г. Москве 07.04.2010) // Бюллетень международных договоров. – 2010. – № 12.
42. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
43. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2018) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 12. – Ст. 1201.
44. Федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2296.
45. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
46. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 27.12.2018) «О беженцах» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 12. – Ст. 425.
47. Федеральный закон от 23.06.2016 № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3855.
48. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

- // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
49. Федеральный закон от 25.10.1999 № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 43. – Ст. 5129.
  50. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.
  51. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
  52. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
  53. Указ Президента РФ от 21.07.1997 № 746 (ред. от 19.12.2018) «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3601.
  54. Указ Президента РФ от 28.10.1996 № 1497 (ред. от 18.02.2017) «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 5090.
  55. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
  56. Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 47. – Ст. 6630.
  57. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 42. – Ст. 5400.

- Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6071.
58. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 3059.
59. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 44. – Ст. 6319.
60. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828.
61. Постановление ЕСПЧ от 07.07.1989 «Серинг (Soering) против Соединенного Королевства» (жалоба № 14038/88) [рус. (извлечение), англ.] // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 637 – 658.
62. Постановление ЕСПЧ от 12.04.2005 Дело «Шамаев (Shamayev) и другие против Грузии и Российской Федерации» (жалоба № 36378/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 1 – № 5.

63. Постановление ЕСПЧ от 29.10.2015. Дело «A.L. (X.W.) против Российской Федерации» (жалоба № 44095/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2016. – № 9.
64. ECHR. 14.09.2010. Case «Chentiev and Ibragimov v. Slovakia» (Application no. 21022/08; 51946/08). Электронный ресурс: <https://hudoc.echr.coe.int/eng> (дата обращения 29.07.2019).
65. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1924-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Республики Казахстан Шелеповой Татьяны Борисовны на нарушение ее конституционных прав статьями 12, 226.1 и 234 Уголовного кодекса Российской Федерации». Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.07.2019).
66. Постановление № 10-4.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте модельного соглашения государств-членов ОДКБ об уголовном преследовании за преступления, совершенные иностранными гражданами, временно находящимися на территории государств-членов ОДКБ в составе формирований сил и средств системы коллективной безопасности» (Принято в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017). Электронный ресурс: <http://www.paodkb.ru> (дата обращения: 10.06.2019).
67. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 1997. – № 10.
68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.
69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред.

- от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.
70. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 7.
71. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14.12.1941 № 45/31/у «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступления в местностях, временно занятых неприятелем». Электронный ресурс: <http://istmat.info/node/24394> (дата обращения: 05.06.2019 г.).
72. Типовой договор о выдаче. Принят Резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition.shtml (дата обращения: 29.07.2019).
73. Комитет ООН против пыток. Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации. CAT/C/RUS/CO/6 Электронный ресурс: <https://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 29.07.2019).
74. Руководство ООН по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции. Нью-Йорк, 2012. Электронный ресурс: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/Publications/Mutual_Legal_Assistance_Ebook_R.pdf (дата обращения 03.08.2019).
75. Свод законов уголовных. – СПб.: Тип. II Собств. Его Императорск. Велич. Канцелярии, 1832.
76. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Его Императорск. Велич. Канцелярии, 1845.

77. Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Сенат. тип., 1903.
78. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т.1. / отв. ред. Ф.И. Калинычев. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1963.
79. Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 25.12.1958 г. // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т.1. / отв. ред. Ф.И. Калинычев. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1963.

**Монографии, научные статьи, учебные пособия, комментарии
законодательства**

80. Абдуллоев П.С. Передача лиц в Международный уголовный суд: проблемы и перспективы постсоветских стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 4. – С. 57 – 66.
81. Антипов С.С. Конституционные основы общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – 144 с.
82. Асаналиев Т.А., Балтабаев А.И. Аспект экстерриториальности при распространении уголовного закона // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2017. – № 11. – С. 140 – 141.
83. Бараненков В.В. Проблемы недостаточной определенности юридической личности военных организаций в современной военно-правовой науке // Военное право». – 2013. – № 2. Электронное научное издание: <http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения: 11.06.2019).
84. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. – Самара: Самарский ун-т, 2013. – 191 с.
85. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права.

- Общая и Особенная части. – Киев: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. – 618 с.
86. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – 940 с.
87. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 240 с.
88. Бибик О.Н. Особенности культуры как обстоятельство, исключающее или смягчающие уголовную ответственность // Журнал Российского права. – 2013. – № 3. – С. 72 – 83.
89. Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 296 с.
90. Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. статей. – Ярославль: Изд. Ярославск. гос. ун-та, 1993. – С. 91 – 99.
91. Благов Е.В. Общая теория применения уголовного права. – Ярославль: Издат. Ярославск. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
92. Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. – Рига: РИО ЛГУ им. П. Стучки, 1974. – 262 с.
93. Богуш Г.И. Некоторые проблемы экстратерриториальной уголовной юрисдикции: пассивный персональный принцип // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики: сб. материалов конф. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 212 – 217.
94. Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. – М.: Проспект, 2019. – 175 с.
95. Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон. – М.: Норма, 2009. – 208 с.

96. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб.: СПбУ, 1995. – 245 с.
97. Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учеб. пособ. – СПб.: ИПК ПСР Прокуратуры РФ, 1993. – 104 с.
98. Бражник Ф.С. Преступления против военной службы: учеб. пособ. – М.: Воен. ун-т, 1999. – 95 с.
99. Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юрид. лит., 1967. – 240 с.
100. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – 376 с.
101. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
102. Волеводз А.Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 3 (34). – С. 52 – 57.
103. Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 37 – 40.
104. Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров и соглашений Древней и Средневековой Руси XX – XV вв. // Сибирский Юридический Вестник. – 2004. – № 2. – С. 14 – 20.
105. Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 317 с.
106. Гефанова Е.И. Уголовно-правовой иммунитет дипломатического агента // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 4. – Т. 2. – С. 153 – 159.
107. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. – 224 с.

108. Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
109. Гурин Д.В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4 (4). – С. 4 – 17.
110. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 32 – 52.
111. Гурин Д.В. Принцип законности и реализация государством права на уголовное наказание // Российское правосудие. – 2015. – № 10 (114). – С. 85 – 93.
112. Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. – 2016. – № 5. – С. 7 – 11.
113. Денисова А.В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 94 – 98.
114. Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 512 с.
115. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. – 319 с.
116. Елизарова И.А. Уголовно-правовое значение иммунитетов. – Ставрополь: Ставропольсервишкола, 2003. – 28 с.
117. Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. – М.: «За права военнослужащих», 2010. – 287 с.
118. Есаков Г.А. Экстратерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. – 2015. – № 8. – С. 82 – 89.
119. Иванов Н.Г. Модельный Уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. –

- М.: Юнити–Дана, Закон и право, 2003. – 143 с.
120. Ильина А.И. Правила действия уголовного закона в пространстве (сравнительно-правовое исследование). – М.: Юрлитинформ, 2012. – 208 с.
  121. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2015. – 287 с.
  122. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 493 с.
  123. Кибальник А.Г. Иммунитеты в уголовном праве. – М.: Ставропольсервисшкола, 1999. – 228 с.
  124. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 252 с.
  125. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. – М.: Проспект, 2007. – С, 185 – 187.
  126. Ключев А.А. Правовая природа дипломатического и иного иммунитета в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 4. – С. 3 – 5.
  127. Комаров А.А. К вопросу о возможности применения реального принципа действия уголовного закона в пространстве по отношению к преступности в сети Интернет // Юридический исследования. – 2017. – № 3. – С. 10 – 20.
  128. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т.1. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 792 с.
  129. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4. т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – 316 с.
  130. Коняхин В.П. Князькина А.К. Регламентация действия уголовного

закона в пространстве и по кругу лиц в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы междунаро. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар: Кубан. Гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2016. – С. 76 – 82.

131. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 348 с.
132. Краковский К.П. Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 1. – С. 27 – 33.
133. Кузнецов В.И. «Военная», «войсковая», «воинская»: проблемы терминологии // Журнал Российского права. – 2018. – № 7. – С. 132 – 148.
134. Лист Ф.Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предис. авт. и М.В. Духовского. – М.: Тип. А. Мамонтова, 1903. – 358 с.
135. Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды). – Армавир: РИО АГПА, 2011. – 175 с.
136. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. – М.: Спарк, 1999. – 287 с.
137. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград: ВА МВД России, 2001. – 264 с.
138. Малюков С.Г., Леденев Д.В., Малюкова Е.В. Краткий обзор истории экстрадиции // Знание. – 2017. – № 9–2. – С. 82 – 86.
139. Марченко А.В. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты выдачи (экстрадиции) // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 105 – 110.

140. Международное уголовное право: учебник / под общ. ред. А.В. Бриллиантова; отв. ред. А.А. Арямов, Г.А. Русанов. – М.: Юрайт, 2017. – 358 с.
141. Международное уголовное право: учебник / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 444 с.
142. Мельников М.Г. Действие уголовного закона в пространстве: учеб. пособ. / под общ. ред.: В.А. Елеонского – Рязань: Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2003. – 80 с.
143. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – 176 с.
144. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург: Cricket, 1994. – 284 с.
145. Неклюдов Н. Общая часть уголовного права (конспект). – СПб.: Тип. И. Меркульева, 1875. – 200 с.
146. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР. – Одесса: Вторая гос. типограф. им. Ленина, 1924. – 292 с.
147. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 502 с.
148. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X – XII в.в. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1952. – 287 с.
149. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – 442 с.
150. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV – XV в.в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. – 527 с.

151. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1957. – 504 с.
152. Пикуров Н.И. К вопросу о пространственных пределах уголовно-правовой юрисдикции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международ. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 января 2013 г.). – М.: МГЮА, 2013. – С. 125 – 128.
153. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – 288 с.
154. Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть Общая. Пособие к лекциям. Вып. Первый. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1913. – 127 с.
155. Плотников А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примерах РФ и США) // Вестник РУДН. Юридические науки. – 2009. – № 4. – С. 69 – 83.
156. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Вып. первый. – М.: Университет. тип., 1907. – 122 с.
157. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 71 – 79.
158. Преступления против военной службы: учеб. для вузов / под ред. А.Н. Петухова. – М.: Норма, 2002. – 208 с.
159. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 240 с.
160. Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
161. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 297 с.

162. Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 160 с.
163. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М.: Волтер-Клуверс, 2005. – 416 с.
164. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952 / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. – 463 с.
165. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип М. Стасюлевича, 1896. – 397 с.
166. Солнцев Г. Российское уголовное право / под ред. и со вступит. ст. Г.С. Фельдштейна. – Ярославль: Б.И., 1907. – 219 с.
167. Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. Первый. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – 438 с.
168. Степашин В.М., Бибик О.Н. Действие уголовного закона в пространстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 1. – С. 72 – 79.
169. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
170. Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона в пространстве. – М.: Юрид. лит., 1965. – 203 с.
171. Трофимов М.В. К вопросу о соотношении правовых понятий «воинская часть», «войсковая часть». Электронный ресурс: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4737> (дата обращения: 12.06.2019).
172. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Издательство: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 1064 с.
173. Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. В.В. Векленко. – М.: Юрайт, 2017. – 405 с.
174. Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. –

- Изд. 4-е, перераб. – М.: Юрид. изд. Мин-ва юстиции СССР, 1948. – 575 с.
175. Уголовное право. Общая часть. Учебник / ред.: А.А. Герцензон, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд. НКЮ СССР, 1939. – 527 с.
176. Уголовное право. Часть Общая. Учебник / под ред. Н.И. Загородникова, С.В. Бородина. – М.: Юрид. лит., 1966. – 511 с.
177. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий с путеводителем по судебной практике / под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 1536 с.
178. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 279 с.
179. Филимонов В.Д., Фидимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – 256 с.
180. Харламова Ю.Н. Особенности ответственности иностранных граждан за преступления по российскому уголовному праву (квалификация, проблемы расследования и экстрадиции). – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – 159 с.
181. Хурсевич А.А. Экстрадиция как инструмент международного уголовного права // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2015. – № 2. – С. 84 – 88.
182. Шаргородский М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – № 8. – С. 44 – 59.
183. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Мин. юст. СССР, 1948. – 311 с.
184. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI – XV в.в. – М.: Наука, 1976. – 239 с.
185. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 2. Уголовный закон / под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Издание проф. Малинина, 2005. – 847 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

186. Антипов А.Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 23 с.
187. Беляев С.С. Экстрадиция в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 22 с.
188. Богуславский А.А. Реализация правового статуса лиц с множественным (двойным) гражданством: конституционно-правовые аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владикавказ, 2011. – 22 с.
189. Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного времени: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 40 с.
190. Бойцов А.И. Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия: дисс. ... д-ра юрид. наук. в форме науч. докл. – СПб., 1996. – 32 с.
191. Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 27 с.
192. Галенская Л.Н. Право убежища в современном международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – 16 с.
193. Гефанова Е.И. Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2019. – 25 с.
194. Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 209 с.
195. Жук М.С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 380 с.

196. Зливко А.П. Конституционно-правовое регулирование предоставления убежища в странах Западной Европы (сравнительно-правовой анализ): дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 161 с.
197. Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве: опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ: автореф. дисс. ... канд. юрид. – М., 2001. – 28 с.
198. Измайлова П.Р. Уголовная ответственность должностных лиц государства по международному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
199. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – 39 с.
200. Кибальник А.Г. Иммунитет в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 25 с.
201. Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 26 с.
202. Колчевский И.Б. Действие уголовного закона по кругу лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 24 с.
203. Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 27 с.
204. Кучухидзе С.Т. Правовые основания для отказа в экстрадиции в международном публичном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 194 с.
205. Макаеева А.А. Реальный принцип действий уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 195 с.
206. Минкова Ю.В. Институт выдачи преступников в международном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 20 с.
207. Нагдалиев Х.З.о. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 186 с.

208. Рыжов А.А. Право политического убежища в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 24 с.
209. Сазон К.Д. Право убежища в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 32 с.
210. Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.
211. Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – 183 с.
212. Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 312 с.
213. Чермит А.К. Институт экстрадиции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 25 с.
214. Чурилова Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 31 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты анкетирования сотрудников правоприменительных органов по вопросам действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации

Граждане РФ в случае совершения ими преступлений за рубежом должны нести ответственность:

- А) по российским законам – 90%
- Б) по законам страны места совершения преступления – 10%

Гражданин РФ, имеющий гражданство иного государства, в случае совершения им преступления должен рассматриваться:

- А) исключительно как гражданин РФ – 100%
- Б) в зависимости от ситуации, в том числе как иностранец – 0%

Совершение российским гражданином за пределами России преступления должно влечь ответственность по УК РФ:

- А) при условии его «двойной наказуемости» по законам места совершения преступления и по законам России – 75%
- Б) вне зависимости от того, является ли это деяние преступным по законам места его совершения – 25%

Российские военнослужащие, дислоцирующиеся за пределами РФ, в случае совершения преступлений в месте дислокации воинской части, несут ответственность по УК РФ:

- А) вне зависимости от того, против каких объектов данное преступление направлено – 89%
- Б) если преступление направлено против интересов воинской службы – 11%

Российские военнослужащие, дислоцирующиеся за пределами РФ, в случае совершения преступлений вне места дислокации воинской части, несут ответственность по УК РФ:

- б) если преступление совершено при исполнении служебных обязанностей – 97%
- в) в любом случае – 3%.

Имеется ли практическая потребность в нормативной унификации правил определения юрисдикции при решении вопроса о привлечении к ответственности дислоцирующихся за рубежом военнослужащих?

- А) да – 85%
- Б) нет – 15%

Дипломатическими представителями РФ выступают:

- А) посол и представитель в международной организации – 73%
- Б) любые лица, пользующиеся международно-правовым иммунитетом – 27%

Применение российского уголовного закона к лицам, совершившим вне пределов России преступления, причиняющие вред ее интересам, допустимо:

- А) только в том случае, если страна места совершения преступления не воспользуется правом на наказание преступника – 100%
- Б) в любом случае, вне зависимости от того, как на преступление отреагирует страна места его совершения – 0%

Обоснованно ли применение российского закона к лицам которые за пределами России совершают преступление против российских граждан?

- А) да – 98%
- Б) нет – 2%

Целесообразно ли включить интересы российских организаций в перечень

охраняемых объектов в контексте осуществления защитного принципа?

А) да – 35%

Б) нет – 65%

Верно ли, что преступление, направленное против интересов РФ, всегда имеет своим объектом отношения, охраняемые главой 29 УК РФ?

А) да – 11%

Б) нет – 89%

Требуется ли для привлечения иностранцев, совершивших против интересов гражданина РФ преступления за пределами России, соблюдение требований «двойной наказуемости» деяния?

А) да – 74%

Б) нет – 26%.